

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

Ивана Михайловича

СѢЧЕНОВА.

Изданіе „НАУЧНАГО СЛОВА“.
Москва — декабрь 1907.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Кº, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«2-го ноября 1905 года Россія лишилась одного изъ выдающихся сыновъ своихъ въ лицѣ скончавшагося Нестора русскихъ физіологовъ, профессора Ивана Михайловича Сѣченова, столь много и столь славно потрудившагося въ дѣлѣ культурнаго развитія родины. Несмотря на свои 76 лѣтъ и неизбѣжно связанный съ такимъ возрастомъ нѣкоторый упадокъ физическихъ силъ, Иванъ Михайловичъ до конца дней своихъ сохранилъ въ полной мѣрѣ весь свой богатый запасъ умственной энергіи и наканунѣ роковой болѣзни былъ еще занятъ планами своей будущей научной работы. Пріѣхавъ къ началу сентября изъ деревни, И. М—чъ чувствовалъ себя и выглядѣлъ настолько бодрымъ и крѣпкимъ, что близкимъ къ нему лицамъ совершенно не приходила въ голову мысль о близости рокового исхода, тѣмъ болѣе что въ организмѣ И. М—ча не было ничего, внушавшаго опасеніе. Случайная болѣзнь—крупозное воспаленіе легкихъ—послѣ полуторанедѣльной борьбы сломила крѣпкій организмъ И. М—ча и свела въ могилу этого рѣдкаго человѣка-идеалиста, отдавшаго всю жизнь служенію наукѣ и родинѣ и не искавшаго для себя лично ничего, кромѣ возможности работать.»

Такъ говоритъ біографъ почившаго, его ученикъ и молодой другъ М. Н. Шатерниковъ[1]). Съ настоящимъ изданіемъ появляется въ свѣтъ автобіографія Ивана Михайловича. Спеціалистамъ она даетъ цѣнный документъ, раскрывающій постепенный ходъ развитія научной мысли выдающагося работника естествознанія, добросовѣстнаго и точнаго экспериментатора, строгаго и осторожнаго мыслителя. Ученики съ любовью и интересомъ прослѣдятъ жизненныя перипетіи своего учителя, изъ устъ котораго впервые въ Россіи раздалось научное слово въ области явленій живого человѣческаго организма и руками котораго насаждались у насъ точные методы западныхъ

[1]) „Научное Слово", 1905 г., кн. X, стр. 23; отчетъ Московскаго университета за 1905 г.

лабораторій. Товарищи изъ молодыхъ и старыхъ съ благодарностью встрѣтятъ этотъ остающійся, посмертный слѣдъ человѣка, который ясностью сужденія, прямотою своихъ дѣйствій, неуклоннымъ выраженіемъ взглядовъ и мыслей, невзирая на лицъ и обстоятельства, поддерживалъ и направлялъ многихъ на ихъ жизненномъ пути.

Молодому поколѣнію имя Сѣченова мало и даже вовсе неизвѣстно. Русскія женщины, ищущія свѣта и знанія, должны узнать подъ чьимъ руководствомъ ихъ піонерки впервые осуществили свою завѣтную мечту—пріобщиться наукѣ и записать свое имя на ея страницахъ. Живой интересъ почившаго къ учащейся женщинѣ вытекалъ не только изъ глубины его убѣжденій, но являлся актомъ благодарности: русскія женщины могутъ гордиться тѣмъ, что настойчивое слово одной изъ нихъ «учитесь» дало наукѣ первокласснаго ученаго и русскому обществу—строгаго мыслителя. Иванъ Михайловичъ высоко ставилъ русскую женщину, и къ благодарности автора присоединятъ свое спасибо и всѣ тѣ, кому дороги личность и трудъ Ивана Михайловича.

Простое слово было тѣмъ незначительнымъ, но соразмѣреннымъ ударомъ, который, попадая въ молчащую, но унисонную съ нимъ струну, вызываетъ мощный и гармоничный отзвукъ. Слово сдѣлало открытіе: развернулась мысль, и сильная воля направила все существо человѣка къ единой цѣли — труду въ области знанія. Это — та форма труда, одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыя лежатъ внѣ преходящихъ интересовъ и переживаютъ своихъ тружениковъ. И эта форма завладѣла цѣликомъ Иваномъ Михайловичемъ. Все личное, все преходящее, представляется въ его жизни лишь неизбѣжнымъ аксессуаромъ временнаго обитателя нашей планеты: оно никогда не захватываетъ его натуры, не вызываетъ мучительныхъ сомнѣній, мучительнаго самоанализа; все это—только минимумъ, необходимый для прохожденія жизненнаго пути. И въ этомъ подчиненіи дѣлу, переживающему человѣка, въ геометрически ясномъ и простомъ отношеніи къ личной жизни сказывалась вся духовная мощь Ивана Михайловича, и здѣсь кроется причина его нравственнаго и авторитетнаго вліянія на лицъ, приходившихъ съ нимъ въ общеніе.

Исканіе точности въ научныхъ изслѣдованіяхъ и строгой логичности въ мышленіи объ объектахъ этихъ изслѣдованій было той школой, изъ которой вытекала правда дѣйствія и слова, отличавшая Ивана Михайловича въ его отношеніяхъ къ людямъ. Въ той же школѣ онъ черпалъ и основы для своего сужденія объ общихъ вопросахъ познанія и пониманія явленій жизни. И эти сужденія облекались имъ въ строго-научную форму: рядъ общедоступныхъ статей, вышедшихъ изъ-подъ его пера въ молодые годы роста русскаго

общественнаго самосознанія, явился не однимъ необходимымъ дополненіемъ, заполнявшимъ пробѣлъ, который не могъ быть устраненъ психологами, философами и публицистами; онъ вносилъ въ кипѣвшую тогда работу мысли естественно-научную струю, раскрывавшую реальный смыслъ жизненныхъ вопросовъ познаванія и чувствованія. Эта струя по своей свѣжести и своевременности наложила и своеобразный оттѣнокъ на культурную работу того времени. Ея тоны слышны и теперь, сливаясь еще съ другими, новыми. Современное общество, вторящее имъ, однако почти не знаетъ перваго, подарившаго ихъ русской мысли. Къ сожалѣнію, то время высокихъ умственныхъ интересовъ и культурнаго расцвѣта, когда сынъ русской земли былъ вполнѣ достоинъ стать гражданиномъ свободной страны и съ достоинствомъ нести это званіе, далеко за нами... Заметались но не заметутся завѣты этого прошлаго.

Изъ немногихъ оставшихся послѣдышей ушелъ еще одинъ работникъ, но не умретъ его идеалъ: въ служеніи непреходящему видѣть смыслъ своего существованія и съ этой высоты оцѣнивать жизнь личную и общественную.

Совѣтъ Московскаго университета, профессоромъ и почетнымъ членомъ котораго состоялъ Иванъ Михайловичъ, чтитъ его память изданіемъ собранія его сочиненій. Чтобы дать читателю понятіе о ходѣ этого изданія, мы помѣщаемъ далѣе предисловіе къ первому тому этого собранія, и изъ того же сборника списокъ трудовъ И. М. Сѣченова, составленный М. Н. Шатерниковымъ въ хронологическомъ порядкѣ а также систематическій указатель этихъ трудовъ.

Н. Умовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И. М. СѢЧЕНОВА.

Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета въ засѣданіи своемъ 14 февраля 1906 года, въ цѣляхъ увѣковѣченія памяти профессора И. М. Сѣченова, постановилъ между прочимъ издать на счетъ университета собраніе сочиненій И. М., предоставивъ все изданіе, по его выходѣ, въ распоряженіе вдовы покойнаго. Редакцію этого изданія постановлено было поручить особо избранной для того комиссіи въ составѣ проф. М. А. Мензбира, проф. Л. З. Мороховца и прив.-доц. М. Н. Шатерникова.

Въ виду того, что, съ одной стороны, полное собраніе трудовъ И. М. Сѣченова значительно превысило бы опредѣленный Совѣтомъ объемъ изданій и что, съ другой стороны, И. М. неоднократно высказывался (какъ по отношенію къ себѣ, такъ и по отношенію къ другимъ) противъ перепечатыванія въ посмертныхъ изданіяхъ всего когда-либо опубликованнаго тѣмъ или инымъ авторомъ, комиссія, приступивъ къ исполненію возложеннаго на нее Совѣтомъ порученія, прежде всего должна была опредѣлить тѣ труды, которые имѣли быть включены въ настоящее изданіе. Эта задача была облегчена комиссіи самимъ И. М—чемъ, собравшимъ и подготовившимъ къ печати при жизни тѣ изъ своихъ спеціальныхъ работъ, которыя онъ желалъ бы помѣстить въ посмертномъ изданіи. Эти работы, касающіяся физіологіи центральной нервной системы, дыханія и газовъ крови, а также изслѣдованія надъ поглощеніемъ газовъ соляными растворами, были въ свое время напечатаны большею частью на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ онѣ переведены и отчасти переработаны для посмертнаго изданія самимъ И. М—чемъ и включены комиссіей въ составъ I тома. Единственнымъ добавленіемъ, сдѣланнымъ комиссіей, является статья «Къ вопросу о вліяніи раздраженія чувствующихъ нервовъ на мышечную работу человѣка». Комиссія руководствовалась при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что въ означенной

статьѣ изложены методика и результаты послѣдней экспериментальной работы И. М—ча. Въ качествѣ дополненія комиссія рѣшила приложить къ I тому «Очеркъ рабочихъ движеній человѣка», изданный подъ редакціей И. М—ча незадолго до его кончины.

Такимъ образомъ, содержаніе I тома вполнѣ соотвѣтствуетъ, по мнѣнію комиссіи, волѣ и желанію Ивана Михайловича.

Что касается II тома, то въ его составъ комиссіей включены всѣ психологическіе трактаты И. М—ча.

Если экспериментальныя работы И. М—ча составили ему почетное европейское имя среди ученыхъ, то широкимъ кругамъ русскаго общества имя Сѣченова извѣстно главнымъ образомъ благодаря его психо-физіологическимъ статьямъ. Комиссія сочла необходимымъ собрать воедино всѣ эти статьи, печатавшіяся преимущественно въ повременныхъ изданіяхъ, и дать такимъ образомъ читателямъ возможность вполнѣ ознакомиться съ міросозерцаніемъ такого выдающагося и оригинальнаго мыслителя, какимъ былъ покойный И. М. Сѣченовъ.

Члены комиссіи: *М. А. Мензбиръ.*
Л. З. Мороховецъ.
М. Н. Шатерниковъ.

Москва, май 1907 г.

Списокъ трудовъ Ивана Михайловича Сѣченова [1].

1) Einiges über die Vergiftung mit Schwefelcyankalium.
Virchow's Arch. f. path. Anat. u. Physiol., XIV 1858

2) Beiträge zur Pneumatologie des Blutes.
Sitzgsber. der Wien. Akad. mat. naturwiss. Cl. XXXVI 1859
То же. Zeitschrift f. rat. Med. (3. R.), Bd. X, 1861.

3) Ueber die Fluorescenz der durchsichtigen Augenmedien beim Menschen und einigen anderen Säugethieren.
Gräfe's Arch. f. Ophtalm., Bd. V, Abth. 2 1859

4) Матеріалы для будущей физіологіи алкогольнаго опьянѣнія.
Диссерт. на степень д-ра медицины. Спб. 1860

5) Pneumatologische Notizen.
Zeitsch. f. ration. Medic. (3 R.), Bd. X 1861

6) Лекціи о животномъ электричествѣ. Военно-медицинскій Журналъ. 1861
То же отдѣльнымъ изданіемъ. 1862.

7) Перерѣзка нерва, какъ условіе нарастанія его раздражительности.
Медицин. Вѣст., №№ 33 и 34 1861

8) Растительные акты въ животной жизни.
Мед. Вѣст, №№ 26 и 28. 1861

9) Eine neue Methode die mittlere Grösse des Blutdruckes in den Arterien zu bestimmen
Zeitschrift f. rationelle Medicin (3 R.), Bd. XII 1861

10) Note sur les modérateurs des mouvements réflexes dans le cerveau de la grenouille (présentée par M. Bernard).
Comptes rendus de l'Acad. d. scien., LVI, 50—53, 185—187 1863

11) Études physiologiques sur les centres modérateurs des mouvements réflexes dans le cerveau des grenouilles.
Annales des sciences naturelles, XIX, 109 1863
То же на нѣм. яз.: Physiologische Studien über die Hemmungsmechanismen für die Reflexthätigkeit des Rückenmarkes im Gehirne des Frosches. Berlin. 1863.

---

[1]) И. М—чъ не оставилъ перечня своихъ трудовъ; печатаемый здѣсь списокъ какъ и ранѣе опубликованные при некрологахъ (Отчетъ Москов. унив. за 1905 г. и „Le Physio ogiste Russe", Vol. VI), составленъ мною. *М. Шатерниковъ.*

То же на рус. яз.: Изслѣдованіе центровъ, задерживающихъ отраженныя движенія въ мозгу лягушки. Медицинскій Вѣстн., №№ 1, 2 и 3, 1863.

12) Прибавленіе къ ученію о нервныхъ центрахъ, задерживающихъ отраженныя движенія. Медицинскій Вѣстникъ, №№ 34 и 35. 186

13) Рефлексы головного мозга.
Медицинскій Вѣстникъ, №№ 47 и 48 (въ приложеніи) 1864

14) Редакція и дополненіе перевода учебн. Германа «Основы физіологіи». Спб. 1864

15) Новое прибавленіе къ ученію о механизмахъ, задерживающихъ отраженныя движенія. Мед. Вѣст., № 15 1864

16) Neuer Apparat zur Gewinnung der Gase aus dem Blute.
Zeitsch. f. rat. Med. (3 R.) Bd. XXIII 1864

То же на русск. яз.: Аппаратъ для добыванія газовъ изъ крови. Мед. Вѣст., № 33, 1864.

17) Еще о центрахъ, задерживающихъ отраженныя движенія.
Мед. Вѣст., №№ 41 и 42 1864

18) Weiteres über die Reflexhemmungen beim Frosche.
Zeitschr. f. ration Med. (3 R.), Bd. XXIII 1864

19) Setschenow u. Paschutin: Neue Versuche am Hirn und Rückenmark des Frosches. Berlin. Hirschwald 1865

То же на русск. яз.: Сѣченовъ и Пашутинъ. Новые опыты надъ головнымъ и спиннымъ мозгомъ лягушки. Спб. 1865.

20) Ueber die erregende Wirkung des Blutes auf die cerebrospinalen Nervencentren des Frosches.
Centralbl. f. d. med. Wiss., № 17 1865

21) Ueber die Nervenbahnen, welche die vorderen und die hinteren Extremitäten des Frosches untereinander verbinden.
Centralbl. f. die medicin. Wissensch., №№ 52, 53 и 54 1865

22) Nachträglicher Zusatz zur Frage über die Einrichtung des Froschrückenmarks.
Centralbl. f. d. medic. Wissensch. № 3 1866

23) Notiz, die Reflexhemmung betreffend.
Zeitsch. f. rat. Med. (3 R.) Bd. XXVI 1866

24) Редакція перевода учебн. физіологической химіи Кюне. Спб. 1866

25) Физіологія нервной системы. Спб. 1866

26) Рефлексы головного мозга.
2-е значит. дополн. изд. [1]). Спб. 1866

---

[1]) 3-е изд. „Рефлексовъ“ вошло вмѣстѣ съ замѣчаніями на книгу Кавелина и статьей „Кому и какъ разрабатывать психологію“ въ „Психологическіе этюды“. Спб. 1873. Этюды переведены на франц. яз.: Ivan Setchénoff. Études psychologiques traduites du russe par Victor Derély. Paris. C. Reinwald, Libraire. Edition 1884.

27) Физіологія органовъ чувствъ. Зрѣніе (передѣлка сочиненія Fick'a—Anatomie u. Physiol. d. Sinnesorgane). Спб. 1867

28) Ueber electrische und chemische Reizung der sensiblen Rückenmarksnerven des Frosches. Graz. 1868

То же на русскомъ яз.: Объ электрическомъ и химическомъ раздраженіи спинномозговыхъ нервовъ лягушки. Спб. 1868.

29) Ueber die Wirkung des alkoholischen Extracts des Cynoglossum officinale. Centralblatt f. d. medic, Wissensch.. № 14 1868

Сюда же относится: Erklärung. Centralbl. f. d. medic. Wissensch., № 52, S. 832, 1870.

30) Физіологія растительныхъ процессовъ.
Вѣстникъ Европы, №№ 10 и 12. 1870

31) Einige Bemerkungen über das Verhalten der Nerven gegen sehr schnell folgende Reize. Pflüger's Archiv f. d. ges. Physiol. Bd., 5 . . 1872

То же на русск. яз.: Нѣсколько замѣчаній о дѣйствіи на нервы очень быстро слѣдующихъ другъ за другомъ раздраженій.
Записк. Новоросс. Общ. Естествоисп. т. I, вып. 1, 1872.

32) Замѣчанія на книгу г. Кавелина «Задачи психологіи».
Вѣстникъ Европы, № 11 1872

33) Кому и какъ разрабатывать психологію. Вѣст. Евр., № 4 . . . 1873

34) О связываніи угольной кислоты кровью.
Записк. Новор. Общ. Естествоисп., т. II, вып. 1 1873

35) Setschenow u. Metschnikoff: Zur Lehre über die Vaguswirkung auf das Herz.
Centralbl. f. d. medic. Wissensch., № 11 1873

36) Weiteres über die Vaguswirkung auf das Herz.
Centralbl. f. d. med. Wissensch., № 19 1873

37) Ueber die Absorptionsverhältnisse der CO_2 durch schwache CNa_2O_3-Lösungen.
Centralbl. f. d. med. Wissensch., № 23 1873

То же на русск. яз.: О поглощеніи угольной кислоты щелочными жидкостями. Проток. Новор. Общ. Естеств. 1873.

38) Локомоція у лягушки. Проток. Новор. Общ. Естествоисп. . . . 1873

39) Сѣченовъ и Репяховъ. Продолжительность рефлекторнаго возбужденія съ бродящаго и симпатическаго нервовъ лягушки.
Проток. Новорос. Общ. естествоисп. 1873

40) Ueber die Absorptiometrie in ihrer Anwendung auf die Zustände der Kohlensäure im Blute.
Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 8 1874

41) Редакція перевода учебника физіологіи Функе. Спб. . . . 1875

42) Ueber die Absorption der Kohlensäure durch Lösungen von neutralem phosphorsaurem Natron.
Centralbl. f. d. medic. Wissensch., № 3 1875

43) О поглощеніи угольнаго ангидрида растворами солей.
Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ., т. VII, отд. I 1875

44) Ueber die Absorption der Kohlensäure durch Salzlösungen.
Mémoir. de l'Academ. des sciences de St.-Pétersbourg, VII Série, T. XXII, № 6. 1875

45) Notiz, die Reflexhemmenden Mechanismen betreffend.
Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 10 1875

46) Переводъ учебника физіологіи Брюкке (совмѣстно съ другими русскими физіологами). Спб 1876

47) Die Kohlensäure des Blutes.
Centralblatt für d. med. Wissenschaft., № 35 1877
То же на русск. яз.: Поглощеніе углекислоты кровью.
Журналъ Русскаго Ф.-Х. Общества, т. IX, отд. 1, 1877.

48) Объ элементахъ зрительнаго мышленія (авто ?) рефератъ публичныхъ лекцій. Врачебн. Вѣдом., №№ 1, 15, 17, 19, 21 и 22 . . . 1877

49) Вещества кровяной сыворотки, связывающія углекислоту.
Ж. Р. Ф.-Х. Общ., т. X, отд. 1, вып. 2. 1878

50) О свертываніи бѣлка въ пустотѣ.
Ж. Рус. Ф.-Х. Общ., т. X, отд. 1, вып. 5 1878

51) Элементы мысли. Вѣст. Европы, №№ 3 и 4. 1878

52) О поглощеніи угольной кислоты соляными растворами и кровью. Спб. 1879

53) Die Kohlensäure des Blutes.
Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Pétersb., VII Série, T. XXVI, № 13. 1879

54) Данныя касательно рѣшенія вопроса о поступленіи азота и кислорода въ кровь при нормальныхъ условіяхъ дыханія и при колебаніяхъ воздушнаго давленія книзу.
Рѣчь. Труды VI съѣзда русск. естествоиспытателей и врачей 1879

55) Die CO_2-bindenden Stoffe des Blutes.
Centralbl. f. d. med. Wissensch., № 21 1879

56) О веществахъ жидкой части крови и кровяныхъ шариковъ, химически поглощающихъ углекислоту.
Жур. Рус. Физ.-Хим. Общ., т. XI, отд. 1, вып. 4 1879

57) Zur Frage über die Athmung in verdünnter Luft.
Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 22 1880
То же на рус. яз.: Къ вопросу о дыханіи разрѣженнымъ воздухомъ. Врачъ, №№ 21 и 22, 1880.

58) Ueber die O_2-Spannung in der Lungenluft unter verschiedenen Bedingungen. Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 22 1880

То же на рус. яз.: О напряженіи кислорода въ легочномъ воздухѣ при разныхъ условіяхъ. Врачъ, № 43, 1880.

59) Законъ измѣненія содержанія и напряженія кислорода въ легочномъ воздухѣ.

Ж. Р. Ф.-Х. Общ., т. XII, отд. 1. 1880

60) Zur Theorie der Lungenluftzusammensetzung.

Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 24 1881

61) Ученіе о несвободѣ воли съ практической стороны.

Вѣстникъ Европы, № 1 1881

62) Galvanische Erscheinungen an der cerebrospinalen Axe des Frosches. Vorläuf. Mitth.

Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 25 1881

63) Hemmung spontaner Stromesschwankungen an dem verlängerten Marke des Frosches.

Centralbl. f. d. med. Wissensch., № 11 1882

64) Galvanische Erscheinungen an dem verlängerten Marke des Frosches. Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 27 1882

То же на рус. яз.: Гальваническія явленія на продолговатомъ мозгу лягушки. Врачъ, № 45, 1882.

65) Notiz über den Nierenblutkreislauf.

Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiol., Bd. 31. 1883

То же на русскомъ языкѣ: Замѣтка о почечномъ кровообращеніи. Врачъ, № 6, 1883.

66) Новая форма кровяного насоса. Врачъ, № 18. 1883

67) Notiz über die Ausgleichung des Schliessungs-und Oeffnungsinductionsschläge. Pflüger's Arch. f. d. ges. Phys., Bd. 31 1883

То же на рус. яз.: О выравниваніи индукціонныхъ ударовъ. Врачъ, № 47, 1883.

68) Бѣглый очеркъ научной дѣятельности русскихъ университетовъ по естествознанію за послѣднее 25-тилѣтіе.

Вѣст. Европы, № 11. 1883

69) Физіологическіе очерки. Спб 1884

70) Нарастаніе коэффиціентовъ поглощенія углекислоты въ разжижаемыхъ водою соляныхъ растворахъ, индифферентныхъ къ этому газу.

Жур. Рус. Ф.-Х. Общ., т. XVIII, отд. 1 1886

71) Ueber die Absorptionscoefficienten der Kohlensäure in den zu diesem Gase indifferenten Salzösungen.

Mém. de l'Ac. des sciences de St.-Pétersbourg, VII Série, T. XXXIV, № 3 1886

72) Переработка отдѣла о дыханіи въ руководствѣ „Практическій курсъ физіологіи" Бурдонъ-Сандерсона. Спб 1887

73) Weiteres über das Anwachsen der Absorptionscoefficienten von CO_2 in den Salzlösungen.
Mém. de l'Academie des sciences de St.-Pétersbourg, VII Série, T. XXXV, № 7 1887

74) Eine neue Trypsinprobe. Centralbl. f. d. med. Wissensch., № 27. 1887

75) Редакція перевода съ англ. сочиненія Tait'a «Свойства матеріи». Спб 1887

76) О трипсинномъ пищевареніи.
Труды Спб. Общ. Ест., т. XIX, отд. зоол. и физіол 1888

77) О поглощеніи CO_2 растворами солей съ сильными кислотами.
Ж. Р. Физ.-Хим. Общ., т. XX, отд. 1 1888

78) Ueber die Constitution der Salzlösungen auf Grund ihres Verhaltens zur Kohlensäure. Vorläuf. Mittheilung.
Zeitschr. f. physik. Chemie, IV, 1 1889

79) Ueber die Constitution der Salzlösungen auf Grund ihres Verhaltens zur Kohlensäure.
Nouveaux mémoires de la Soc. Imp. des Natural. de Moscou, T. XV, Livraison 6 1889

80) Впечатлѣнія и дѣйствительность. Вѣст. Европы, № 5 1890
То же. Труды Физіол. инст. Моск. ун., т. V, вып. 1, 1896.

81) Физіологія нервныхъ центровъ. Спб. 1891

82) Analogien zwischen der Auflösung von Gas und Salz in einer zu beiden indifferenten Salzlösung.
Zeitschr. f. physikal. Chemie, VIII, 6 1891
То же на рус. яз.: 1) Бюлл. Общ. Исп. Пр. въ Москвѣ, № 1, 1892. 2) Труды Физіол. инст. Моск. ун., т. V, вып. 1, 1896.

83) Предметная мысль и дѣйствительность.
Сборн. въ помощь голодающимъ. Москва. 1892

84) О щелочахъ крови и лимфы.
Bull. de la Soc. Imp. des Natural. de Moscou, № 3 1892
То же. Труды Физіол. инст. Моск. ун., т. V, вып. 1, 1896.

85) Action de l'acide carbonique sur les solutions des sels à acides forts. Etude absorptiométrique.
Annales de Chimie et de Physique, T. XXV, p. 226 1892

86) Резюме работы съ поглощеніемъ CO_2 индифферентными къ ней соляными растворами.
Труды Отд. физич. наукъ И. О. Л. Е., А. и Э., т. V. 1893

87) О предметномъ мышленіи съ физіологической точки зрѣнія.
Рѣчь на общ. собр. IX съѣзда русс. естествоисп. и врачей 4 янв. 1894. Напечатано въ Русской Мысли 1894

И. Сеченовъ.

Дѣтство.

(1829—1843)

Дѣдъ нашъ, дворянинъ Костромской губерніи Алексѣй Ивановичъ Сѣченовъ, хотя и былъ зажиточный помѣщикъ, но самъ учился на мѣдные гроши, а сыновей, по господствовавшему въ Екатерининскія времена обычаю, записывалъ въ раннемъ дѣтствѣ въ гвардейскіе полки. Такимъ образомъ отецъ мой Михаилъ Алексѣевичъ, младшій изъ сыновей, былъ сержантомъ въ Преображенскомъ полку, служилъ при Матушкѣ-Екатеринѣ и дослужился до чина секундъ-майора. Въ дѣтствѣ мнѣ случалось видѣть бумагу (вѣроятно, указъ объ отставкѣ отца) съ размашистой подписью «Екатерина», которую отецъ цѣловалъ каждый разъ, какъ бумага попадала ему въ руки. По смерти Алексѣя Ивановича, онъ получилъ въ наслѣдство небольшое имѣніе въ Костромской губерніи и значительное имѣніе въ Симбирской губ., Курмышскаго уѣзда, почти на границѣ Нижегородской губ., купленное нѣкогда митрополитомъ Димитріемъ Сѣченовымъ (вѣроятно во время его епископства въ Нижнемъ) и переданное имъ въ родъ. Здѣсь отецъ мой и поселился, выйдя въ отставку, на удобную при крѣпостномъ правѣ жизнь помѣщика, и здѣсь же (въ с. Тепломъ Станѣ) народились всѣ восемь его дѣтей: 5 братьевъ и 3 сестры. Я самый младшій изъ дѣтей. Переселеніе отца изъ Костромской губерніи въ Симбирскую произошло, сколько я понимаю, по той причинѣ, что онъ былъ лошадиный охотникъ и хлѣбное черноземное симбирское помѣстье давало ему возможность устроить небольшой конскій заводъ, что̀ было бы въ Костромскомъ имѣніи невозможно. Какъ бы то ни было, за всю свою долголѣтнюю жизнь въ деревнѣ, онъ интересовался главнымъ образомъ только конскимъ заводомъ, въ поля не заглядывалъ, отъ коронной службы уклонялся, по дворянскимъ выборамъ не служилъ и даже ни разу не съѣздилъ въ Симбирскъ на дворянскіе выборы. Личныхъ воспоминаній объ отцѣ у меня сохранилось очень мало— однѣ лишь чисто-внѣшнія отрывочныя черты, потому что онъ

Дѣтство.

(1829—1843).

Дѣдъ нашъ, дворянинъ Костромской губерніи, Алексѣй Ивановичъ Сѣченовъ, хотя и былъ зажиточный помѣщикъ, но дѣтей училъ на мѣдные гроши, а сыновей, по господствовавшему въ Екатерининскія времена обычаю, записывалъ въ ранней юности въ гвардейскіе полки. Такимъ образомъ отецъ мой Михаилъ Алексѣевичъ, младшій изъ сыновей, былъ сержантомъ въ Преображенскомъ полку, служилъ при Матушкѣ-Екатеринѣ и дослужился до чина секундъ-майора. Въ дѣтствѣ мнѣ случалось видѣть бумагу (вѣроятно, указъ объ отставкѣ отца) съ размашистой подписью «Екатерина», которую отецъ цѣловалъ каждый разъ, какъ бумага попадала ему въ руки. По смерти Алексѣя Ивановича, онъ получилъ въ наслѣдство небольшое имѣніе въ Костромской губерніи и значительно большее въ Симбирской губ., Курмышскаго уѣзда, почти на границѣ Нижегородской губ., купленное нѣкогда митрополитомъ Димитріемъ Сѣченовымъ (вѣроятно во время его епископства въ Нижнемъ) и переданное имъ въ родъ. Здѣсь отецъ мой и поселился, выйдя въ отставку, на удобную при крѣпостномъ правѣ жизнь россійскаго помѣщика, и здѣсь же (въ с. Тепломъ Станѣ) народилась вся семья его дѣтей: 5 братьевъ и 3 сестры. Я самый младшій въ семьѣ. Переселеніе отца изъ Костромской губерніи въ Симбирскую произошло, сколько я понимаю, по той причинѣ, что онъ былъ лошадиный охотникъ и хлѣбное черноземное симбирское помѣстье давало ему возможность устроить небольшой конскій заводъ, что̀ было бы въ Костромскомъ имѣніи невозможно. Какъ бы то ни было, но всю свою долголѣтнюю жизнь въ деревнѣ, онъ интересовался однимъ только конскимъ заводомъ, въ поля не заглядывалъ, отъ коронной службы уклонялся, по дворянскимъ выборамъ не служилъ и даже ни разу не съѣздилъ въ Симбирскъ на дворянскіе выборы. Личныхъ воспоминаній объ отцѣ у меня сохранилось очень мало — однѣ лишь чисто-внѣшнія отрывочныя черты, потому что онъ

умеръ, когда мнѣ было 10 лѣтъ. Помню его сѣдымъ старикомъ, въ его ежедневномъ домашнемъ костюмѣ (мягкіе сапоги, черные плиссовые штаны и фуфайка въ родѣ куртки) и въ венгеркѣ по праздникамъ, съ трубкой въ зубахъ (помню даже мундштукъ его чубука); помню, какъ онъ ежедневно, послѣ утренняго чая, ходилъ на конный дворъ и собственноручно изъ ларя отмѣривалъ лошадямъ овесъ гарнцами, а затѣмъ смотрѣлъ, какъ выводили лошадей на водопой; помню, что еще при его жизни я выучился играть на билліардѣ и немилосердно обыгрывалъ отца, очень плохого игрока, когда ему случалось играть со мной отъ скуки [1]). На насъ, дѣтей, онъ мало обращалъ вниманія; по крайней мѣрѣ, я не помню ни единаго случая, когда бы онъ приласкалъ меня или которую-нибудь изъ сестеръ. Но съ другой стороны, не помню также и случаевъ, чтобы онъ на насъ сердился или кого-нибудь наказывалъ. Не имѣя образованія, онъ, однако, сознавалъ его важность и внушалъ намъ, дѣтямъ, что мы должны относиться къ своимъ учителямъ и учительницамъ, какъ къ своимъ благодѣтелямъ. Гувернантка въ нашемъ домѣ была равноправнымъ членомъ семьи, за обѣдомъ сидѣла на почетномъ мѣстѣ и называла старика-отца папенькой. Впослѣдствіи я узналъ изъ разсказовъ, что онъ отличался безкорыстіемъ и большой честностью; крестьянъ не притѣснялъ; погорѣльцамъ строилъ избы; въ неурожаи раздавалъ хлѣбъ; но вмѣстѣ съ этимъ не брезговалъ пользоваться, помимо барщины, заведеннымъ въ тѣхъ мѣстахъ порядкомъ брать ежегодно отъ мужиковъ по барану съ тягла, а съ крестьянокъ—извѣстное количество пряжи. Жилъ онъ неприхотливо и крайне дешево «на всемъ своемъ»—послѣднее, благодаря тому, что держалъ большую дворню, въ составъ которой, помимо поваровъ, конюховъ и скотниковъ, входили два ткача, двое портныхъ, одинъ сапожникъ, печникъ, парикмахеръ, столяръ и даже мастеръ жестяныхъ издѣлій. Пока всѣ еще дѣти были малы, онъ, при его умѣренномъ образѣ жизни, былъ настолько богатъ, что выстроилъ въ селѣ почти исключительно на свои деньги большую каменную церковь и двухэтажный деревянный домъ въ 20 комнатъ, съ небольшимъ садомъ по заднему фасаду.

Моя милая, добрая, умная мать была красивая въ молодости крестьянка, хотя въ ея крови, по преданію, была черезъ прабабку примѣсь калмыцкой крови [2]). Передъ женитьбой отецъ отправилъ

[1]) Дѣло въ томъ, что въ эти годы всѣ старшіе братья были уже внѣ дома и въ деревнѣ оставались со стариками только сестры да я.

[2]) Изъ всѣхъ братьевъ я вышелъ въ черную родню матери и отъ нея же получилъ тотъ обликъ, благодаря которому Мечниковъ, возвратясь изъ путешествія по

ее въ какой-то женскій Суздальскій монастырь для обученія грамотѣ и женскимъ рукодѣліямъ. Поэтому въ дѣтствѣ я ее помню ничѣмъ не отличающейся съ виду отъ сосѣднихъ пожилыхъ помѣщицъ, относившихся къ ней, изъ-за ея милаго, кроткаго нрава, съ большой любовью. На ея рукахъ была обычная половина домоваго хозяйства; но въ семьѣ, при жизни отца, голосъ ея слышался очень рѣдко. Къ тому же и она не была ласкова къ дѣтямъ; поэтому я узналъ ее и полюбилъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда по выходѣ въ отставку изъ военной службы, прожилъ болѣе полугода у нея въ деревнѣ. Въ дѣтствѣ же, больше отца и матери, я любилъ мою милую няньку «Настеньку», которую по ея лѣтамъ и положенію въ домѣ, вся прислуга величала полнымъ именемъ Настасьи Яковлевны. Она меня ласкала, водила гулять, сберегала для меня отъ обѣда лакомства, брала мою сторону въ пререканіяхъ съ сестрами и плѣняла, вѣроятно, больше всего сказками, на которыя была большая мастерица. Ложась спать, я, изъ-за сказокъ нерѣдко переселялся къ ней на постель, и когда случалось, что мѣшалъ ей спать, требуя повторенія разсказовъ, она— это она разсказывала мнѣ сама, когда я былъ отставнымъ офицеромъ — начинала сказку о томъ, какъ нѣкій царь, задумавъ выстроить костяной дворецъ, велѣлъ со всего царства собрать кости и положить ихъ для размочки въ воду. Съ этими словами она умолкала, а когда я спрашивалъ, что же дальше, то получалъ въ отвѣтъ: «разсказывать, батюшка, нечего — кости еще мокнутъ, не размокли», чѣмъ я, по ея словамъ, и удовлетворялся.

Семья наша, по возрастамъ дѣтей, распалась на три группы. Два старшихъ брата и старшая сестра, погодки (Алексѣй, Александръ и Анна) выбыли изъ семьи когда я еще не родился, и учились въ Ярославлѣ. Братья кончили курсъ въ Демидовскомъ лицеѣ, а сестра въ пансіонѣ. Братьевъ,—отецъ, какъ военный человѣкъ и лошадиный охотникъ,—пустилъ въ гусары; а сестру, по окончаніи ученья, вернулъ домой, гдѣ она и стала обучать третью группу, двухъ меньшихъ сестеръ (Варвару и Серафиму) и меня грамотѣ. Въ это время два среднихъ брата (Рафаилъ и Андрей) учились внѣ дома, въ нашемъ уѣздномъ городѣ и оттуда поступили въ Казанскую гимназію. Такимъ образомъ все свое дѣтство я росъ въ деревнѣ товарищемъ двухъ младшихъ сестеръ. При жизни отца была рѣчь о томъ, чтобы и меня отдать въ Казанскую гимназію; но по его кончинѣ мать почему-то удержала меня до 12 лѣтъ

Ногайской степи, говорилъ мнѣ, что въ этихъ палестинахъ что ни татаринъ—вылитый Иванъ Михайловичъ.

дома (вѣроятно разсчитывая приготовить меня дома не въ самый низшій классъ); а въ это время старшій братъ, гусаръ, уже офицеръ, познакомился въ Москвѣ съ семействомъ, членомъ котораго былъ инженеръ, и узнавъ изъ его разсказовъ о выгодахъ инженерной службы и дешевизнѣ образованія, получаемаго въ Главномъ Инженерномъ училищѣ [1]), настоялъ у матери, чтобы меня отдали туда. Благодаря этому, я продолжалъ учиться въ деревнѣ до 14-го года. Обстоятельство это имѣло очень важное значеніе для моей будущности—изъ всѣхъ братьевъ я одинъ выучился въ дѣтствѣ иностраннымъ языкамъ. Дѣло въ томъ, что родители не считали нужнымъ обучать имъ дома мальчиковъ, полагая, что они научатся языкамъ въ школѣ; а для дѣвочекъ считали такое обученіе необходимымъ. Съ этой цѣлью въ домѣ нашемъ, за годъ до смерти отца, появилась, ради сестеръ, смолянка, Вильгельмина Константиновна Штромъ, знавшая французскій и нѣмецкій языки; и меня, уже кстати, въ придачу къ сестрамъ, отдали ей на руки.

До пріѣзда гувернатки и нѣкоторое время послѣ ея пріѣзда, меня обучалъ Закону Божію, ариѳметикѣ, русскому и латинскому языкамъ, молодой священникъ изъ сосѣдняго села Атяшева, отличавшійся, однако, не столько потребными для учительства знаніями, сколько пріятной внѣшностью, веселымъ нравомъ и умѣньемъ держать себя въ дворянскомъ обществѣ. Насколько могу припомнить его уроки, знанія его въ ариѳметикѣ не заходили за предѣлы 4-хъ начальныхъ дѣйствій, а въ латыни учителемъ моимъ былъ не онъ, а латинская грамматика Кошанскаго, такъ какъ вся моя задача заключалась въ заучиваніи преподанныхъ въ ней правилъ склоненія и спряженія по указанію учителя: «отъ сихъ до сихъ». Наоборотъ, ученіе языкамъ у Вильгельмины Константиновны шло очень удачно, благодаря тому, что именно грамматика была на заднемъ планѣ. Классныя занятія по языкамъ заключались въ томъ, что мы ежедневно заучивали по одному глаголу, списывая его съ книги (разумѣется послѣ того, какъ были продѣланы avoir, être, haben и sein); затѣмъ дѣлали маленькіе переводы съ иностраннаго языка на русскій и наоборотъ. Кромѣ того, съ перваго же года она заставляла насъ говорить и внѣ класса не иначе какъ на иностранныхъ діалектахъ. Это я помню по слѣдующему случаю: изъ заучиванія спряженій я узналъ, что давнопрошедшему времени во французскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ plusqueparfait; поэтому на какой-то

[1]) Въ тѣ времена плата за все содержаніе воспитанника, вмѣстѣ съ ученіемъ въ теченіи 4 лѣтъ, состояла изъ единовременнаго взноса 285 р. при чемъ воспитанникъ, при выходѣ въ офицеры, получалъ даромъ всю обмундировку, за исключеніемъ сюртука и шинели.

вопросъ Вильгельмины Константиновны, требовавшій отъ меня по смыслу слова «давно», я отвѣтилъ сначала къ удивленію ея, а потомъ, когда дѣло выяснилось, къ веселому смѣху, словомъ «plusque». Какъ бы то ни было, но Вильгельмина Константиновна оказала мнѣ истинное благодѣяніе, научивъ меня обоимъ языкамъ настолько, что я не забылъ ихъ за время пребыванія въ инженерномъ училищѣ (гдѣ обученіе языкамъ было неважно) и могъ пользоваться этими знаніями во время студенчества [1]).

Учился я должно быть легко, потому что меня часто отпускали изъ класса раньше сестеръ и никогда не наказывали, тогда какъ сестра Серафима сиживала нерѣдко (по обычаю, вынесенному Вильгельминой Константиновной изъ Смольнаго) въ бумажномъ колпакѣ съ надписью «за лѣность».

Къ чтенію у меня съ дѣтства была большая охота, но книгъ для дѣтскаго чтенія въ то время и въ поминѣ не было. Помню только Конька-Горбунка (почему-то въ рукописи), сокращеннаго Робинзона съ картинками и какое-то иллюстрированное изданіе священной исторіи, которое мы съ сестрой Серафимой иллюстрировали съ своей стороны, покрывая лица святыхъ красной краской, а лица библейскихъ грѣшниковъ и злодѣевъ зеленой.—Не могу не вспомнить по этому поводу, что иногда Настенька дѣлала мнѣ изъ своей косы рисовальныя кисточки. Позднѣе, вѣроятно подъ вліяніемъ одного изъ старшихъ братьевъ, Александра, скудная библіотека Теплаго Стана стала пополняться. Онъ былъ большой поклонникъ Марлинскаго, перешелъ вѣроятно поэтому тотчасъ по смерти отца изъ гусаровъ на Кавказъ линейнымъ казакомъ и считался въ семьѣ чуть не литераторомъ, потому что посылалъ съ Кавказа письма съ литературнымъ пошибомъ. Какъ бы то ни было, но у насъ завелся Пушкинъ, Жуковскій, Марлинскій, Загоскинъ и Лажечниковъ. Вѣроятно подъ вліяніемъ разговоровъ въ семьѣ, любимымъ авторомъ моимъ былъ Марлинскій, и его я прочиталъ отъ доски до доски. Знаю навѣрное, что читалъ всѣ повѣсти Пушкина, зналъ почти наизусть одну изъ его сказокъ, читалъ Руслана и Евгенія Онѣгина (изданіе съ картинками); но стихами не восхищался и должно быть предпочиталъ Пушкину Юрія Милославскаго, Ледяной домъ и Новика. Читалось все безъ руководства и указаній литературно образованнаго человѣка; поэтому перлами созданія казались мнѣ такія вещи, гдѣ героями являлись лица, совершившія какіе-либо подвиги. Моими дѣтскими любимцами были Аммалатъ-

[1]) Незнаніе языковъ у большинства нашихъ студентовъ представляетъ большое зло. Пора бы положить ему конецъ, измѣнивъ способъ обученія языкамъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Бекъ, Мулла-Нуръ Марлинскаго и запорожецъ Кирша въ Юріи Милославскомъ. Впрочемъ вкусъ къ такимъ героямъ сохранился у меня и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда я познакомился съ Вальтеръ-Скоттомъ и Куперомъ. Гоголя у насъ въ деревнѣ не было; но его Мертвыя души мнѣ удалось слышать вскорѣ по ихъ выходѣ въ свѣтъ въ чтеніи большого пріятеля нашего дома, Курмышскаго судьи Павла Ильича Скоробогатова. Онъ славился умѣніемъ читать и очевидно любилъ читать въ обществѣ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ что онъ пріѣзжалъ къ намъ, его упрашивали прочитать что-нибудь новое, и онъ охотно дѣлалъ это, привозя иногда даже съ собою литературныя новости. Такимъ образомъ въ одинъ изъ его пріѣздовъ и были прочитаны имъ Мертвыя души.

Мальчикъ я былъ очень некрасивый, черный, вихрястый и сильно изуродованный оспой [1]); но былъ, должно быть, не глупъ, очень веселъ и обладалъ искусствомъ подражать походкамъ и голосамъ [2]), чѣмъ часто потѣшалъ домашнихъ и знакомыхъ. Сверстниковъ по лѣтамъ мальчиковъ не было ни въ семьяхъ знакомыхъ, ни въ дворнѣ; росъ я всю жизнь между женщинами; поэтому не было у меня ни мальчишескихъ замашекъ, ни презрѣнія къ женскому полу; притомъ же былъ обученъ правиламъ вѣжливости. На всѣхъ этихъ основаніяхъ я пользовался любовью въ семьѣ и благорасположеніемъ знакомыхъ, не исключая барынь и барышенъ.

Изъ знакомыхъ всего ближе стояла къ намъ семья Бориса Сергѣевича Пазухина: онъ, вдовецъ, двѣ его дочки и воспитавшая ихъ, вмѣсто матери, сестра его Прасковья Сергѣевна. Онъ былъ, сколько я знаю, единственный другъ моего отца въ тѣхъ краяхъ; много моложе его, но пережилъ отца едва ли больше чѣмъ на одинъ годъ. Видалъ я его рѣдко, потому что онъ жилъ съ семьей въ 60 верстахъ отъ насъ и наѣзжалъ въ наши края одинъ разъ въ годъ, въ началѣ ноября, къ именинамъ отца, и поселялся тогда съ своей семьей на нѣкоторое время въ сосѣднемъ съ Теплымъ Станомъ имѣньи его сестеръ, чтобы полевать съ борзыми въ нашихъ унылыхъ степныхъ палестинахъ [3]). Въ это время онъ и бы-

---

[1]) Родители должно быть не успѣли привить мнѣ оспу. Она напала на меня на первомъ году и изуродовала меня, одного изъ всей семьи.

[2]) Эти заученные въ раннемъ дѣтствѣ походки и голоса сохранились во мнѣ до сихъ поръ, до 75 лѣтъ. Я могъ бы воспроизвести ихъ и теперь.

[3]) Какъ ни бѣдна Россія живописными видами, но мѣстность, гдѣ я провелъ дѣтство, принадлежитъ, я думаю, къ наименѣе живописнымъ. — Черная, почти какъ уголь, земля, изрѣзанная въ пологихъ впадинахъ оврагами, безъ единаго деревца или ручейка на версты, съ единственнымъ украшеніемъ рѣдкихъ рощей, виднѣющихся на горизонтѣ въ видѣ темныхъ четыреугольниковъ. Эта часть Курмышскаго уѣзда густо заселена татарами и мордвой. Приходомъ къ нашей церкви была мордовская де-

валъ нашимъ гостемъ. Помню я его очень смутно и знаю только изъ разсказовъ родныхъ, что это былъ изъ ряду вонъ добрый человѣкъ, едва ли не наиболѣе образованный изъ Курмышскихъ помѣщиковъ; не держалъ ни дворни, ни придворныхъ кружевницъ и вышивальщицъ; не пользовался ни поборами съ своихъ подданныхъ, ни карательными прерогативами помѣщичьей власти. Говорили, что онъ настолько приручилъ меня къ себѣ лаской, что передъ нимъ я охотно выкладывалъ все мое искусство подражанія, и онъ много смѣялся, когда я передразнивалъ походку и говоръ его брата Александра Сергѣевича. По его смерти, Прасковья Сергѣевна переѣхала съ обѣими своими племянницами на постоянное жительство въ свое имѣніе, въ двухъ верстахъ отъ Теплаго Стана, и свиданія обѣихъ семей стали очень часты. Младшая племянница, Катя, была въ отца—пылкая, веселая, искренняя, немного насмѣшливая, но очень добрая и такая же вѣрная въ дружбѣ, какъ ея отецъ. Она до конца жизни оставалась самымъ близкимъ другомъ нашей семьи. Была она года на 4 старше меня, съ виду уже совсѣмъ взрослая барышня, съ милымъ и живымъ лицомъ. Относилась ко мнѣ, можетъ быть памятуя отца, очень ласково; была притомъ единственной барышней, которую я видѣлъ часто, и я въ нее влюбился. Вѣроятно, сознавалъ однако, что страсть моя покажется смѣшной и предмету, и окружающимъ; поэтому я сумѣлъ скрыть ее даже отъ сестеръ вплоть до отъѣзда изъ деревни въ Петербургъ. Иначе я былъ бы конечно осмѣянъ сестрой моей Варенькой, которая вообще любила поддразнивать меня и проходиться насчетъ моей красоты. Насколько сильно было это чувство, я не помню; не помню также никакихъ особенныхъ эпизодовъ этой любви; не помню даже хорошенько лица и фигуры Кати; но чувствую и въ настоящую минуту, что будь она жива, она была бы для меня однимъ изъ самыхъ дорогихъ существъ на свѣтѣ, болѣе дорогимъ, чѣмъ второй предметъ моей, уже не дѣтской, любви.

Нельзя также не помянуть добрымъ словомъ семьи Филатовыхъ, съ нѣкоторыми членами которой мнѣ приходилось встрѣчаться дружески всю жизнь до самаго послѣдняго времени.

Одна половина Теплаго Стана принадлежала моему отцу, а другая болѣе богатому, чѣмъ онъ, и болѣе старому годами родона-

---

ревня Мамлейка; и въ тѣ времена я имѣлъ случай видѣть въ церкви мордовокъ въ ихъ національныхъ костюмахъ: бѣлая длинная рубашка, выложенная на груди краснымъ шнуркомъ, бахромистый поясъ подъ брюхо; ожерелье изъ бѣлыхъ ракушекъ и очень уродливый головной уборъ, въ видѣ наклоненнаго впередъ полуцилиндра, съ подвѣшенными къ его основанію пробуравленными серебряными пятачками. Теперь тамошняя мордва слилась съ русскими до неузнаваемости.

чальнику Филатовскаго рода, Михаилу Өедоровичу. Меньшой сынъ его Николай былъ всего на годъ старше меня и мы могли бы быть, по близкому сосѣдству, товарищами дѣтства; но наши старики были, должно быть, въ контрахъ; и пока живъ былъ мой отецъ, семьи наши не водили знакомства другъ съ другомъ; а въ годы, послѣ его смерти, Николая Филатова уже не было въ деревнѣ — онъ учился гдѣ-то внѣ дома и мы встрѣтились съ нимъ товарищами уже въ инженерномъ училищѣ. Старикъ Филатовъ былъ садоводъ и пчеловодъ; полевымъ хозяйствомъ совсѣмъ не занимался; всю весну и лѣто жилъ въ саду и на пчельникѣ (на осень и зиму вся семья переѣзжала въ имѣніе Пензенской губерніи); въ гости никуда не ѣздилъ; въ церковь несмотря на крайнюю набожность женской половины своей семьи, никогда не ходилъ; и по этой ли причинѣ или потому что управлявшій имѣніемъ прикащикъ изъ дворовыхъ былъ крутъ съ подчиненными, крестьяне его не долюбливали и подчасъ считали чуть не колдуномъ, потому что въ холеру 48 года (это я знаю отъ родныхъ) въ народѣ ходилъ слухъ, что ее навѣялъ на Теплый Станъ старикъ Филатовъ: его будто бы, передъ ея появленіемъ видѣли, какъ онъ намахивалъ болѣзнь на село руками. Познакомился я съ нимъ, будучи уже отставнымъ офицеромъ, когда онъ отъ старости начиналъ уже приходить въ дѣтство и вѣроятно сталъ смѣшивать воображаемое съ дѣйствительностью; потому что, оставаясь умнымъ человѣкомъ, разсказывалъ серьезно невѣроятныя небылицы. Интересовавшагося его пчелами сосѣда онъ увѣрялъ, напримѣръ, что разъ у него отроился такой огромный рой, что привившись къ стоявшей передъ садовымъ балкономъ черемухѣ, пригнулъ ея вѣтви къ землѣ. Садомъ своимъ онъ справедливо гордился; садъ былъ дѣйствительно чудесный; но больнымъ мѣстомъ въ этомъ саду былъ небольшой почти заросшій камышомъ прудъ, въ которомъ могли водиться много-много караси и лягушки, а по его словамъ водились прежде сазаны чуть не въ аршинъ. Въ гостиной на стѣнахъ висѣли двѣ-три старыя потемнѣвшія отъ времени картины и любопытствующимъ сообщалось, что это было дѣло его рукъ, тогда какъ всѣмъ было доподлинно извѣстно, что живописью онъ никогда не занимался. Узнавши, что я имѣю намѣреніе изучать медицину, онъ разсказывалъ мнѣ, что самъ шелъ по французскому и нѣмецкому факультету (его собственныя слова) и вздумалъ было изучать медицину; но не могъ вынести вида труповъ, за что былъ, будто бы посаженъ въ «канцыръ», такъ какъ начальство думало, что онъ притворяется. Помимо этихъ странностей, Филатовъ былъ очень умный старикъ, разсуждавшій очень здраво о текущихъ событіяхъ и лицахъ, относившійся не безъ ироніи къ вла-

стямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень привѣтливый и галантерейный съ дамами хозяинъ. Много позднѣе я узналъ и очень полюбилъ одного изъ его сыновей Петра Михайловича, крайне умнаго человѣка, изъ котораго могло бы выйти много хорошаго, еслибы его не засосала деревня. Очень люблю и уважаю живущую по сіе время, нѣкогда пылкую и самоотверженную дочь его Наталью Михайловну, воспитавшую племянника своего Нила Ѳедоровича Филатова, одного изъ лучшихъ профессоровъ Московскаго университета, къ сожалѣнію такъ рано умершаго. Близокъ наконецъ съ семьей одного изъ его внуковъ Николая Александровича Крылова, о которой будетъ рѣчь много дальше.

На свѣтѣ рядомъ съ добромъ всегда живетъ зло; и рядомъ съ описанными добрыми людьми, въ 7 верстахъ отъ Теплаго Стана жила бездѣтная вдовая старуха А. П. П., бывшая въ молодости, по ея собственнымъ словамъ, большимъ аспидомъ. Въ мое дѣтство она была впрочемъ въ періодѣ замаливанія грѣховъ; и я ясно помню съ какими горючими слезами она молилась по воскресеньямъ въ нашей церкви, куда была прихожанкой. Преданіе говоритъ, что сокрушаясь о грѣхахъ и своей неисправимости, она пыталась было извести себя, но выбрала, какъ оказалось, несовсѣмъ подходящее средство. Думая, что человѣкъ живетъ хлѣбомъ и что безъ хлѣба вредна всякая вообще пища, особенно же жирная, она вздумала уморить себя ѣдой безъ хлѣба; но не уморила, а растолстѣла; и видя въ этомъ наказаніе Божіе за грѣхъ задуманнаго самоубійства, смирилась и стала замаливать грѣхи молитвой и добрыми дѣлами. Съ этой цѣлью она воспитала прежде всего дочь приходившагося ей какъ-то сродни священника, выдала ее замужъ за Павла Ильича Скоробогатова, а по ея смерти воспитывала трехъ сыновей отъ этого брака. Замаливая такимъ образомъ грѣхи молодости, она не считала однако грѣхомъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ всѣхъ своихъ подданныхъ, въ особенности же сѣнныхъ дѣвушекъ. Надсмотрщицей за ними у нея была экономка Екатерина Петровна Барткевичъ, вооруженная на сей предметъ плеткой, не злая въ сущности женщина, но неукоснительно наблюдавшая за порядками, заведенными ея благотворительницей въ дѣвичьей. А къ числу такихъ порядковъ относилось между прочимъ слѣдующее правило: какъ только замѣчали, что которая нибудь изъ дѣвушекъ, не будучи замужемъ, обѣщала быть матерью, ей стригли волосы, одѣвали въ бѣлое посконное платье и ссылали на скотный дворъ. Мужскому полу тоже не было спуска, благо станъ и становой приставъ были подъ рукой. Какъ могли уживаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ такое отношеніе къ подчиненнымъ и истинное сокру-

шеніе о грѣхахъ, понять въ наше время очень трудно; но въ тѣ времена такое уживаніе никого не коробило—А. П. считали самовластной, подчасъ до самодурства, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинной христіанкой [1]). Старики наши водили съ ней дружбу; она была даже крестной матерью моей старшей сестры и въ мое дѣтство обѣдала у насъ чуть не каждое воскресенье, отстоявъ обѣдню въ нашей церкви.

Не знаю по какой причинѣ, въ мое дѣтство у нея въ домѣ жила и считалась ея воспитанницей старшая дочь ея родственника, Ардатовскаго помѣщика В. Г. Е., дѣвочка на годъ или два моложе меня. Въ юношахъ Скоробогатовыхъ Богъ послалъ А. П. смиренниковъ, кротко переносившихъ ея самовластныя причуды; а въ этой воспитанницѣ она обрѣла зелье, какимъ вѣроятно сама была въ молодости. Достовѣрно извѣстно, что дѣвочкой 10 лѣтъ она потѣшалась тѣмъ, что откручивала индѣйкамъ головы. Отъ озорства ея терпѣла всего болѣе экономка Барткевичъ, и свѣдѣнія о ея подвигахъ шли отъ этой особы; да и бабушкѣ отъ нея доставалось не мало. Кроткихъ, покорныхъ Скоробогатовыхъ старуха донимала наставленіями, требованіями и выговорами; а передъ дѣвчонкой въ концѣ-концовъ смирилась, считая ее ниспосланнымъ ей испытаніемъ. Озорничала эта интересная особа, по разсказамъ самой А. П., до конца ихъ совмѣстной жизни, уже взрослой дѣвицей, передъ тѣмъ, какъ идти подъ вѣнецъ. Стали ее одѣвать въ вѣнчальное платье—и вдругъ она объявляетъ, къ ужасу устроившей эту свадьбу А. П., что идти за жениха бабушки она не хочетъ, хотя дала ему согласіе безъ всякаго принужденія. Разумѣется упрашиванія, мольбы и слезы со стороны бабушки. Уступила, пришла въ церковь, начался обрядъ, и когда священникъ подошелъ къ ней, съ вопросомъ беретъ ли она мужа свободно, невѣста, не отвѣчая священнику, оборачиваетъ голову въ сторону бабушки и смотритъ на нее съ вызывающей улыбкой. Ту бросило въ холодъ, прежде чѣмъ она отвѣтила «да». Доходили соотвѣтственные слухи и объ ея отношеніяхъ къ супругу, но я боюсь повторять эти непровѣренные разсказы, хотя довѣрять имъ основаній не мало.—Озорничество она наслѣдовала отъ своего папеньки, который велъ буйную жизнь, водилъ дружбу съ татарами и цыганами, подозрѣвался въ

---

[1]) Не могу не вспомнить по этому поводу моей двоюродной сестры, Анны Дмитріевны Тухачевской, которую я время отъ времени посѣщалъ въ Москвѣ въ 50-хъ годахъ, будучи студентомъ. Это была пожилая и настолько благочестивая дама, что жила въ Никитскомъ монастырѣ, нанимая тамъ квартиру. Она была неукоснительно убѣждена въ томъ, что мы, дворяне, происходимъ отъ Іафета, а крѣпостные—отъ Хама.

конокрадствѣ и былъ исключенъ дворянами Ардатовскаго уѣзда изъ ихъ среды. Да и со стороны ея родной бабушки по матери (не А. П., а Ст. Θ. Б.) была неважная кровь.—Бабушка эта продавала семьи своихъ подданныхъ врознь и вывозила, говорятъ, на продажу дѣвушекъ въ Нижній на ярмарку.

Была наконецъ въ 30 верстахъ отъ насъ и такая особа (Ф. Г. З.), которая довела своихъ подданныхъ до того, что ее удушили.

Да, это было время отжившихъ свой вѣкъ въ нашихъ захолустьяхъ современниковъ Каратаева.

Закончу свои дѣтскія воспоминанія описаніемъ слѣдующаго эпизода, которому былъ очевидцемъ. Осенью, въ молотьбу, одному нашему крестьянину Петру Бузино попало въ ухо ячменное зерно и застряло въ ушномъ проходѣ, должно быть поперекъ, такъ глубоко, что послѣ тщетныхъ домашнихъ усилій, онъ обратился за помощью къ случившемуся у насъ какъ разъ въ это время Курмышскому уѣздному врачу Николаю Васильевичу Доброхотову. Набора съ собой у доктора не было и, по его указанію, нашъ жестянникъ согнулъ ему изъ печной проволоки щипчики съ плоско расплющенными концами. Какъ ни старался бѣдный докторъ вытащить зерно такимъ инструментомъ, но конечно не могъ и придумалъ слѣдующее: свернулъ бумажную ленту въ трубку, одинъ конецъ ея вставилъ паціенту въ ухо, а другой зажегъ.

Предоставляю судить читателю, насколько процвѣтала въ тѣ времена хирургическая помощь въ нашемъ уѣздѣ; но не могу не прибавить, что бѣдному Борису Сергѣевичу Пазухину пришлось умереть безъ нея въ страшныхъ мученіяхъ отъ камня въ пузырѣ.

Въ 1843 г. старшій братъ былъ въ образцовомъ полку въ Павловскѣ и вѣроятно заранѣе списался съ матерью, что нашелъ военнаго инженера, взявшагося приготовить меня въ полгода къ поступленію въ Инженерное училище за 1800 р. ассигнаціями. Поэтому въ началѣ 43-го года я былъ отправленъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ нашей гувернанткой В. К.—она къ своей матери, а я къ капитану Бостомарову на полгода невыразимо однообразной, скучной, сѣренькой жизни. Дѣло въ томъ, что учениковъ кромѣ меня у моего новаго наставника не было; человѣкъ онъ былъ не заискивающій—за все время ученья я не слышалъ отъ него ни единаго ласковаго слова, но и ни единаго выговора—и большую часть дня онъ былъ внѣ дома, оставляя меня въ обществѣ денщика и его супруги, на безвыходное сидѣнье или въ маленькой

отведенной мнѣ на жительство комнатѣ, или въ салонѣ деньщика— кухнѣ, такъ какъ при уходѣ капитанъ запиралъ всѣ комнаты кромѣ этихъ двухъ и соединявшаго ихъ корридора. Трудно повѣрить, что въ теченіе всего полугода (исключая воскресенье и праздники) я выходилъ на улицу только разъ въ недѣлю, вечеромъ, въ сосѣднюю баню; и одинъ только разъ онъ сводилъ меня самъ на Невскій къ Доминику и угостилъ тамъ растегаемъ. День нашъ начинался въ столовой чаемъ, за которымъ мы оба сидѣли большею частію молча; затѣмъ онъ давалъ въ теченіе часа урокъ изъ ариѳметики, которую я у него дѣйствительно постигъ. Послѣ этого онъ уходилъ на службу; а меня въ полдень кормили завтракомъ, гдѣ очень часто существенную роль игралъ плохенькій сыръ Мещерскаго — вѣроятно фирма эта только что начинала тогда свою дѣятельность и не умѣла готовить лучшаго; или можетъ быть... Въ 3 часа мы садились съ капитаномъ за обѣдъ—стряпню жены деньщика. Каковы были обѣды, не помню; но изъ нихъ я вынесъ впечатлѣніе, что патронъ мой постоянно страдалъ отсутствіемъ аппетита, потому что еле притрогивался къ кушаньямъ. Послѣ обѣда онъ удалялся въ свой кабинетъ, куда я ни разу вхожъ не былъ, а часовъ въ 5 уходилъ до вечерняго чая, служившаго намъ ужиномъ. Въ 9 часовъ изъ стоявшаго въ моей комнатѣ шкафа-кровати выдвигалась постель и что происходило затѣмъ въ домѣ—не знаю. Вѣрно одно: гостей у капитана не бывало ни днемъ ни вечеромъ, и мое лежаніе въ постели всегда окружала невозмутимая тишина. Два или три раза въ недѣлю приходилъ, яко бы учить меня русскому и французскому языкамъ (нѣмецкій вѣроятно не требовался для поступленія въ училище), молодой подпоручикъ, кораблестроительный инженеръ, съ отвратительнымъ французскимъ выговоромъ. Обученіе заключалось въ томъ, что онъ диктовалъ изъ книги и поправлялъ ошибки да давалъ по временамъ заучивать стихи. Въ памяти изъ его уроковъ у меня остались только: весь «Мельникъ» Пушкина, отрывокъ изъ «Ермака» Рылѣева:

Они въ ручной вступили бой,
Грудь съ грудью и рука съ рукой.
Отъ вопля ихъ дубравы воютъ,
Они стопами землю роютъ.

. . . .
. . . .

То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся... и Ермакъ сломилъ.
Теперь ты мой, онъ возопилъ
И всё отнынѣ мнѣ подвластно.

и отрывокъ изъ Пушкинскаго перевода стиховъ Мицкевича: «Три у Будрыса сына»:

> Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
> Весела—что котенокъ у печки,
> И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
> Очи свѣтятся будто двѣ свѣчки.

Изученіе грамматики, исторіи и географіи, по принятымъ тогда для поступленія въ училище учебникамъ, предоставлялось моему собственному усмотрѣнію, съ каковой цѣлью учебники эти всегда находились въ моей комнатѣ. Пользовался ли я, однако, ими, меня не спрашивали.

Не менѣе страненъ былъ и вступительный экзаменъ въ училище. Происходилъ онъ въ началѣ августа и длился, кажется, всего одинъ день. Ясно помню, что лично для меня экзаменъ состоялъ въ рѣшеніи задачъ (рядомъ со мной сидѣлъ мальчикъ, желавшій, чтобы я ему помогъ) и въ письменныхъ отвѣтахъ по русскому и французскому языкамъ, при чемъ меня спросили, умѣю ли я говорить по-французски. Изъ исторіи же и географіи, никакого экзамена мнѣ не было. Возможно, что аспирантамъ, приготовлявшимся къ поступленію въ существовавшихъ тогда приготовительныхъ пансіонахъ, содержимыхъ инженерами [1]), дѣлались при экзаменѣ льготы; но возможно и то, что знаніямъ по исторіи и географіи не придавалось значенія, потому что географіи въ училищѣ насъ обучали два года, а исторіи—три.

Замѣчательно, что на душѣ у меня не было никакого непріязненнаго чувства къ капитану Костомарову. На жизнь у него я не жаловался ни брату, ни моей прежней гувернанткѣ, въ семью которой ходилъ по воскресеньямъ и праздникамъ, не только въ эти полгода, но и во все время пребыванія въ инженерномъ училищѣ, такъ какъ другихъ знакомыхъ, кромѣ этой семьи, въ Петербургѣ у меня не было. Не зная городскихъ нравовъ и не живя до тѣхъ поръ между чужими, я думалъ, должно быть, что иной формы существованія на чужбинѣ и быть не можетъ.

Семья Вильгельмины Константиновны состояла изъ ея младшей сестры Олимпіады, уже взрослой дѣвицы, и прелестнѣйшей старушки-матери, Эмиліи Адольфовны, нѣмки изъ Франкфурта на

[1]) Кромѣ Костомарова, держали пансіоны еще два офицера, служившіе въ инженерномъ училищѣ, Скалонъ и Клейгельсъ (кажется, отецъ знаменитаго впослѣдствіи петербургскаго градоначальника, отличавшагося сугубымъ рвеніемъ къ порядку и вооружившаго на сей конецъ, безъ воли начальства, полицію казацкими нагайками—за что и былъ, вѣроятно, почтенъ Кіевскимъ Генералъ-Губернаторствомъ).

Одерѣ, плохо говорившей даже по русски и жившей на маленькую пенсію покойнаго мужа (эстляндца или лифляндца, капитана русской службы) и частную пенсію отъ графа Адлерберга, министра двора. Нѣтъ сомнѣнія, что мать платила имъ и за меня, потому что онѣ возили меня въ театръ, давали денегъ на извозчиковъ и позднѣе, когда я выучился курить, на табакъ [1]). Въ годъ послѣ смерти отца Эмилія Адольфовна пріѣзжала къ намъ въ деревню повидаться съ дочерью; слѣдовательно съ двумя старшими членами семьи я былъ знакомъ съ давнихъ поръ и, при ихъ крайней добротѣ, чувствовалъ себя въ этой милой семьѣ, какъ дома. Въ праздники и по воскресеньямъ кромѣ меня къ нимъ ходили два кадета 2-го корпуса, братья Михайловскіе. Старшій изъ нихъ Николай Андреевичъ, будущій мужъ моей старшей сестры, былъ тогда на выпускѣ и учился такъ хорошо, что вышелъ офицеромъ въ гвардію, въ Финляндскій полкъ. Будучи еще кадетомъ, онъ интересовался литературой—у нихъ въ корпусѣ, по его словамъ, былъ превосходный преподаватель словесности. Поэтому въ праздники и по воскресеньямъ въ маленькой гостиной семьи Штромъ очень часто происходили чтенія вслухъ и разговоры по поводу прочитаннаго. Здѣсь я познакомился съ русской литературой гораздо больше, чѣмъ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ преподавателемъ словесности былъ старикъ Плаксинъ, не признававшій Гоголя и ставившій выше всѣхъ Державина и Крылова. Оду «Богъ» онъ считалъ «орлинымъ пареніемъ генія на недосягаемыя высоты»; начальныя строфы оды «Водопадъ» были недосягаемымъ ни для кого совершенствомъ въ дѣлѣ описанія красотъ природы, а слова: «Глаголъ временъ, металла звонъ» и проч. приводили его словно въ трепетъ, и эту оду онъ декламировалъ какимъ-то глухимъ, словно замогильнымъ голосомъ. Когда же дѣло доходило до Крылова, онъ претворялся то въ сладкозвучнаго соловья (Оселъ и соловей), то въ хитроумную льстивую лисицу (Ворона и лисица). Это были два другихъ перла русскаго генія. Для скромной семьи Штромъ, не имѣвшей никакихъ знакомыхъ, кромѣ насъ, трехъ мальчиковъ, воскресенья и праздники были очевидно праздничными днями. Эмилія Адольфовна самолично отправлялась тогда съ кулькомъ на Сѣнную за провизіей, сама стряпала, и ея вкусные обѣды, супъ съ фрикадельками, пирогъ съ сигомъ и жареные рябчики, не въ укоръ будь сказано Костомаровскимъ обѣдамъ, я не забылъ и вспоминаю по сіе время съ большимъ удовольствіемъ.

---

[1]) Вплоть до выхода въ офицеры денегъ у меня въ карманѣ никогда не было ни копейки.

Въ инженерномъ училищѣ.

(1843—1848.)

Школу военныхъ инженеровъ, подъ именемъ Главнаго Инженернаго училища, составляли 4 класса младшихъ воспитанниковъ, называвшихся *кондукторами*, и 2 офицерскихъ класса. Ученіе въ кондукторскихъ продолжалось 4 года и затѣмъ воспитанники производились въ офицеры, съ переходомъ въ нижній офицерскій классъ. Кондукторовъ полагалось по штату всего 125 человѣкъ и они образовывали такъ называемую *кондукторскую роту*, съ ротнымъ командиромъ (полковникомъ) во главѣ, и его 5 или 6 помощниками (обыкновенно изъ саперныхъ офицеровъ) въ роли надзирателей (не воспитателей, какъ въ тогдашнихъ кадетскихъ корпусахъ), дежурившихъ по очереди. При поступленіи въ училище (не моложе 14 лѣтъ) мы тотчасъ же присягали и считались по закону юнкерами, состоящими на государственной службѣ; поэтому были избавлены отъ практиковававшихся тогда въ кадетскихъ корпусахъ тѣлесныхъ наказаній. Но помимо этого весь внѣшній военный режимъ былъ тотъ же, что въ корпусахъ; первые два года воспитанники считались рядовыми; на 3-й годъ отличавшихся поведеніемъ и фронтовыми успѣхами награждали чиномъ ефрейтора, съ соотвѣтствующей нашивкой на погонѣ; а въ старшемъ классѣ наиболѣе достойный изъ всѣхъ дѣлался фельдфебелемъ; за нимъ, по нисходящему порядку достоинствъ, двое или трое производились въ старшіе — и большее число въ младшіе унтеръ-офицеры. Должность фельдфебеля заключалась въ томъ, что когда воспитанники строились въ колонну, чтобы идти на завтракъ, на обѣдъ или въ классы, онъ одинъ оставался внѣ строя и командовалъ колоннѣ идти налѣво или направо. Сверхъ того ежедневно по утрамъ ходилъ въ квартиру ротнаго командира доносить, что въ ротѣ все благополучно. При этомъ онъ могъ бы конечно доносить и многое другое; но въ мое время нашъ командиръ, баронъ Розенъ, былъ

такой честный человѣкъ, что едва ли сталъ бы терпѣть доносы товарища на товарищей. По крайней мѣрѣ, за все время моего пребыванія въ училищѣ ничего подобнаго не всплывало наружу. Должность же унтеръ-офицеровъ была еще болѣе легкая—они поочередно дежурили по ротѣ и должны были только вставать утромъ раньше другихъ, чтобы будить лѣнтяевъ на вставанье. Впрочемъ, задача эта была несовсѣмъ легкая—въ молодости спится, какъ извѣстно, очень крѣпко, а вставать приходилось по барабану въ $5^1/_2$ часовъ утра, потому что въ 7 часовъ кончался утренній завтракъ [1]), послѣ котораго шли тотчасъ же въ классы. Учебной частью завѣдывалъ инспекторъ (полковникъ), общій для офицерскихъ и кондукторскихъ классовъ, а превыше всѣхъ стоялъ, въ чинѣ генерала, начальникъ главнаго инженернаго училища (въ первый годъ моего пребыванія—генералъ Шарнгорстъ).

Училище наше помѣщалось (помѣщается вѣроятно и теперь) въ главномъ корпусѣ бывшаго дворца Императора Павла (называвшагося поэтому инженернымъ замкомъ), по фасаду, обращенному къ Лѣтнему саду. Нижній этажъ занимали спальни кондукторской роты (5 комнатъ), канцелярія, цейгхаузъ, рекреаціонная зала и квартира ротнаго командира; а въ верхнемъ этажѣ 4 комнаты кондукторскихъ классовъ, модельная (надъ рекреаціонной залой нижняго этажа) и двѣ комнаты офицерскихъ классовъ. Помѣщеніе было конечно роскошное, комнаты высокія и свѣтлыя. На радость курильщиковъ, въ печахъ очень высокаго зданія были такія сильныя тяги, что куренье черезъ вьюшки не оставляло послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Куренье было запрещено, но не строго преслѣдовалось; нужно было только не попадаться на мѣстѣ преступленія (а для этого принимались конечно мѣры, въ видѣ караульныхъ) и не дымить въ комнатѣ. Гимнастики не существовало; но пробѣгаться въ свободные часы было гдѣ: изъ рекреаціонной залы былъ выходъ на довольно большой плацъ (по всему фасаду, обращенному къ Лѣтнему саду), куда насъ пускали во всѣ времена года. Во времена Николая, насъ, военныхъ, пріучали къ холоду; единственнымъ теплымъ платьемъ, даже въ 25-тиградусные морозы были ничѣмъ не подбитыя шинели изъ темносѣраго сукна (значительно болѣе тонкое, чѣмъ солдатское), которыя надѣвались тогда въ ру-

---

[1]) Кормили насъ вообще не дурно, особенно по вторникамъ, гдѣ за обѣдомъ являлся сносный пирогъ съ вареньемъ — подарокъ инженерному училищу изъ собственныхъ средствъ Великаго Князя Михаила Павловича; но за завтракомъ давали бурду, которой я не могъ пить за всѣ 4 года—жиденькій ячменный кофе, сваренный съ молокомъ на патокѣ.

кава (а въ теплое время носились въ накидку); наушники на ушахъ и жесткія набѣленныя мѣломъ варежки на рукахъ. Въ шинеляхъ мы щеголяли только выходя изъ училища; въ стѣнахъ же его и зимой, во время игръ на плацу, одѣяніе наше состояло изъ штановъ сѣроголубоватаго цвѣта и куртки съ погонами и стоячимъ воротникомъ.

При училищѣ была церковь и свой священникъ, съ магистерскимъ крестомъ, Розановъ. Помню, что по вечерамъ онъ приходилъ иногда въ наши дортуары для религіозныхъ, ни для кого, впрочемъ, необязательныхъ, собесѣдованій; но училъ ли онъ насъ Закону Божію, не помню, хотя утверждать противное не смѣю. Если училъ, то въ низшемъ классѣ и всего одинъ годъ. Классы нумеровались снизу вверхъ: 4-й, 3-й, 2-й и 1-й. Математикѣ обучали недурно: въ низшемъ классѣ — ариѳметика; въ слѣдующемъ алгебра, геометрія и тригонометрія (сферической не учили); во 2-мъ классѣ аналитическая геометрія (безъ высшаго анализа) и начертательная, со включеніемъ перспективы, теоріи тѣней и теоріи сводовъ; въ старшемъ классѣ дифференціальное исчисленіе (преподаватель поручикъ Паукеръ, бывшій впослѣдствіи очень короткое время министромъ путей сообщенія); въ нижнемъ офицерскомъ классѣ интегральное исчисленіе (преподаватель Остроградскій) [1]) и аналитическая механика (преподаватель — строитель Николаевскаго моста полковникъ путей сообщенія Кербедзъ). Стоитъ еще помянуть добрымъ словомъ уроки исторіи архитектуры, казавшіеся мнѣ очень красивыми; красивое изложеніе новой исторіи преподавателемъ Шакѣевымъ и исторіи французской литературы въ старшемъ классѣ очень хорошимъ учителемъ Cournand. Обученіе главному предмету,—фортификаціи, длилось всѣ шесть лѣтъ, начинаясь съ описанія искусства вязать туры и фашины. Но къ инженерному искусству, со всѣми его аксессуарами, черченьями разнаго рода душа у меня не лежала — моимъ любимымъ предметомъ въ старшемъ классѣ была физика; и въ доказательство того, что я занимался ею успѣшно, можетъ служить то обстоятельство, что на публичномъ выпускномъ экзаменѣ, происходившемъ въ присутствіи начальника инженеровъ Геруа и многихъ другихъ генераловъ, учитель физики выбралъ для отвѣтовъ по своему предмету меня. Помню,

[1]) Въ тотъ годъ, какъ я его слушалъ, читалъ онъ очень мало; время проходило большею частью въ рѣшеніи задачъ и въ разговорахъ о походахъ Юлія Цезаря, Ганнибала и Наполеона.—Насъ, какъ математиковъ, онъ цѣнилъ, шутя, очень низко. По его словамъ первый математикъ—Богъ, потомъ великій Эйлеръ; ему онъ ставилъ высшій балъ 12, себѣ 9; Паукеру 6, а всѣмъ намъ *нулъ* (онъ говорилъ съ хохлацкимъ акцентомъ).

что онъ только что получилъ передъ этимъ изъ Германіи электромагнитную машину Штёрера, обучилъ меня у себя на квартирѣ ея управленію, и на экзаменѣ я продуцировалъ всѣ ея дѣйствія. Каждый изъ насъ зналъ напередъ, что̀ будетъ отвѣчать, но съ виду экзаменъ происходилъ по билетамъ, которые лежали на столѣ передъ начальникомъ инженеровъ, и экзаменующійся, послѣ низкаго поклона важному человѣку, бралъ билетъ на его глазахъ изъ кучки. Въ нижнемъ офицерскомъ классѣ любовь моя перешла на химію (читалась только неорганическая), которую читалъ Ильенковъ. Свой экзаменъ химіи я тоже помню. Математика мнѣ давалась и, попади я изъ инженернаго училища прямо въ университетъ на физико-математическій факультетъ, изъ меня могъ бы выйти порядочный физикъ, но судьба, какъ увидимъ, рѣшила иначе.

Распорядокъ дней былъ слѣдующій. Съ 7—8 утра приготовительный классъ безъ учителя; съ 8—12 ч.—уроки; съ 12—2 рекреація. У кого были деньги, могли въ эти часы покупать на свой счетъ (въ столовой у служителя Галкина) булки съ масломъ и зеленымъ сыромъ и сладкіе пирожки; а для неимущихъ выставлялась въ столовой большая корзина съ ломтями чернаго хлѣба. Многіе изъ насъ неимущихъ, зимой, когда топились печи, обращали эти ломти въ сухари. Сушильнями служили печныя трубы, и къ вечеру лакомство было готово, чтобы хрустѣть на зубахъ. Въ 2 часа былъ обѣдъ съ пѣніемъ молитвъ при началѣ и концѣ; съ 3—6 час. послѣ обѣда опять классы. Стало быть ежедневно 7 часовъ ученья, за исключеніемъ пятницы, когда послѣобѣденные уроки продолжались только до $4^1/_2$ час., такъ какъ въ слѣдующіе затѣмъ полтора часа производилось ротное ученье, т.-е. маршировка, различныя построенія по сигналамъ и ружейные пріемы (ружья въ мое время были еще кремневыя). Вечеромъ, до ужина, занятія были различныя: въ понедѣльникъ фехтованье для желающихъ; вторникъ—обязательные для всѣхъ танцы; среда—баня; четвергъ и пятница—весь вечеръ свободный; а въ субботу въ 6 час. отпускъ по домамъ до 9 час. вечера воскресенья. Ужинали въ 8 час. и въ 9—спать. Кто хотѣлъ заниматься послѣ ужина, тому давалась сальная свѣчка и заниматься можно было въ умывальной хоть всю ночь. Кто предпочиталъ заниматься раннимъ утромъ, тотъ выкладывалъ на столикъ подлѣ своей кровати число бумажекъ, соотвѣтствующее часу, когда его имѣлъ разбудить дежурный служитель. Бывали столики даже съ двумя бумажками; но я не былъ въ числѣ такихъ тружениковъ.

Подробностей моего перваго знакомства съ товарищами я не помню. Знаю только, что мнѣ дали прозвище «деряба» и драз-

нили словами «chez le capitaine Kostomaroff» [1]), но не обижали, хотя въ училищѣ были охотники мучить новичковъ и существовать даже дикій обычай наказывать ихъ за провинности (большею частью конечно пустыя или даже мнимыя) плеткой, противъ котораго не протестовало почему-то и начальство, хотя не могло не знать объ этой скверности. Въ мое время артистами по части плеточной расправы были Стратановичъ и Маркеловъ,—выписываю нарочно ихъ фамиліи. Благодарю Бога, онъ избавилъ меня отъ рукъ этихъ дикарей и, вопреки своей фамиліи, сѣченъ я въ жизни не былъ. Изъ событій перваго года больше всего въ памяти осталась болѣзнь заушница (свинка), обученіе фронту и бунтъ противъ начальства. Болѣзнь эту я помню изъ-за способовъ лѣченія оной училищнымъ докторомъ, старикомъ Волькенштейномъ: онъ очистилъ меня сначала рвотнымъ, а потомъ закатилъ такую дозу слабительнаго, что со мной сдѣлался въ лазаретномъ клозетѣ обморокъ, всполошившій находившагося по близости служителя, вѣроятно слышавшаго шумъ моего паденія. Не знаю, былъ ли я обязанъ этому эмпирическому леченію благопріятнымъ исходомъ болѣзни, но опухоль разрѣшилась безъ перехода въ нагноеніе. Фронту учили новичковъ заслуженные унтеръ-офицеры гвардейскаго сапернаго батальона. Первые шаги въ этой наукѣ заключались въ обученіи умѣнью стоять «на вытяжку» и «вольно»; затѣмъ въ умѣньи плавно поднимать то правую, то лѣвую ногу для маршировки тихимъ шагомъ. Много лѣтъ спустя, когда я учился уже медикомъ въ Берлинѣ, мнѣ часто приходилось проходить по Karlstrasse (на этой улицѣ квартировалъ Боткинъ) мимо казармъ, съ плацомъ передъ ними, выходившимъ на улицу. На этомъ плацу обучали рекрутъ стоянію и маршировкѣ точь въ точь, какъ у насъ въ училищѣ. Подобно тому, какъ всѣ вообще военныя экзерциціи производятся съ короткими перерывами для отдыха, такъ и наши саперы давали намъ время отъ времени «вольно»; и въ одинъ изъ такихъ промежутковъ учитель нашей партіи, Кузьминъ, разсказалъ намъ въ поученіе, какъ училъ ихъ самихъ въ Царскомъ Селѣ фронтовому искусству теперешній Императоръ Николай Павловичъ, тогда Великій Князь. Онъ раздѣвалъ ихъ въ манежѣ до-гола, чтобы видѣть настоящую выправку, и требовалъ отъ начальства, чтобы оно не давало солдатамъ спать скрючившись. Если начальство замѣчало такого, то разбудитъ и выбранитъ; разъ, другой спуститъ, а потомъ—не прогнѣвайся. Бунтъ произошелъ по слѣдующему случаю.

[1]) Должно быть на пріемномъ экзаменѣ, желая испытать, говорю ли я по французски, меня спросили, у кого я учился и получили соотвѣтственный отвѣтъ, подслушанный кѣмъ-либо изъ другихъ экзаменовавшихся товарищей.

Когда мы поступили въ училище, въ низшемъ классѣ оставался на другой годъ князь Е., мальчикъ не глупый, но отличавшійся непобѣдимой лѣностью [1]). Лѣнился онъ по прежнему, и на второй годъ, и до насъ дошли слухи, что родители его обратились къ начальству съ просьбой употребить для его исправленія розги, что́ будто бы и было исполнено. Этотъ противузаконный поступокъ взволновалъ старшихъ воспитанниковъ, и рѣшено было выразить протестъ главному начальнику генералу Шарнгорсту, въ слѣдующей формѣ: отвѣтить всеобщимъ молчаніемъ на его обычное привѣтствіе при первой же имѣющей произойти встрѣчѣ, что и было пунктуально исполнено. За это фельдфебель Зейме былъ лишенъ своего званія; всѣхъ насъ осудили на сидѣнье по воскресеньямъ и праздникамъ въ училищѣ въ теченіе года, и вскорѣ затѣмъ генералъ Шарнгорстъ удалился, и на его мѣсто былъ назначенъ Ламновскій. Затѣвая этотъ протестъ, нашимъ старшимъ, терпѣвшимъ въ своей средѣ плеточную институцію, слѣдовало бы имѣть въ виду, что у нихъ самихъ «рыльце въ пуху», или по крайней мѣрѣ отмѣнить эту гадость, послѣ протестаціи, но этого не случилось.

Къ веснѣ 1844 г. мы, новички, окончивъ курсъ ученья у саперовъ, поступили въ ротный строй; и какъ только наступило тепло началось веселое время приготовленія къ майскому параду. У себя дома ученья производились тогда чуть не ежедневно на открытомъ воздухѣ и два раза назначались репетиціи парада на плацу 1-го кадетскаго корпуса, вслѣдствіе чего мы имѣли не малое удовольствіе проходить строемъ по Невскому на Васильевскій островъ. Здѣсь, кромѣ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, были собраны моряки, путейцы, горные и лѣсные — всѣ, какъ слѣдуетъ, въ военныхъ мундирахъ съ ружьями. Первый смотръ дѣлалъ генералъ Шлиппенбахъ, а второй Великій Князь Михаилъ Павловичъ, имѣвшій терпѣнье проходить пѣшкомъ по фронту всѣхъ заведеній и осматривать вблизи нашъ внѣшній видъ. Это я хорошо помню по слѣдующему случаю (въ которомъ году, не помню): проходя по нашему фронту, онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь воспитанника Попова со словами: «уберите мнѣ въ заднюю шеренгу эту угрюмую

---

[1]) Уловки, къ которымъ онъ прибѣгалъ на экзаменахъ изъ математики, достойны описанія: на всѣ трудные для него билеты онъ писалъ мельчайшимъ почеркомъ на отдѣльныхъ бумажкахъ нужныя по вопросу выкладки въ томъ порядкѣ, въ какомъ придется писать ихъ на доскѣ, и пряталъ эти отвѣты на своей особѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: нѣсколько билетовъ за галстукъ, 7 билетовъ въ промежутки между пуговицами курточки, остальные въ карманы штановъ. Получивъ билетъ со стола экзаменатора, онъ уже зналъ по нумеру, гдѣ отыскать отвѣтъ, и списывалъ его, стоя у доски.

физіономію». День майскаго парада былъ конечно еще болѣе радостный: до сихъ поръ помню чувство какого-то воодушевленнаго старанія отличиться, когда рота наша проходила мимо Государя. Притомъ же, послѣ парада, насъ кормили парадныхъ обѣдомъ и роспускали по домамъ. Еще веселѣе былъ походъ въ Петергофскій лагерь. Послѣ ранняго обѣда мы шли въ походной формѣ, т.-е. съ ранцами за плечами, къ Нарвской заставѣ. Въ 4 часа пріѣзжалъ туда Императоръ и пропускалъ мимо себя всѣ отправляющіяся въ лагерь военно-учебныя заведенія. Въ Красномъ Кабачкѣ былъ привалъ, гдѣ насъ поили чаемъ и каждому давали булку съ масломъ и телятиной. Съ этого привала мы, инженеры, проходили на ночевку въ какую то чухонскую деревню, спали въ избахъ на соломѣ и вставали утромъ очень рано, чтобы имѣть до похода въ Петергофъ возможность покататься верхомъ на чухонскихъ лошадкахъ (благо хозяева брали съ насъ не дорого). Въ дѣтствѣ дома я страстно любилъ верховую ѣзду и, съ голодухи катался на чухонкахъ съ невыразимымъ наслажденіемъ. При входѣ въ Петергофъ насъ опять встрѣчалъ и пропускалъ мимо себя Императоръ.

Лагерное поле въ Петергофѣ представляло обширное, совершенно ровное луговое пространство. Вдоль всего фронта лагеря шла дорога, по которой проѣзжали, и довольно часто, только лица Императорской фамиліи. За этой дорогой, параллельно ей, шла такъ называемая линейка со значками заведеній, при которыхъ дежурили поочередно всѣ воспитанники и вызывали всѣхъ «на линейку», какъ только по лагерной дорогѣ проѣзжалъ кто-либо изъ царскаго семейства. Выбѣжавъ, мы строились и отвѣчали дружнымъ «здравія желаемъ» даже маленькимъ членамъ фамиліи, едва ли умѣвшимъ здороваться съ нами. За линейкой шли шатры воспитанниковъ въ двѣ линіи; за ними палатки командировъ; еще болѣе взади столовыя, въ видѣ крытыхъ навѣсовъ, и наконецъ задній плацъ съ разными службами.

Лагерный сборъ составлялся, по порядку расположенія заведеній, справа на лѣво: гвардейскіе подпрапорщики (и юнкера во 2-й линіи) [1]); инженеры (и пажи во 2-й линіи); дворянскій полкъ, артиллеристы и три кадетскихъ корпуса (1-й, 2-й и Павловскій). Лѣвымъ флангомъ лагерь примыкалъ къ англійскому саду съ протекавшей по немъ не широкой, но глубокой рѣчкой.

Въ лагерѣ насъ баловали. Ученьями не мучили, такъ что свободнаго времени было вдоволь; кормили лучше чѣмъ въ городѣ,

---

[1]) Это было заведеніе богатыхъ людей, съ привиллегіей выходить по окончаніи курса въ гвардію,—заведеніе, въ которомъ учился Лермонтовъ.

водили часто на взморье купаться; въ будни позволяли ходить въ гости къ лагернымъ товарищамъ (мы водили дружбу только съ артиллеристами); а по воскресеньямъ и праздникамъ пускали гулять маленькими партіями (подъ отвѣтственностью старшаго) въ дворцовый садъ и даже въ Александрію, гдѣ жила Царская Фамилія. Ежегодно, въ какой-то важный царскій день, была знаменитая иллюминація дворцовыхъ садовъ; тогда водили насъ гулять по залитымъ огнями аллеямъ большими группами офицеры. Кажется, въ первый же годъ моей лагерной жизни въ Петергофѣ съ большимъ торжествомъ праздновалась свадьба Великой Княжны Ольги Николаевны. Въ одну изъ прогулокъ во время этихъ торжествъ, я помню прудъ, по которому разъѣзжали изукрашенныя огнями лодки съ пѣвцами, и лужайки, усѣянныя разноцвѣтными огнями. Жаль одного: при лагерѣ не было библіотеки, изъ которой воспитанники могли бы получать книги для чтенія; а свободнаго времени было очень много и дѣвать его было некуда. Впрочемъ, и въ городѣ дѣло обстояло въ этомъ отношеніи не лучше: училищная библіотека конечно существовала, но мы не знали даже, гдѣ она помѣщается. Уроки намъ диктовали и мы экзаменовались по запискамъ.

Закончу этотъ бѣглый очеркъ лагерной жизни замѣткой, имѣющей нѣкоторый историческій интересъ. Знаменитый впослѣдствіи сподвижникъ Александра II, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ — министръ, имя котораго навѣки связано съ рядомъ благодѣтельныхъ для Россіи реформъ военнаго быта — былъ въ эти годы подполковникомъ генеральнаго штаба и состоялъ въ какой то должности при лагерномъ сборѣ военно-учебныхъ заведеній, потому что мы видали его на нашемъ учебномъ плацу, когда производилось ученье всему отряду.

Въ юности у меня была замашка выскакивать впередъ въ задуманныхъ товарищами предпріятіяхъ, и она вѣроятно была замѣчена начальствомъ уже на второй годъ моего пребыванія въ училищѣ; потому что въ этомъ году, разъ на урокѣ геометріи, учитель ея, полковникъ Германъ, добрый въ сущности старикъ, относившійся къ намъ, какъ къ малымъ ребятамъ, вызвалъ меня отвѣчать къ доскѣ словами: «а пожалуйте-ка къ доскѣ, господинъ Сѣчóновъ, коноводъ всѣхъ шалостей». Однако предпріятія этого года, въ которыхъ я участвовалъ, были настолько невиннаго свойства, что я ни разу не сидѣлъ въ карцерѣ. Учился я недурно (сидѣлъ въ первомъ десяткѣ), по фронту преуспѣвалъ; поэтому съ переходомъ во 2-й классъ получилъ даже на погоны ефрейторскую нашивку; но въ томъ же году совершилъ два проступка: —

одинъ глупо-ребяческій (мнѣ только что минуло 16 лѣтъ), а другой, непріглядный по выполненію, хотя и вышедшій изъ побужденій, казавшихся мнѣ хорошими.

Не знаю почему, но штатскіе учителя нѣмецкаго языка не пользовались у насъ со стороны воспитанниковъ уваженіемъ, особенно же учитель въ 3-мъ классѣ Миллеръ, не умѣвшій держать себя съ достоинствомъ и трепетавшій передъ начальствомъ. Особенно боялся онъ Великаго Князя Михаила Павловича; и разъ въ пріѣздъ послѣдняго къ намъ въ классное время, мы были свидѣтелями, какъ бѣдный Миллеръ, блѣдный и растерянный, чуть не дрожалъ отъ страха. Отсюда возникъ мой первый глупый поступокъ. Разъ какъ-то, въ часъ, когда Миллеръ учительствовалъ въ 3-мъ классѣ, въ нашемъ 2-мъ (комнаты были рядомъ) учителя не было и между 16-тилѣтними разумниками возникла мысль попугать Миллера. На сей конецъ я взялся изобразить Великаго Князя; на лицо мнѣ надѣли почему-то маску съ прорѣзами для глазъ и носа; отворили съ шумомъ и словами: «идетъ Великій Князь» дверь въ 3-й классъ, и я вошелъ туда при громкомъ смѣхѣ товарищей. На шумъ тотчасъ же прибѣжалъ дежурный офицеръ (капитанъ Немытскій), сорвалъ съ меня маску и отвелъ раба Божьяго въ карцеръ па хлѣбъ и на воду. Карцеръ у насъ былъ отвратительный — темный, отгороженный отъ такъ называемой дежурной комнаты уголъ, безъ всякой мебели и даже безъ постели. Арестанта одѣвали въ старые затасканные штаны и куртку и давали только подушку, такъ что спать приходилось на голомъ полу. Хорошо еще, что подъ дверью была щель, черезъ которую товарищи приносили заключенному съѣстное подаяніе, иначе сидѣнье въ такомъ мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней было дѣйствительно жестокимъ наказаніемъ. Долго ли я сидѣлъ, не помню; но вышелъ оттуда уже безъ ефрейторскихъ нашивокъ—разжалованнымъ.

Теперь о другомъ дѣяніи.

Въ закрытыхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе ежедневнаго соприкосновенія съ начальствомъ, воспитанники имѣютъ возможность подмѣчать въ начальникахъ выдающіяся черты характера, да многое могутъ и слышать о нихъ внѣ стѣнъ заведенія въ своей семьѣ или отъ знакомыхъ. Отсюда расположеніе къ однимъ и нелюбовь къ другимъ. Такъ, общимъ любимцемъ былъ добрый, шутливо повелительный полковникъ Скалонъ, приходившій на дежурство въ мундирѣ гвардейскихъ саперовъ съ бархатными отворотами. Его встрѣчали не иначе, какъ цѣлуя въ бархатную грудь. Ротнаго командира, барона Розена, несмотря на его нѣсколько суровый видъ и неласковость, любили, уважали и знали, что онъ прямой,

честный человѣкъ, а новаго главнаго начальника изъ-за манеры его обращенія и слуховъ извнѣ, не возлюбили. Въ придачу къ этому, съ перваго же года его поступленія, стали ходить между нами слухи, что онъ ввелъ шпіонство въ училище и даже указывали на воспитанника, занимавшагося этимъ ремесломъ. Справедливо ли приписывалась ему эта реформа или нѣтъ, не знаю; но что шпіонство существовало, будетъ несомнѣнно показано далѣе. Нравиться такое нововведеніе конечно не могло, и я рѣшился, не говоря никому изъ товарищей ни слова, написать генералу въ одинъ изъ отпусковъ чужою рукою письмо, въ которомъ выставлялась неблаговидность учрежденія и предостереженіе въ слѣдующей, какъ я помню, формѣ: «смотрите, Ваше Превосходительство, не все коту масляница, придетъ и великій постъ». Храбрости подписать подъ письмомъ свое имя однако не хватило и, отсылая его, я заранѣе приготовилъ себя къ тому, что авторъ можетъ быть открытъ и имѣлъ въ виду отвергать категорически свое авторство. Вслѣдъ за этимъ розысковъ между воспитанниками не происходило и я молчалъ очень долго, но наконецъ не вытерпѣлъ — вѣроятно, считалъ свой храбрый поступокъ изъ-за угла подвигомъ — захотѣлъ подѣлиться славой подвига съ товарищемъ. Какъ случилось, что такимъ товарищемъ оказался воспитанникъ Б., съ которымъ я не водилъ особенной дружбы, не помню; но знаю достовѣрно, что секретъ открытъ былъ только ему, и знаю столь же достовѣрно, что исторія письма осталась вплоть до моего выхода изъ училища неизвѣстной всѣмъ остальнымъ товарищамъ (иначе въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ кто-нибудь изъ нихъ заговорилъ бы со мной о письмѣ, чего не случилось). Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ моей бесѣды съ Б., на меня налетѣлъ врасплохъ называвшійся «гвоздемъ» дежурный офицеръ надзиратель со словами: «такъ вотъ какіе вы пишете пасквили на начальство». Издавна приготовившійся къ отпору на такое нападеніе, я не смутился, посмотрѣлъ на него недоумѣвающими глазами и отвѣтилъ, что этимъ не занимался. Много ли мало ли времени спустя, баронъ Розенъ призываетъ меня къ себѣ на квартиру и говоритъ: «что вы, сударь, надѣлали, вы написали ругательное письмо начальнику». Баронъ не могъ конечно не допросить меня, разъ ему донесено было надзирателемъ по начальству; но я увѣренъ, онъ былъ очень радъ, когда я спокойно отклонилъ это обвиненіе, потому что не сталъ допытываться и тотчасъ же отпустилъ меня. Съ тѣхъ поръ на нѣсколько мѣсяцевъ исторія канула въ воду. Великимъ постомъ прихожу на исповѣдь къ нашему священнику Розанову, и онъ спрашиваетъ меня между прочимъ, писалъ ли я письмо начальни-

ку?—Да.—На вопросъ, что было написано въ письмѣ, я прочиталъ ему наизусть все отъ слова до слова. Послѣ причастья насъ обыкновенно собирали въ рекреаціонной залѣ; приходилъ генералъ и поздравлялъ насъ съ принятіемъ Св. Таинъ. На этотъ разъ, послѣ поздравленія, онъ вызываетъ меня передъ фронтъ—выхожу и думаю, пропалъ—вмѣсто того слышу слѣдующія слова: «ради торжественнаго для васъ дня прощаю вамъ проступокъ, изъ-за котораго вы лишились ефрейторскаго званія, и возвращаю вамъ это званіе». Что это такое было, отпущеніе мнѣ болѣе тяжелаго моего грѣха, или прикрытіе грѣха священника, сказать не могу, но думаю, скорѣе послѣднее, судя по тому, что въ нашемъ генералѣ не было джентльменства, и по его отношенію ко мнѣ впослѣдствіи.

Въ старшемъ классѣ я былъ сдѣланъ унтеръ-офицеромъ (т.-е. получилъ по военнымъ обычаямъ родъ чина, дающаго нѣкоторую власть надъ младшими воспитанниками) и опять провинился передъ генераломъ. Въ этомъ году произошла по какой-то причинѣ драка между воспитанниками 2-го и 3-го класса, и въ наказаніе за это ихъ лишили права пить по вечерамъ (послѣ классовъ) въ столовой собственный чай. Мѣра эта конечно строго соблюдалась дежурными офицерами, но отъ нея ускользалъ сынъ начальника, бывшій тогда въ 3-мъ классѣ. Съ 6—7 ч. вечера онъ, и до этой исторіи, постоянно уходилъ на квартиру родителей (бывшую въ томъ же зданіи), гдѣ конечно получалъ какое нибудь угощеніе и сохранилъ эту привычку послѣ исторіи, когда его товарищи были осуждены по вечерамъ на ломти чернаго хлѣба. Намъ, старшимъ, это обстоятельство показалось дѣломъ несправедливымъ, и я, отъ лица старшаго класса, запретилъ воспитаннику Ламновскому ходить по вечерамъ домой къ отцу. За это никакихъ непосредственныхъ мѣропріятій противъ меня не послѣдовало, но генералъ, какъ увидимъ, не забылъ этого происшествія. Учился я недурно и въ этомъ выпускномъ классѣ унтеръ-офицеръ былъ исправный, ни въ какихъ другихъ проступкахъ замѣченъ не былъ и даже пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ барона Розена. Это я замѣтилъ по слѣдующему случаю. На одномъ изъ выпускныхъ экзаменовъ мнѣ пришлось отвѣчать послѣднему, и экзаменъ затянулся на нѣсколько минутъ противъ начала нашего обѣда; такъ что когда я сбѣжалъ сверху внизъ, рота сидѣла уже за обѣдомъ въ столовой и баронъ Розенъ былъ тамъ. При моемъ появленіи, онъ встрѣтилъ меня словно съ нѣкоторой тревогой словами: «ну что, благополучно ли?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, улыбнулся и сказалъ: «слава Богу».—Онъ конечно зналъ генерала и зналъ, что онъ присутствуетъ на всѣхъ выпускныхъ экзаменахъ.

Въ лагерный сборъ этого года нашему хорошему честному барону Розену пришлось испытать два большихъ горя. Старый суроваго вида служака, онъ былъ назначенъ въ этомъ году командиромъ 1-го батальона (гвардейскіе подпрапорщики, пажи и мы), а всѣмъ отрядомъ командовалъ молодой, франтоватый и кичливый директоръ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, генералъ Сутгофъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними должна была существовать непріязнь и до имѣющаго быть описаннымъ случая— для этого было достаточно взглянуть на ихъ фигуры.

Случай же этотъ разыгрался на переднемъ учебномъ плацу во время батальоннаго ученья, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ. Передъ фронтомъ, кромѣ нашего командира, стоялъ Сутгофъ и, въ качествѣ зрителя, полковникъ Лишинъ, занимавшій въ школѣ подпрапорщиковъ ту же должность, чтó у насъ бар. Розенъ. При какомъ-то батальонномъ построеніи подпрапорщики напутали, и бар. Розенъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ нимъ, сказалъ полковнику Лишину что-то неодобрительное объ его ученикахъ. Съ военной точки зрѣнія это былъ конечно промахъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ стоялъ начальникъ барона Сутгофъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ порицаемыхъ подпрапорщиковъ. Генералъ остервенѣлъ и закричалъ во всю мочь: «это что за фарсы, господинъ полковникъ, извольте отправиться съ плаца долой въ палатку». Бѣдному старому заслуженному полковнику, передъ толпой мальчиковъ пришлось взяться подъ козырекъ и отправиться на своей неказистой лошади съ плаца долой.

Еще бóльшее горе предстояло ему далѣе.

Въ этомъ году, задолго до лагернаго сбора, нашему училищу дали впервые небольшого размѣра понтоны, съ прочими мостовыми принадлежностями, чтобы обучить насъ собиранію понтоновъ [1]) и наводкѣ моста. Собиранію понтоновъ мы выучились еще въ городѣ; а въ наводкѣ моста упражнялись въ Петергофѣ на рѣчкѣ узенькой и глубокой (у насъ было всего 8 понтоновъ), протекавшей по Англійскому саду. Когда же мы преуспѣли и въ послѣднемъ искусствѣ, то стали ждать царскаго смотра понтонному ученью. Бѣда случилась именно на такомъ смотру; но для того, чтобы понять, какъ она произошла, необходимо маленькое отступленіе.

Для фронтового ученья насъ строили въ 3 шеренги слѣдую-

[1]) Наши понтоны имѣли видъ продолговатыхъ, похожихъ на гробы, ящиковъ и состояли, въ разобранномъ видѣ, изъ 5 рамъ, скрѣпъ и обтягивающей ящики просмоленной парусины. Всѣ эти части съ прочими мостовыми принадлежностями укладывались въ опредѣленномъ порядкѣ въ фуры, и для понтонеровъ существовалъ опредѣленный же порядокъ дѣйствій въ операціяхъ собиранія понтоновъ.

щимъ образомъ: въ переднюю ставили высокихъ ростомъ и въ то же время хорошо умѣющихъ дѣлать ружейные пріемы, такъ какъ эта шеренга была на виду; самыхъ маленькихъ прятали въ среднюю шеренгу; а въ заднюю, наиболѣе закрытую отъ наблюдателя, попадали изъ крупныхъ по росту самые плохіе фронтовики. Кромѣ того ружья у насъ были не для стрѣльбы [1]), а только для вида, плохія и у многихъ обывателей задней шеренги съ заржавленными, туго вынимавшимися шомполами, что при фронтовомъ ученьи не составляло однако существеннаго изъяна, потому что обладателямъ такихъ ружей вынимать шомполовъ не было надобности — нужно было только, чтобы руки задней шеренги поднимались и опускались въ тактъ съ руками передней при мнимомъ заряженіи. При понтонномъ же ученьи строй былъ иной, по росту, въ переднюю самые большіе, слѣдующіе за ними въ заднюю, а самые малые въ среднюю. Стало быть, тогда въ переднюю шеренгу попадали многіе изъ обычныхъ обитателей задней.

И такъ, въ одинъ прекрасный и въ высшей степени неудобный для училища день, притомъ не загодя, какъ бы слѣдовало, а за 3—4 часа до смотра пришелъ приказъ, что въ 6 ч. вечера Государь будетъ дѣлать смотръ понтоннаго ученья. День былъ неудобенъ тѣмъ, что баронъ Розенъ былъ какъ разъ въ этотъ день въ отпуску въ Петербургѣ и вернулся въ лагерь уже послѣ того, какъ все было кончено. Пришли мы съ фурами къ рѣчкѣ, конечно съ ружьями, и построились для понтоннаго ученья. Въ 6 ч. пріѣхалъ Государь одинъ, безъ свиты, всталъ въ 25 шагахъ передъ нашей небольшой кучкой (всего 40 человѣкъ въ рядъ) и скомандовалъ «ружейные пріемы!» Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Царя струсили бы, я думаю, закаленные въ фронтовомъ искусствѣ субъекты, а тутъ передъ его глазами стояло много такихъ, которые привыкли прятаться въ заднихъ рядахъ отъ глазъ простого начальства. Чуя бѣду, струсилъ конечно и командовавшій нами, за отсутствіемъ полковника, штабсъ-капитанъ С. Фигура его была жалкая, командовалъ онъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ. Пріемы дѣлались, видно, плохо, потому что Государь все болѣе и болѣе хмурился и наконецъ не выдержалъ, когда дѣло дошло до пріема заряженія ружей. У кого-то изъ переднихъ не вынулся шомполъ; Государь подбѣжалъ, вырвалъ у него изъ рукъ ружье, выдернулъ шомполъ,

---

[1]) Во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ фронтовыя ружья служили лишь для того, чтобы обучать внѣшнему умѣнью обращаться съ оружіемъ; и во время фронтового ученья мы дѣлали только видъ, что заряжаемъ ружье и палимъ. Для дѣйствительнаго стрѣлянья назначались отдѣльные часы, внѣ фронтового ученья: — стрѣляли по-одиночкѣ, другъ за другомъ въ цѣль.

бросилъ ему ружье назадъ и закричалъ: «учить этихъ мерзавцевъ цѣлую ночь на заднемъ плацу!» Тѣмъ смотръ и кончился. Государь уѣхалъ, а насъ свели учиться на задній плацъ. Въ 8 ч. нашъ полковникъ вернулся въ лагерь, прямо къ намъ, и я увѣренъ, что воспитанники инженернаго училища ни въ какіе годы его существованія не дѣлали ружейныхъ пріемовъ съ такимъ азартомъ, какъ мы въ этотъ достопамятный вечеръ, подъ командой нашего полковника.—Онъ хвалилъ насъ ежеминутно и не ради утѣшенія, а въ самомъ дѣлѣ, по всей справедливости. Въ 10 часовъ вечера пришелъ приказъ изъ дворца прекратить ученье.

На насъ этотъ смотръ ничѣмъ не отразился; а на судьбу барона Розена остался, можетъ быть, не безъ вліянія. Будучи уже въ этомъ году (1847) старымъ заслуженнымъ полковникомъ съ Владиміромъ на шеѣ, онъ такъ и не дослужился до генеральскаго чина.—Уходя изъ училища, этотъ суровый старикъ, говорятъ, плакалъ и умеръ гдѣ-то въ провинціи командиромъ сапернаго батальона. Миръ праху этого честнаго человѣка!

Лагери этого года были для инженеровъ, какъ читатель видитъ, невеселые; но за ними для насъ выпускныхъ готовилось въ городѣ большое счастіе: въ день возвращенія въ городъ, въ дортуарахъ училища на нашихъ постеляхъ уже лежалъ заказанный передъ лѣтомъ офицерскій костюмъ съ эполетами (офицерскихъ погоновъ тогда еще не было, и я увѣренъ, что погоны доставляютъ теперешнимъ выпускнымъ гораздо меньше удовольствія, чѣмъ эполеты). Въ жизни моей было не мало радостныхъ минутъ, но такого радостнаго дня, какъ этотъ, конечно не было. Перестаешь быть школьникомъ, вырываешься на волю, запретовъ болѣе нѣтъ; живи, какъ хочется, да еще съ деньгами въ пустомъ, до того, карманѣ (на выходъ въ офицеры мнѣ конечно были присланы деньги изъ дома и въ придачу бобровый воротникъ къ будущей зимней шинели). Одно меня немного огорчало — не было еще усовъ; но я не преминулъ помочь этому горю и въ первые же дни купилъ накладные и по вечерамъ щеголялъ въ нихъ по улицамъ. Въ первые же дни снялъ съ себя для матери дагерротипный портретъ въ офицерскомъ мундирѣ (фотографированія на бумагѣ еще не было), и наконецъ въ первые же дни настолько объѣлся сардинками, что не могъ долгое время ихъ видѣть. Хорошо, что я не зналъ до этого времени сладостей кутежа [1]), иначе могъ бы удариться,

[1]) Въ бытность въ училищѣ, куда я попалъ изъ дома мальчикомъ, не бывалъ нигдѣ, кромѣ семьи Штромъ, гдѣ вкусъ къ кутежамъ развиться не могъ. Водки и

по даннымъ характера, во многія тяжкія. Притомъ же мнѣ удалось поселиться такъ, что не приходилось таскаться по трактирамъ. Въ двухъ надворныхъ флигеляхъ одного и того же дома на Шестилавочной (впослѣдствіи Надеждинской) поселились пять товарищей, и въ одномъ изъ флигелей я съ Постельниковымъ и полковникомъ Германомъ. Постельникову, по обычаямъ того времени, прислали родители, при его производствѣ въ офицеры, пожилого слугу, оказавшагося поваромъ. Въ нашей квартирѣ была кухня, и этотъ добродѣтельный человѣкъ взялся кормить насъ пятерыхъ обѣдомъ и ужиномъ по $7^1/_2$ рубл. съ человѣка. Для новоиспеченныхъ прапорщиковъ обстоятельство это было важно еще въ томъ отношеніи, что они получали всего 300 р. въ годъ жалованья. Жизнь въ то время была должно быть дешевая, потому что при маленькой поддержкѣ изъ дому, я абонировался въ сентябрѣ въ Большомъ театрѣ на Итальянскую оперу, наслышавшись объ ея чудесахъ отъ товарища Валуева, родители котораго были абонированы въ оперѣ со времени ея появленія въ Петербургѣ. Абонировался я на двухрублевое мѣсто и получилъ самое скверное кресло въ театрѣ, крайнее 13 ряда подлѣ входной двери; но наслаждался на этомъ мѣстѣ вѣроятно не менѣе счастливцевъ, сидѣвшихъ въ бельэтажѣ.

Описывать повседневную жизнь этого года не стоитъ. Проходила она въ кругу прежнихъ товарищей; учиться приходилось попрежнему (въ офицерскихъ классахъ ежедневно отъ 9—2); новыхъ знакомствъ не завелось; дешевыхъ увеселительныхъ заведеній въ Петербургѣ тогда не было (былъ я впрочемъ одинъ разъ, въ качествѣ зрителя, въ танцклассѣ Марцинкевича), такъ что, когда улеглись на душѣ радости выхода съ эполетами на свободу, жизнь стала казаться даже скучноватой. Одной усладой для меня была итальянская опера. Въ этотъ сезонъ пѣли: двѣ примадонны, Борзи и Фреццолини, тенора Гуаско и Сальви, басъ Тамбурини (имена прочихъ не помню). Здѣсь развилась во мнѣ оставшаяся доселѣ страсть къ итальянской музыкѣ; и здѣсь же восторги отъ пѣнія Фреццолини перешли мало-по-малу въ обожаніе самой дивы. Приблизиться къ ней у меня и помысловъ не было—въ теченіи этого года я уже имѣлъ случай убѣдиться, что мнѣ, съ моей изуродованной оспой татарской физіономіей, имѣть успѣхъ у прекраснаго пола не суждено—поэтому обожаніе происходило издали и не доставляло мнѣ никакихъ мученій. Но передъ разставаніемъ съ нею, все-таки захотѣлось сказать ей «прости» и дать почувствовать, что

вина тамъ не водилось, единственный кутежъ происходилъ раза два въ годъ, по большимъ праздникамъ въ видѣ т. наз. „глинтвейна“ съ сахаромъ и корицей.

въ Петербургѣ она оставляетъ пылающее къ ней сердце. Съ этой цѣлью въ первые дни масляницы 1848 г. я почему то счелъ нужнымъ удалиться изъ дому въ извѣстную тогда гостиницу у Балабина, на Большой Садовой, для написанія ей по-французски письма, и сочинилъ его тамъ подъ звуки органа. Въ письмѣ она извѣщалась, что авторъ преподноситъ ей на прощанье, за доставленныя непримѣрныя наслажденія, прилагаемые стихи и будетъ находиться на подъѣздѣ Большого театра въ четвергъ, по окончаніи утренняго спектакля (въ это утро давали Донъ-Жуана и она пѣла Церлину). Стихи эти принадлежали, однако, не моему перу, а были написаны нѣкогда учителемъ французскаго языка въ Смольномъ M. Riffé и поднесены при выходѣ изъ института Вильгельминѣ Константиновнѣ Штромъ, въ которую онъ былъ, по ея разсказамъ, влюбленъ. Эти стихи я зналъ наизусть, еще будучи ея ученикомъ въ деревнѣ, не забылъ ихъ и въ инженерномъ училищѣ, воспользовался ими въ данномъ случаѣ и помню ихъ доселѣ. Вотъ они:

Gardez ce voeu du coeur comme un souvenir
D'un ami de votre jeunesse,
Et puisse aux jours de la vieillesse
Votre regard le voir encore avec plaisir.
Ces jours sont loin pour vous,
A peine votre vie est-elle dans son beau printemps,
Vous avez devant vous l'avenir et le temps.
Mais la coupe pour moi sera bientôt remplie.—
Pour moi depuis longtemps se sont évanouis
L'éspoir, l'illusion et surtout le droit de plaire.
Vous le possedez au contraire,
Jouissez en. Que vos jours embellis
Par tout ce qui charme l'existence
Ne connaissent ces maux sans espérance,
Ces maux par qui nos coeurs sont à jamais flétris.

Въ этихъ стихахъ я сумѣлъ измѣнить только вторую строчку; вмѣсто нея было написано:

Des jours de votre gloire, ma déesse.

Остальное было послано безъ измѣненій. Въ назначенный день я простоялъ на подъѣздѣ въ ожиданіи ея выхода чуть не часъ. Она пробѣжала къ своей каретѣ очень скоро, но искоса все-таки взглянула въ мою сторону. Это и было мое прощаніе съ дивой.

Перехожу теперь къ моему прощанію съ Инженернымъ училищемъ.

Судьба учившихся въ нижнемъ офицерскомъ классѣ, смотря по успѣхамъ въ наукахъ, доказаннымъ на экзаменахъ, была троякая: получившіе въ среднемъ $47\frac{1}{2}$, при равномъ баллѣ 48, переходили въ верхній классъ подпоручиками; второй разрядъ туда же, безъ повышенія чиномъ, а третій выходилъ изъ училища тѣмъ же чиномъ въ армейскіе саперы. Учился я въ этомъ году не такъ прилежно, какъ въ прежніе, но приналегъ къ экзаменамъ и имѣлъ право надѣяться на переходъ въ верхній классъ подпоручикомъ; но этого благодаря прозорливости нашего начальника не случилось.

Главными инженерными предметами въ нижнемъ офицерскомъ классѣ была долговременная фортификація и строительное искусство. На экзаменѣ изъ фортификаціи нужно было представить рисунокъ долговременнаго укрѣпленія и за него ставили баллы; но большого значенія рисунки эти имѣть не могли, потому что въ нихъ ничего новаго собственнаго измышленія не полагалось — вычерчивалась и раскрашивалась какая-нибудь одна изъ извѣстныхъ системъ укрѣпленій. Кромѣ того, всѣ не-мастера чертить и рисовать (къ какимъ принадлежалъ и я) заказывали обыкновенно эти рисунки въ чертежной инженернаго департамента; и этотъ древній обычай, при ежегодномъ пользованіи имъ, не могъ не быть извѣстенъ начальству. Сверхъ всего прочаго, капитанъ Андреевъ, будучи не менѣе страстнымъ итальяноманомъ чѣмъ я, и встрѣчаясь со мною въ театрѣ на однихъ и тѣхъ же представленіяхъ, очень благоволилъ ко мнѣ и частенько бесѣдовалъ со мною не о крѣпостяхъ и Вобанѣ, а о слышанныхъ операхъ и ихъ исполнителяхъ. Какъ бы то ни было, заказанный мною для экзамена рисунокъ онъ подписалъ безъ всякихъ разспросовъ, не предчувствуя ожидавшаго меня на экзаменѣ, изъ его предмета (а этотъ экзаменъ былъ первый) сюрприза. Генералъ Ламновскій, конечно, присутствовалъ на этомъ важномъ экзаменѣ, и какъ только я представилъ рисунокъ, схватилъ циркуль и сталъ свѣрять размѣры всѣхъ частей съ приложеннымъ къ рисунку масштабомъ (чего я не дѣлалъ). Злодѣй рисовальщикъ устроилъ мостъ черезъ ровъ въ 5 саженъ вмѣсто 3; это не ускользнуло отъ циркуля генерала и онъ поставилъ мнѣ за рисунокъ 15. Другими словами: сразу лишалъ меня возможности перейти въ верхній классъ подпоручикомъ. Зная это, я пересталъ готовиться къ экзаменамъ, какъ слѣдуетъ, и получилъ второй скверный балъ изъ нелюбимаго мною строительнаго искусства. По полученіи этой отмѣтки, генералъ не преминулъ обратиться ко мнѣ со слѣдующими словами: «если бы вамъ сказалъ кто-нибудь прежде, что вы будете стоять рядомъ съ В. и П. (по-

слѣдними учениками въ классѣ), вы бы не отпустили того со двора». Клянусь честью, что сказаны были именно эти слова.

По окончаніи экзаменовъ всѣ мы получили повѣстки явиться въ опредѣленный день и часъ въ училище. Генералъ вышелъ къ намъ со спискомъ въ рукахъ и объявилъ, что призвалъ насъ выслушать наши желанія и по возможности исполнить ихъ. Вызывая отличившихся по экзаменамъ поочередно, онъ объявлялъ имъ о ихъ правѣ перехода въ верхній классъ; спрашивалъ, желаетъ ли каждый изъ нихъ этого перехода и, получая утвердительные отвѣты, дѣлалъ отмѣтки въ спискѣ. Я оказался первымъ въ 3-мъ разрядѣ, мнѣ было объявлено, что перейти въ верхній классъ я не могу и на мое желаніе поступить въ Кавказскій саперный батальонъ, получилъ въ отвѣтъ короткое сухое «не можете». Мнѣ не пришло тогда въ голову, что распредѣленіе насъ 3-разрядныхъ по сапернымъ батальонамъ не было въ его власти, и казалось, что сухой, отрицательный отвѣтъ на вызванное имъ же самимъ мое заявленіе, былъ лишь новымъ проявленіемъ его желанія отомстить мнѣ. Поэтому на слѣдующее утро я надѣлъ мундиръ и отправился въ училище просить у начальника разъясненія, почему желаніе мое не можетъ быть исполнено. Къ счастію, онъ меня не принялъ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ и одному изъ моихъ сожителей, Постельникову, было объявлено, что мы назначены въ Кіевъ, во 2-й резервный саперный батальонъ.

Какъ только намъ выдали подорожныя и прогонныя деньги, Постельниковъ, я и присланный мнѣ въ теченіе этого года изъ деревни въ услуги молодой парень (башмачникъ по ремеслу), Ѳеофанъ Васильевъ, отправились, въ самый разгаръ петербургской холеры, въ путь, на югъ.

Могъ ли я тогда думать, что непочетное удаленіе изъ училища было для меня счастьемъ? — Инженеромъ я во всякомъ случаѣ былъ бы никуда негоднымъ.

Въ Кіевѣ, саперомъ.

(1848—1850 г.)

Батальонъ, въ который я былъ назначенъ, составлялъ вмѣстѣ съ 6-мъ сапернымъ батальономъ бригаду, которая лѣтомъ стояла лагеремъ подъ Кіевомъ, верстахъ въ двухъ отъ города, а осенью уходила на зимнія квартиры. На зиму въ городѣ оставалась юнкерская школа и тѣ изъ саперныхъ офицеровъ, которые назначались туда учителями. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я; поэтому нести военную службу мнѣ пришлось только въ теченіе двухъ лагерныхъ сборовъ, да и то неполныхъ, такъ какъ мы съ Постельниковымъ, по дорогѣ въ Кіевъ, заѣзжали къ его родителямъ и прибыли на мѣсто въ концѣ іюня, съ опозданіемъ на нѣсколько дней. Начальство спустило намъ эту вину съ снисходительной улыбкой, и мы размѣстились очень удобно въ лагерныхъ баракахъ (не палаткахъ). Кромѣ Постельникова и меня, во 2-й резервный батальонъ прибылъ нашъ однокурсникъ Владыкинъ и въ 6-й саперный Корева, такъ что съ первыхъ же дней мы очутились въ *своемъ* обществѣ.

Главные наши командиры (бригадный генералъ Букмейеръ, батальонный — полковникъ Кехли) не были ни служаками, ни строгими начальниками. Генерала за все время пребыванія моего саперомъ видѣлъ я много-много раза три-четыре. Полковникъ нашъ (какъ, впрочемъ, и всѣ семейные офицеры) жилъ внѣ лагеря, являлся передъ нами только на батальонномъ ученьи, держался далеко отъ своихъ подчиненныхъ и былъ по всѣмъ видимостямъ человѣкъ благовоспитанный и порядочный: не вмѣшивался въ батальонныя дрязги, не ругался на ученьяхъ и былъ со всѣми безупречно вѣжливъ. Нужно отдать справедливость и нашимъ ротнымъ командирамъ: и они не держали себя съ нами, прапорщиками, по-начальнически (несмотря на то, что мой ротный М. имѣлъ видъ «бурбона» и, очевидно, происходилъ изъ кадетовъ стараго закала, отличаясь всѣми классическими признаками этой породы:—низкимъ ростомъ, плот-

нымъ сложеніемъ, кривыми ногами и грубой обрывистой рѣчью) [1]. Да и вообще отношенія между офицерами «ученаго войска», какъ называли себя саперы, были приличныя. Долгомъ считаю прибавить къ этому, что въ обѣ лагерныя стоянки я не былъ свидѣтелемъ ни пьянства, ни крупныхъ ссоръ, никакого вообще безобразія въ средѣ офицеровъ, ни даже зуботычинъ во фронтѣ; и только разъ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ страшной экзекуціи надъ бѣднымъ солдатомъ (Калугинымъ) изъ нашего батальона. Его гнали сквозь строй за второй побѣгъ, послѣ того какъ за первый онъ былъ разжалованъ изъ унтеръ-офицеровъ и считался штрафнымъ. Всѣ офицеры были обязаны присутствовать при этой варварской церемоніи; нашъ полковникъ однако сумѣлъ уклониться отъ присутствованія, и всѣмъ распоряжался на его мѣстѣ командиръ 1-й роты, капитанъ Ползиковъ. Я видѣлъ только, какъ руки бѣдняка, въ штанахъ, съ оголенной спиной, привязали не то къ ружью, не то къ палкѣ, и два солдата, держа концы этой горизонтальной опоры для несчастнаго, повели его между двухъ рядовъ солдатъ съ длинными хворостинами. Отъ остального закрылъ глаза и только по окончаніи экзекуціи видѣлъ открытыми глазами слѣдующую сцену. Распорядитель, капитанъ Ползиковъ, замѣтилъ между сѣкущими солдата, который не ударилъ несчастнаго розгой, и какъ только того увезли въ госпиталь, разложилъ виноватаго передъ всѣми его товарищами и всыпалъ ему двадцать пять розогъ. Этотъ всталъ, натянулъ штаны и промолвилъ: «Покорнѣйше благодарю ваше высокоблагородіе».

Нашему ученому войску слѣдовало бы въ лагерное время заниматься больше всего саперными работами, но на это посвящалось очень мало времени, потому что, помимо избыточно практиковавшейся шагистики, лѣтомъ подъ Кіевомъ не оставалось никакихъ другихъ войскъ, кромѣ саперовъ, и намъ приходилось занимать въ городѣ караулы. Лично я въ эти два лѣта занимался недѣли двѣ съемкой въ окрестностяхъ лагеря и состоялъ при завѣдующемъ минными работами, гдѣ однако игралъ роль не дѣятеля, а зрителя, такъ какъ въ училищѣ практикѣ сапернаго дѣла насъ не обучали [2]. Воспоминаній объ этой дѣятельности у меня ни-

[1]) Мнѣ даже кажется, что намъ, пришельцамъ изъ инженернаго училища, высшее начальство покровительствовало, потому что во всей бригадѣ, кромѣ насъ четверыхъ, было еще только двое изъ инженернаго училища—бригадный адъютантъ Тецнеръ и поручикъ 6-го батальона Роше. Это выразилось между прочимъ тѣмъ, что изъ насъ четверыхъ трое съ перваго же года были назначены учителями въ юнкерскую школу, а начальникомъ ея—поручикъ Роше.

[2]) Много позднѣе я слышалъ, что воспитанниковъ нашего училища стали посылать не въ кадетскій лагерь, какъ въ наше время, а въ саперный.

какихъ не осталось; знаю только, что она была мнѣ сильно не по душѣ, что я былъ очень неисправнымъ офицеромъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ стали зарождаться въ головѣ новыя стремленія и цѣли, и что мои неисправности сходили мнѣ съ рукъ, благодаря протекціи нашего бригаднаго адъютанта, поручика Тецнера. Однокашникъ по училищу, онъ, конечно, зналъ исторію моего выхода изъ онаго, самъ тяготился военной службой и являлся моимъ защитникомъ. Разъ даже спасъ меня отъ угрожавшаго мнѣ со стороны генерала ареста за неисправное дежурство по батальону.

Когда мы поближе познакомились съ нашими новыми товарищами, между ними, въ лицѣ подпоручика 6-го батальона Василія Аѳанасьевича Чистякова, оказалось прелестнѣйшее, вытканное изъ незлобія и наивности существо, въ образѣ беззаботнаго чудака, одинаково веселаго въ нищетѣ, невзгодахъ и даже смертельной опасности. Существовало достовѣрное преданіе, что, отправляясь въ батальонъ по выходѣ изъ корпуса, онъ заѣхалъ по дорогѣ, неподалеку отъ Кіева, къ бабушкѣ, которая подарила ему на прощанье тулупчикъ на мерлушкѣ и жеребеночка. Какъ онъ довезъ послѣдній подарокъ до Кіева, не знаю; но извѣстно, что вскорѣ по прибытіи Василія Аѳанасьевича на мѣсто службы онъ былъ вовлеченъ нѣкоторыми новыми пріятелями въ карточную игру, проигралъ всѣ свои деньги и спустилъ въ придачу оба подарка бабушки. Карты онъ послѣ этого бросилъ, но пришлось надѣлать долговъ, и въ концѣ-концовъ бѣдный Василій Аѳанасьевичъ былъ вынужденъ питаться изъ ротнаго котла, такъ какъ все почти мѣсячное жалованье уходило на уплату долговъ. Въ такомъ именно положеніи мы его и застали. Вскорѣ мы сдружились, и онъ сталъ неразрывнымъ товарищемъ нашего молодого кружка [1]). Въ теченіе мѣсяца Василій Аѳанасьевичъ былъ, конечно, нашимъ гостемъ; но какъ только получалось жалованье, въ отвѣтъ на наши угощенія онъ устраивалъ въ своемъ баракѣ балъ и мы приглашались гостями. На оставшіяся отъ жалованья крохи угощалъ онъ насъ чаемъ, закуской и непремѣнно бутылкой мадеры съ графинчикомъ водки. Веселился онъ на этихъ балахъ до того, что пускался иногда въ плясъ; потчевалъ себя всѣмъ гораздо больше, чѣмъ гостей, и только просилъ, чтобы все было съѣдено и выпито. Такъ беззаботно проживалъ Василій Аѳанасьевичъ до конца слѣдующихъ лагерей (1849), когда случилось слѣдующее происшествіе. Недѣли за три

[1]) Нужно замѣтить, что тогда офицеры жили въ разбивку, не образуя цѣльнаго товарищескаго кружка, наподобіе того, какъ живутъ, напримѣръ, офицеры-однополчане въ Германіи. Въ нашемъ лагерѣ не было и помѣщенія, гдѣ мы всѣ могли бы сходиться вмѣстѣ.

до выхода батальоновъ на зимнія квартиры его и нѣкоторыхъ изъ нашего кружка пригласилъ къ себѣ вечеромъ на чай женатый поручикъ Роше. Разговоръ зашелъ о прелестяхъ женатой жизни, и хозяинъ, конечно шутя, обратился къ Чистякову со словами: «Что это вы, Василій Аѳанасьевичъ, не женитесь, вѣдь пора, и невѣста у меня есть подходящая — учительница моихъ дѣтей, прекрасная дѣвушка, правда небогатая, да вѣдь для васъ не въ деньгахъ счастье». Василій Аѳанасьевичъ, принялъ эту шутку очевидно въ серьезъ, потому что задумался и ничего не отвѣтилъ. Въ послѣдовавшую затѣмъ недѣлю сборовъ батальоновъ къ выходу на зимнія квартиры, когда всѣ офицеры освобождались отъ служебныхъ занятій, мы, учителя юнкерской школы, простились съ Чистяковымъ (и прочими пріятелями) и переселились въ городъ. Едва ушли батальоны, какъ до кого-то изъ насъ дошло извѣстіе, что Василій Аѳанасьевичъ женился и все свое имущество повезъ въ дѣтской колясочкѣ на денщикѣ. Вторая половина извѣстія прибавлялась, конечно, въ шутку; но первая была вѣрна. Василій Аѳанасьевичъ дѣйствительно женился на рекомендованной ему невѣстѣ, которая вѣроятно думала, какъ и женихъ, что не въ деньгахъ счастье. Въ февралѣ слѣдующаго года я вышелъ въ отставку, уѣхалъ изъ Кіева и услышалъ о Чистяковѣ много лѣтъ спустя только еще разъ. Во время крымской кампаніи бывшій мой товарищъ по училищу и саперному батальону Владыкинъ, тогда уже отставной офицеръ, побывалъ туристомъ въ осажденномъ Севастополѣ и посѣтилъ всѣ наши передовые посты. На одномъ изъ нихъ, въ землянкѣ, онъ увидѣлъ кучку офицеровъ и между ними Василія Аѳанасьевича въ его обычномъ домашнемъ костюмѣ, въ штанахъ и рубашкѣ, мечущимъ банкъ. По его словамъ, Василій Аѳанасьевичъ мало измѣнился и встрѣтилъ Владыкина обычнымъ веселымъ смѣхомъ.

Въ первую же зиму я познакомился въ Кіевѣ съ двумя семейными домами. Въ одномъ изъ нихъ, съ тремя молоденькими барышнями, мы, учителя юнкерской школы (Владыкинъ, Корева и я), играли роль молодыхъ офицеровъ, имѣвшихъ занимать барышень, играть въ фанты и даже танцовать одинъ разъ въ недѣлю, въ назначенный день; а въ другомъ домѣ, куда изъ товарищей вхожъ былъ я одинъ, были положены молодой представительницей дома всѣ основанія моей будущей судьбы.

Въ домъ съ барышнями ввелъ насъ женатый на ихъ старшей сестрѣ саперный офицеръ. Главой семейства былъ пожилой зажиточный помѣщикъ изъ-подъ Кіева, жившій въ городѣ только по зимамъ въ собственномъ домѣ. Человѣкъ онъ былъ не глупый; очень не любилъ кіевскихъ монаховъ, зналъ и разсказывалъ изъ

ихъ жизни много пикантнаго; зналъ, очевидно, цѣну образованію, потому что старшій сынъ его былъ студентомъ, и былъ, наконецъ, большой любитель музыки. Въ его домѣ нерѣдко появлялся гостемъ извѣстный тогда кіевскій учитель пѣнія, итальянецъ (по фамиліи, кажется, Ваверіо); и разъ на вечерѣ былъ какой-то заѣзжій піанистъ и импровизаторъ Шиффъ, показывавшій свое искусство. Кто-то изъ гостей давалъ ему тему, а онъ игралъ на нее варіаціи. Все это я привожу съ цѣлью показать, что тонъ въ этомъ домѣ былъ совершенно порядочный и что въ глазахъ хозяевъ мы никоимъ образомъ не являлись въ качествѣ возможныхъ жениховъ для дочерей. Прибавлю къ этому съ благодарностью, что принимали насъ очень радушно, и въ весну или осень 1849 г. мы были даже одинъ разъ у нихъ въ деревнѣ.

Въ Кіевѣ, какъ въ крѣпости, была такъ называемая инженерная команда, и между молодыми офицерами этой команды былъ нашъ однокурсникъ Безрадецкій и два, тоже знакомыхъ по училищу, товарища, офицеры М. и X., старше насъ на три года. Понятно, что какъ только мы узнали о прибытіи Безрадецкаго въ Кіевъ, а онъ узналъ о нашемъ пребываніи въ саперахъ, то начались взаимныя посѣщенія. У него мы встрѣчались съ обоими старшими товарищами, и я вскорѣ сошелся съ послѣдними. Вѣроятно, помогла мнѣ и здѣсь исторія моего выхода изъ училища, какъ она помогла мнѣ у Тецнера. Много ли, мало ли времени прошло послѣ этого знакомства, не помню; но разъ инженеръ X. предложилъ мнѣ познакомиться съ его семействомъ, получилъ, конечно, согласіе и свезъ меня къ своимъ на Подолъ. Съ этихъ поръ я ѣздилъ въ его семью разъ въ недѣлю во всю зиму 48-го года и въ первую половину слѣдующаго. По дорогѣ туда путь лежалъ мнѣ мимо офицерскаго дома инженерной команды, я заѣзжалъ туда за инженеромъ М., и мы вдвоемъ отправлялись на Подолъ и вмѣстѣ же возвращались оттуда.

Это была обрусѣвшая польская семья. Отецъ и мать, католики, жили въ молодости (онъ врачомъ) въ такомъ русскомъ захолустьѣ, что дѣтей пришлось окрестить въ русскую вѣру. Позднѣе онъ жилъ долгое время въ Костромѣ, занимаясь частной практикой; и здѣсь надъ его семьей стряслась бѣда.—При императорѣ Николаѣ Кострома была однимъ изъ ссыльныхъ городовъ для поляковъ, и въ ней случился большой пожаръ. Губернаторъ, не думая долго, заподозрѣлъ въ пожарѣ поляковъ и засадилъ всѣхъ безъ исключенія въ острогъ. Въ число заключенныхъ попала и разсказывавшая мнѣ объ этомъ событіи дочь доктора, тогда 16-лѣтняя дѣвочка. Для разслѣдованія дѣла былъ посланъ изъ Петербурга генералъ Суворовъ (хорошо извѣстный впослѣдствіи петербургскій генералъ-

губернаторъ); подозрѣніе губернатора оказалось неосновательнымъ; всѣ были выпущены на свободу, и разсказчица получила даже отъ Николая Павловича брильянтовыя серьги въ утѣшеніе за невинно претерпѣнное сидѣніе въ тюрьмѣ. Незадолго до описываемаго мною времени семья переѣхала въ Кіевъ и вела очень скромную жизнь.

Въ тѣ дни, когда я бывалъ у нихъ съ поручикомъ М., мать никогда не выходила къ гостямъ; старшій сынъ (путейскій офицеръ) показывался крайне рѣдко; отецъ-старикъ появлялся лишь на короткое время; другихъ гостей, кромѣ насъ двоихъ, никогда не было; поэтому нашу вечернюю компанію, подъ предводительствомъ моей молоденькой, двадцатилѣтней благодѣтельницы Ольги Александровны, составляли только два ея брата (инженеръ, введшій меня въ домъ, и младшій братъ, студентъ университета) да мы двое.

На предсѣдательство въ мужскомъ обществѣ давало ей право званіе замужней женщины — она была вдова, потерявшая мужа черезъ полгода послѣ свадьбы — и еще болѣе то обстоятельство, что, несмотря на юность, она была по развитію, да пожалуй и по уму, много выше своихъ собесѣдниковъ. Описывать ея внѣшность я не буду; достаточно будетъ сказать, что она не была, какъ полька Мицкевича, бѣла какъ сметана и какъ роза румяна; не была и весела, какъ котенокъ у печки, но принадлежала несомнѣнно къ породѣ кошечекъ съ подвижнымъ, гибкимъ станомъ, и очи ея очень часто свѣтились дѣйствительно какъ двѣ свѣчки, потому что была вообще изъ породы экзальтированныхъ. Всего же милѣе въ ней была добрая улыбка, которою нерѣдко кончались ея горячія выходки, когда она *сама* чувствовала, что доходила въ своихъ увлеченіяхъ до парадоксовъ.

Училась Ольга Александровна дома и учителями ея были исключительно мужчины (вѣроятно, кто-нибудь изъ костромскихъ поляковъ); отсюда ея вкусъ къ серьезному чтенію и серьезное отношеніе къ жизненнымъ вопросамъ, съ нѣкоторою примѣсью озлобленности, естественно, впрочемъ, вытекавшей изъ общихъ условій тогдашняго существованія и претерпѣнныхъ ею личныхъ испытаній. Конькомъ О. А. были сѣтованія на долю женщинъ. Въ то время только что появилась въ кіевской продажѣ книга Легувэ («La femme»); она много носилась съ нею, давала ее даже намъ на прочтеніе и никакъ не хотѣла помириться на проповѣдывавшейся тамъ высокой роли женщины въ семьѣ и школѣ. Женщину она считала, не то шутя, не то серьезно, вѣнцомъ созданія и видѣла въ ея подчиненности мужчинѣ великую несправедливость. Путь, которымъ пошла впослѣдствіи русская женщина, чтобы стать на самостоятельную ногу, былъ тогда еще закрытъ; подчиненное положеніе женщины она

признавала съ болью въ сердцѣ безвыходнымъ и ожидала въ будущемъ, въ общемъ прогрессѣ просвѣщенія, лишь смягченія ея участи. Понятно, что при такихъ задаткахъ образованность въ мужчинѣ и умственный трудъ имѣли въ ея глазахъ большую цѣнность. Не въ обиду намъ военнымъ, она ставила университетское образованіе очень высоко и считала Московскій университетъ стоящимъ впереди всѣхъ прочихъ—имя Грановскаго услышалъ я впервые отъ нея. Какъ любезная хозяйка, нашей профессіи она не касалась, но едва ли сочувствовала ей — времена были тогда для Россіи мирныя, защищать отечество намъ не предстояло, и формула «готовь войну, если хочешь мира» не была еще въ такомъ ходу, какъ нынѣ. Мысли ея шли въ сторону служенія ближнему, и въ этомъ смыслѣ она относилась очень сочувственно къ профессіи медика.

Я нарочно выписалъ эти немногіе отрывки изъ вечернихъ бесѣдъ на Подолѣ, потому что именно они запали мнѣ глубоко въ душу. Возможно, что приведенные взгляды О. А. не возымѣли бы на меня большаго дѣйствія, если бы высказывались докторально, съ цѣлью поученія. Но она не имѣла замашекъ ученой женщины, держала себя на равной ногѣ съ нами и высказывала свои взгляды случайно, вскользь, среди обычныхъ общихъ разговоровъ и споровъ, сохраняя лишь неизмѣнно обликъ живой, увлекающейся, умной и образованной женщины. Нужно ли говорить, что поученія ея, сверхъ ихъ дѣйствительной цѣнности, запали мнѣ глубоко въ душу еще потому, что я въ нее влюбился. Подъ ея вліяніемъ я сталъ читать, познакомился съ ея любимицей Жоржъ-Сандъ, прочелъ съ большимъ увлеченіемъ «Фауста» Гёте, восхищался «Вильгельмомъ Теллемъ» Шиллера и даже купилъ полное собраніе сочиненій Лессинга. О корифеяхъ французской литературы я имѣлъ все-таки нѣкоторое понятіе, но изъ нѣмецкой литературы зналъ только имена писателей, а англійскаго языка не зналъ тогда вовсе.

Любовь свою я скрывалъ столь тщательно, что за все время знакомства не встрѣтилъ ни на чьемъ лицѣ изъ присутствовавшихъ ни единой подозрительной улыбки. Вѣрнѣе, впрочемъ, то, что всѣмъ вечернимъ собесѣдникамъ — ей, ея брату и М.—моя тайна была извѣстна; но они смотрѣли на меня справедливо, какъ на мальчика (мнѣ шелъ во время этого знакомства 20-й годъ), который умѣлъ держать себя прилично и которому первая юношеская любовь полезна. Это я заключаю изъ того, что О. А. была всегда очень ласкова со мной, а между тѣмъ въ ея женихѣ М. не было никакихъ проявленій ревности: вплоть до ея отъѣзда изъ Кіева мы продолжали ѣздить съ нимъ ежедневно на Подолъ, туда и назадъ.

вмѣстѣ. Не знаю, смогъ ли бы я выдержать характеръ, если бы зналъ, что ѣзжу съ женихомъ; но это было отъ меня скрыто, и я не догадался даже тогда, когда вслѣдъ за отъѣздомъ О. А. узналъ, что М. уѣхалъ изъ Кіева въ 4-мѣсячный отпускъ. Уѣзжала она, по ея словамъ, ненадолго, и, прощаясь съ нею въ Броварахъ, на первой станціи отъ Кіева (куда я ѣздилъ провожать ее съ обоими ея братьями), я думалъ, что поскучать придется недолго.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ я очевидно жилъ ожиданіями ея возвращенія, потому что ничего не предпринималъ, несмотря на то, что въ головѣ давно уже бродила мысль покинуть военную службу. Время подходило къ Рождеству. Сижу я разъ за картами съ своими товарищами по юнкерской школѣ и слышу вдругъ восклицаніе кого-то изъ нихъ: «А знаете ли, г-жа (имя рекъ) вышла замужъ за М. и на-дняхъ они будутъ здѣсь!» Тутъ я смутился и выдалъ себя какимъ-то несообразнымъ ходомъ; но меня пощадили, словно не замѣтили, и игра продолжалась безъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему. Черезъ нѣсколько дней молодые дѣйствительно пріѣхали, и я былъ у нихъ съ поздравительнымъ визитомъ. О. А. показалась мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ — любезной хозяйкой безъ прежней простоты и даже иной по внѣшности, въ новой прическѣ, шелковомъ платьѣ и за серебрянымъ самоваромъ. Всѣ эти внѣшнія перемѣны были, конечно, естественны въ ея новомъ положеніи; и хозяйка, зная мое прошлое, конечно, не могла держать себя такъ же свободно, какъ прежде, — она даже отвѣтила на мое поздравленіе нѣсколько сконфуженно. Но меня грызла видно ревность, пріемъ показался мнѣ параднымъ, натянутымъ, и я уѣхалъ съ рѣшеніемъ быть у нихъ только еще разъ на прощанье.

Вслѣдъ за этимъ я подалъ въ отставку.

По справкамъ оказалось, что я могъ взять увольнительное свидѣтельство до полученія указа объ отставкѣ; въ Кіевѣ оставаться мнѣ не хотѣлось, но денегъ въ карманѣ у меня было очень мало и просить ихъ изъ дома я не считалъ себя въ правѣ, такъ какъ покидалъ службу безъ всякихъ переговоровъ съ матерью. Къ счастью одинъ изъ моихъ товарищей, Владыкинъ, былъ человѣкъ состоятельный и, уѣзжая въ эти дни домой въ отпускъ, обѣщалъ мнѣ дать взаймы двѣсти руб., выслать мнѣ ихъ изъ своей деревни. Къ еще большему счастью нашъ бригадный адъютантъ Тецнеръ, узнавъ обо всемъ этомъ, предложилъ мнѣ деньги тотчасъ. Онъ самъ собирался тогда покинуть военную службу и сочувственно относился къ моей отставкѣ. Съ деньгами въ карманѣ я получилъ возможность скинуть военную форму и пріѣхалъ прощаться съ О. А. уже въ штат-

скомъ платьѣ. Въ этотъ разъ пріемъ былъ дружескій, меня искренно поздравили съ тѣмъ, что я оставляю мало обѣщавшую службу, сочувственно отнеслись къ намѣренію учиться и пожелали мнѣ всякихъ успѣховъ.

Такъ кончился кіевскій эпизодъ моей жизни.

Выше я назвалъ Ольгу Александровну моей благодѣтельницей, и не даромъ. Въ домъ ея я вошелъ юношей, плывшимъ до того инертно по руслу, въ которое меня бросила судьба, безъ яснаго сознанія, куда оно можетъ привести меня, а изъ ея дома я вышелъ съ готовымъ жизненнымъ планомъ, зная, куда идти и что дѣлать. Кто, какъ не она, вывелъ меня изъ положенія, которое могло сдѣлаться для меня мертвой петлей, указавъ возможность выхода. Чему, какъ не ея внушеніямъ, я обязанъ тѣмъ, что пошелъ въ университетъ—и именно тотъ, который она считала передовымъ!—чтобы учиться медицинѣ и помогать ближнему. Возможно наконецъ, что нѣкоторая доля ея вліянія сказалась въ моемъ позднѣйшемъ служеніи интересамъ женщинъ, пробивавшихся на самостоятельную дорогу.

Встрѣтился я съ ней на нѣсколько часовъ черезъ четырнадцать лѣтъ (1864), когда уже былъ профессоромъ въ медицинской академіи. Она пріѣзжала съ безнадежно больнымъ мужемъ посовѣтоваться съ петербургскими докторами и именно съ С. П. Боткинымъ. Встрѣча была, конечно, дружественная, но высказать ей настоящимъ образомъ благодарность за все, чѣмъ я былъ ей обязанъ, не удалось—вспоминать истинную причину ея вліянія на мою судьбу въ присутствіи мужа было неловко.

Въ началѣ февраля 1850 года мы съ моимъ милымъ слугой Ѳеофаномъ Васильевичемъ отправились изъ Кіева въ наше родное гнѣздо, с. Теплый Станъ. По дорогѣ туда завернулъ въ Чембарскій уѣздъ, Пензенской губ. и погостилъ недѣли двѣ у Владыкина, какъ было условлено между нами при его отъѣздѣ изъ Кіева. Здѣсь милый Владыкинъ, зная, что мнѣ предстоитъ во время ученья жить на небольшія средства изъ дома, уговорилъ меня выплачивать ему долгъ маленькими порціями, и долгъ былъ выплаченъ въ три года.

Мать встрѣтила отставного прапорщика со слезами, но безъ единаго слова упрека. Она, по ея словамъ, всегда желала, чтобы кто-нибудь изъ сыновей пошелъ по «ученой части», и, зная изъ моихъ писемъ, что я оставляю службу, съ тѣмъ чтобы идти въ университетъ учиться, мирилась съ моей отставкой. Сосѣди смотрѣли на этотъ поступокъ иначе. Старикъ Филатовъ въ поученіе

мнѣ разсказалъ о своей неудачѣ на медицинскомъ факультетѣ и закончилъ разсказъ, какъ теперь помню, слѣдующимъ двустишіемъ:

Профессоровъ и лѣкарей
Душа моя ненавидитъ, какъ лютыхъ звѣрей.

Другой сосѣдъ, А. П. П., говорилъ прямѣе: «Чего, кума, смотрѣть на молодчика; пусти его, коли не любитъ военную службу, по гражданской; нашъ симбирскій губернаторъ возьметъ его, можетъ быть, чиновникомъ особыхъ порученій, благо онъ у тебя боекъ, не глупъ и знаетъ языки». Къ довершенію всего младшій сынъ Филатова, Николай, учившійся вмѣстѣ со мной въ инженерномъ училищѣ, кончилъ курсъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ съ отличіемъ, поступилъ въ гвардейскіе саперы, женился въ Петербургѣ на дочери «важнаго штатскаго генерала» и имѣлъ пріѣхать въ это самое лѣто съ молодой женой въ тотъ же Теплый Станъ. Какъ было не болѣть сердцу бѣдной матери! Но вначалѣ она сумѣла скрыть отъ меня свое огорченіе, а потомъ, вѣроятно, повѣрила моему намѣренію учиться серьезно и успокоилась. Вскорѣ мы сдѣлались такими друзьями, что она стала повѣрять мнѣ такія интимныя стороны своей прошлой жизни, которыми ей нельзя было дѣлиться съ дочерьми. Едва ли кто изъ другихъ дѣтей, кромѣ меня, слышалъ ея печальную повѣсть. Во мнѣ же она имѣла столь участливаго слушателя, что почти съ испугомъ закончила одно изъ своихъ повѣствованій словами: «Не осуждай (имя), времена тогда такія были». Нужно ли говорить, что другого друга я нашелъ въ моей милой Настенькѣ. У этой и помысла не было корить меня за отставку; она жалѣла только о томъ, что ей не довелось видѣть своего воспитанника въ сіяніи офицерскаго мундира. Попеняла она мнѣ только одинъ разъ, да и то въ шутку, съ усмѣшкой, описывая, какъ по пріѣздѣ Николая Филатова всѣ дворовые ходили къ молодымъ на поклонъ и прикладывались къ ихъ ручкамъ—оба они въ креслахъ, онъ въ сіяніи гвардейскаго мундира, а она въ парадномъ платьѣ. Старшую сестру я засталъ попрежнему скучающей за пяльцами и сошелся съ ней лишь много позднѣе въ Петербургѣ; Варенька превратилась въ стройную, веселую и насмѣшливую барышню, а младшая, Серафима, начинала уже превращаться въ чудачку, какой сдѣлалась впослѣдствіи. За время моего отсутствія она была рьяной танцоркой и успѣла бы сдѣлаться лихой наѣздницей, но сильно испугалась лопнувшей на скаку подпруги и превратилась въ трусиху. Въ это время у насъ въ домѣ жили двѣ безпріютныхъ, по смерти ихъ брата священника, молоденькихъ поповны (мать взяла ихъ на попеченіе изъ любви къ ихъ брату), а я за-

сталъ Серафиму Михайловну потѣшающейся обученіемъ ихъ свѣтскимъ манерамъ и танцамъ. Спали онѣ три въ верхнемъ этажѣ, въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ, надъ спальней матери, и случалось нерѣдко, что обученіе танцамъ происходило среди глубокой ночи. С. просила прощенья у матери, если танцы не давали ей спать, но скоро забывала и снова принималась за ночныя увеселенія. Страстно любила всѣхъ вообще животныхъ, преимущественно собакъ, и воспитывала въ этомъ году волченка [1]). Попади она съ дѣтства въ хорошія руки, изъ нея могло бы выйти что-нибудь путное.

Безъ указа объ отставкѣ ѣхать въ Москву было нельзя, а указъ не приходилъ до начала октября. Помню какъ теперь, что желанная бумага попала мнѣ въ руки въ то время, какъ я читалъ въ послѣдней полученной книжкѣ «Современника» письмо Анненкова изъ провинціи, гдѣ описывалась Барышевская слобода. Помню также, что дня за три до отъѣзда сталъ падать снѣгъ, установился санный путь и я съ моимъ неизмѣннымъ слугой доѣхалъ до Москвы въ саняхъ. На городской заставѣ нужно было предъявлять паспортъ. Его вынесъ изъ караулки старый чиновникъ и, подавая мнѣ бумагу, покачалъ головой со словами: «Эхъ, господинъ прапорщикъ, послужили безъ году недѣлю да въ столицу прожигать родительскія денежки».

---

[1]) Когда волченокъ подросъ, его отдали помѣщику Андреевскому, который держалъ его на цѣпи на псарнѣ. Болѣе чѣмъ черезъ годъ времени нашимъ случилось проѣзжать черезъ село, гдѣ содержался волченокъ. Серафима пожелала его видѣть, отправилась на псарню и какъ только обратилась къ заключенному съ привычнымъ окликомъ „волчуша“, волкъ съ радостью бросился къ ней.

Въ Московскомъ университетѣ.

(1850—1856 г.)

Остановились мы на какомъ-то подворьѣ, недалеко отъ Охотнаго ряда, и почти сейчасъ же отправились вдвоемъ отыскивать квартиру поблизости къ университету. На Моховой, почти противъ университета, отдавалась въ надворномъ флигелѣ комната у торговца яблоками; но она оказалась неподходящей—пришлось бы и господину и слугѣ жить въ одной комнатѣ. Пошли по Никитской и нашли квартиру въ Хлыновскомъ тупикѣ, въ церковномъ домѣ Николы Хлынова, у понамаря этой церкви. Квартира была въ первомъ этажѣ и состояла изъ двухъ комнатъ: полутемной прихожей и кухни вмѣстѣ и комнаты въ два окна, съ окнами въ переулокъ. Послѣдняя комната была раздѣлена сплошной перегородкой и въ одной половинѣ ея поселился я, а Өеофанъ Васильевичъ въ той части первой комнаты, которая служила прихожей. Онъ былъ башмачникъ по ремеслу, но до пріѣзда въ Москву не занимался своимъ искусствомъ—въ Кіевѣ онъ наживалъ деньги набивкой папиросъ для офицеровъ. Здѣсь же, вскорѣ послѣ нашего прибытія, въ его комнатѣ завелись всѣ принадлежности башмачнаго искусства, и онъ засѣлъ за башмаки для церковныхъ дамъ Николы Хлынова. Шилъ онъ очевидно очень дешево и крѣпко и сумѣлъ вѣроятно услужить хозяевамъ чѣмъ-нибудь другимъ, потому что хозяйка взялась варить намъ нашъ немудрый обѣдъ изъ нашего матеріала безплатно. Для меня это было очень важно, потому что въ этомъ и слѣдующемъ году приходилось очень экономить—изъ 300 р., получавшихся отъ матери, нужно было вносить въ университетъ 50 р., уплачивать часть долга Владыкину и покупать книги (помню съ достовѣрностью, что въ первый же годъ у меня были анатомическій атласъ Бока и зоологическій Бурмейстера). Не знаю, какъ ухитрялся Өеофанъ Васильевичъ—забота о прокормленіи лежала на немъ,—но ѣда намъ

обоимъ въ теченіе мѣсяца обходилась рѣдко дороже пяти рублей [1]). Возможно, что онъ питался на свои деньги или даже прикладывалъ ихъ къ моей пищѣ, потому что отношенія между нами были пріятельскія и онъ любилъ меня. Весь этотъ годъ я находился въ сильно повышенномъ настроеніи, ходилъ только на лекціи въ университетъ, а дома сидѣлъ за книгами до поздняго вечера. Единственное окно моей полукомнаты выходило въ переулокъ и было настолько низко отъ земли, что ребята повадились заглядывать ко мнѣ съ улицы въ окно. Это побудило меня завѣсить нижнюю часть окна занавѣской, и она не снималась вплоть до переѣзда на другую квартиру. Помню, что эта неважная обстановка нисколько не тяготила меня—былъ постоянно занятъ, сытъ, и комната была теплая. Куда хуже живутъ и теперь многіе студенты.

Не помню, какимъ образомъ я узналъ, что въ Москвѣ живетъ одна изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, пожилая вдова Анна Дмитріевна Тухачевская (дочь Дмитрія Алексѣевича Сѣченова), и кто ввелъ меня къ ней; но знаю, что я ходилъ къ ней уже въ этомъ году по воскресеньямъ, всегда заставалъ тамъ пожилого господина Звѣрева съ немолодой уже дочерью и вечера всегда проводилъ за безденежнымъ преферансомъ. О другомъ, очень важномъ для меня знакомствѣ скажу ниже.

Когда я пришелъ въ канцелярію университета съ вопросомъ, что дѣлать, чтобы меня приняли студентомъ на медицинскій факультетъ (въ октябрѣ!), мнѣ конечно отвѣтили, что теперь, подавъ просьбу ректору, я могу записаться лишь вольнымъ слушателемъ, а въ студенты могу быть зачисленъ лишь въ будущемъ году, по выдержаніи вступительнаго экзамена. Нечего дѣлать, поступилъ вольнымъ слушателемъ съ мыслью посѣщать лекціи 1-го курса и готовиться исподволь къ вступительному экзамену. Анатомію читалъ тогда профессоръ Севрукъ ежедневно съ 8—10 час. утра; поэтому первая лекція, на которую я пришелъ, была его. Прихожу и слышу къ немалому моему огорченію, что онъ читаетъ по латыни. Меня это конечно озадачило, потому что въ памяти изъ дѣтскихъ лѣтъ осталось только умѣнье читать по латыни, склоненіе такихъ простыхъ вещей, какъ mensa, да развѣ нѣсколько временъ изъ глаголовъ. Вскорѣ однако опасенія разсѣялись, когда я пріобрѣлъ учеб-

1) Обѣдъ мой, впрочемъ, соотвѣтствовалъ такому расходу: два раза въ недѣлю щи съ кускомъ говядины, въ прочіе дни: шесть яицъ всмятку, колбаса, гречневая каша съ молокомъ, картофель съ квасомъ и огурцами. Чай я пилъ только разъ въ двѣ недѣли послѣ бани, а утромъ съѣдалъ калачъ изъ муки второго сорта въ $1^1/_2$ коп. Изрѣдка лакомился яблокомъ боровинкой; и вкусъ къ этому яблоку сохранился у меня доселѣ.

никъ анатоміи и атласъ; особенно же, когда дѣло дошло на лекціяхъ до міологіи, потому что здѣсь все дѣло сводилось на описаніе начала и конца мышцъ въ слѣдующей, неизмѣнно повторявшейся формѣ: такая-то мышца (имя рекъ) incipitur ab... (какой-нибудь выступъ на кости), adseritur... (выступъ на другой кости).

Какъ бы то ни было, но пришлось подумать объ изученіи латинскаго языка, а въ какой степени нужно было изучить его для вступительнаго экзамена и для дальнѣйшихъ университетскихъ лекцій, я не зналъ. Выручило меня изъ этого затрудненія знакомство со студентомъ филологомъ Дм. Визаромъ, научившимъ меня какъ приняться за дѣло. Онъ былъ въ одно изъ предшествующихъ лѣтъ въ нашихъ краяхъ на кондиціи въ семействѣ, знакомомъ моимъ домашнимъ, и я узналъ о его существованіи дома, передъ отъѣздомъ въ Москву, встрѣтился съ нимъ у другого студента, юриста Самойлова, родственника тѣхъ, гдѣ онъ училъ. Оба они приняли, конечно, участіе въ желавшемъ учиться отставномъ инженерѣ, и я сталъ бывать у нихъ. Отецъ Дмитрія Визара, старикъ французъ, былъ учителемъ французскаго языка въ институтѣ при воспитательномъ домѣ, имѣлъ казенную квартиру и жилъ съ двумя старшими сыновьями и двумя дочерьми, а мать держала маленькій пансіонъ около Донского монастыря и жила въ тѣхъ краяхъ съ младшимъ сыномъ. Съ этой семьей я прожилъ въ величайшей дружбѣ всѣ шесть лѣтъ моего пребыванія въ Москвѣ и обязанъ ей оченъ многимъ. Въ ихъ домѣ довершилось, можно сказать, мое воспитаніе, начатое въ Кіевѣ Ольгой Александровной. Чтобы понять это, достаточно будетъ сказать, что въ семьѣ царствовало поклоненіе Грановскому—одно время Дм. Визаръ былъ даже его домашнимъ секретаремъ, а старшая изъ сестеръ жила нѣкоторое время въ семействѣ Фролова (переводчика «Космоса» Гумбольдта), близкаго друга Грановскаго.

Главой дома былъ старшій братъ, добрѣйшій, благороднѣйшій Владиміръ Яковлевичъ—по смерти отца у него остались на рукахъ сестры, молоденькія дѣвушки, приготовлявшіяся дома къ экзамену на званіе домашней учительницы. Я засталъ его уже чиновникомъ, служившимъ, по окончаніи университета, въ опекунскомъ совѣтѣ, но безъ малѣйшаго чиновническаго отпечатка. Живой, бодрый, неизмѣнно веселый, онъ, какъ истинный глава семейства, былъ примѣрнымъ для насъ скромникомъ во всѣхъ отношеніяхъ; очень любезенъ съ дамами, но по-братски, безъ малѣйшаго намека на ухаживанье; жилъ очевидно для семьи, потому что внѣ дома ходилъ къ одному лишь старому пріятелю, и настолько заботился о своихъ сестрахъ, что одна пріятельница ихъ семьи называла его не иначе,

какъ мамаша. У себя дома, въ кругу пріятелей, онъ дѣйствительно походилъ на милую, добрую, веселую хозяйку. Единственной его мужской страстью была охота съ ружьемъ.

Дмитрій Визаръ былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Въ сущности такой же добрый, какъ братъ, но безъ его дѣвической чистоты и мягкости, онъ принадлежалъ къ тому типу нервныхъ, неуравновѣшенныхъ людей, которые способны впадать въ крайности—отъ мрака переходить къ порывамъ веселья, отъ серьезнаго дѣла къ кутежу. Будучи слушателемъ на филологическомъ факультетѣ, составлявшемъ тогда красу и гордость Московскаго университета, онъ учился съ увлеченіемъ, зачитывался книгами [1]) и готовилъ себя къ ученой карьерѣ. Когда бывалъ въ духѣ, отличался большимъ остроуміемъ, охотно дѣлился впечатлѣніями, выносимыми изъ книгъ и съ лекцій,—былъ, такъ сказать, соединительнымъ звеномъ между университетомъ и своей семьей, внося въ нее вѣянія университетской жизни. А университетъ игралъ тогда въ Москвѣ очень видную просвѣтительную роль, и Москва его любила—не то, что нынѣ, когда университетъ стараются оградить отъ общества китайской стѣной чиновничьихъ регламентовъ.

Музыка была представлена въ этомъ домѣ учительницей старшей сестры [2]) г-жей Протопоповой, очень хорошей музыкантшей, вышедшей впослѣдствіи замужъ за А. П. Бородина, химика и автора «Игоря». Наконецъ, литература была представлена вхожимъ въ домъ Аполлономъ Григорьевымъ.

Легко понять, что знакомство съ такой семьей было для меня большимъ счастьемъ, особенно если принять во вниманіе, что медицина тогдашняго времени, какъ наука, содержала въ себѣ очень мало культурнаго.

Лѣто 1851 г. я прожилъ въ Хлыновскомъ тупикѣ, готовясь къ вступительному экзамену. Въ латыни преуспѣлъ настолько, что, прочитавъ почти всѣ «Метаморфозы» Овидія, обращался къ Визару за помощью лишь изрѣдка. По исторіи готовился по учебнику Лоренца, который былъ данъ мнѣ кѣмъ-то на столь короткій срокъ, что я долженъ былъ дѣлать изъ него выписки. Занятія эти отняли

[1]) По окончаніи университета онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и сталъ готовиться къ диссертаціи. Здѣсь страсть къ чтенію его погубила: онъ зачитался до такой степени, что не смогъ написать диссертацію—начиналъ нѣсколько разъ и нѣсколько же разъ истреблялъ написанное. Сталъ нелюдимъ, никуда не показывался и въ концѣ-концовъ покончилъ съ собою.

[2]) Леонида Яковлевна, тогда молоденькая красивая дѣвушка, большая моя пріятельница, вышедшая потомъ замужъ за моего товарища Владыкина, изучавшая потомъ въ Бернѣ медицину, вернувшаяся оттуда докторомъ и занимавшаяся медицинской практикой въ Москвѣ.

вообще столько времени, что я уже давно свыкся съ мыслью поступить, по выдержаніи экзамена, на 1-ый курсъ.

Изъ маленькихъ эпизодовъ на экзаменѣ помню слѣдующіе. По исторіи экзаменовалъ Грановскій; отвѣчалъ я, должно быть, неважно: экзаминаторъ все время молчалъ и поставилъ мнѣ 4. По русскому языку требовалось написать сочиненіе на тему «Любовь къ родителямъ». Я написалъ о значеніи матери для Шиллера и Гёте. Экзаминаторомъ былъ Буслаевъ. Прочитавъ мое сочиненіе, онъ спросилъ, читалъ ли я Гёте и Шиллера, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, поставилъ мнѣ 5. Изъ математики экзаменовалъ проф. Зерновъ (отецъ теперешняго анатома). Помню, что я вытянулъ билетъ о подобіи треугольниковъ. Въ эту минуту подлѣ Зернова сидѣлъ тогдашній деканъ медицинскаго факультета Анке, который имѣлъ неосторожность замѣтить: «Чтó экзаменовать г. Сѣченова, вѣдь онъ инженеръ». На это Зерновъ осерчалъ: «Если хотите, я экзаменовать не буду». Анке, конечно, поспѣшилъ исправить ошибку, и условія подобія треугольниковъ были изложены удовлетворительно. Изъ латыни заставили перевести нѣсколько строчекъ изъ Саллюстія.

По окончаніи экзамена мы съ Ѳеофаномъ Васильевичемъ перебрались на новую квартиру на Патріаршемъ прудѣ въ домѣ съ мезаниномъ, выходившемъ переднимъ фасадомъ на прудъ (по выходѣ изъ Малой Бронной сейчасъ налѣво, второй домъ). Квартира наша состояла изъ двухъ комнатъ и передней, моя выходила окномъ на прудъ. Когда, послѣ года жизни въ полутемной комнатѣ, успокоенный отъ экзаменаціонныхъ тревогъ, я открылъ впервые это окно, Патріаршій прудъ показался мнѣ, я думаю, краше видѣнныхъ мною впослѣдствіи швейцарскихъ и итальянскихъ пейзажей. Помню, что окно это долго служило для меня источникомъ наслажденій, и благодаря этому въ памяти сохранилось нѣсколько лицъ, гулявшихъ ежедневно по аллеямъ вокругъ пруда. Помню, напр., сосѣда по дому, г. Кутузова, человѣка среднихъ лѣтъ, съ военной выправкой, гулявшаго всегда съ хлыстомъ въ сопровожденіи бульдога, «Гришки» по имени; помню цыганокъ, гулявшихъ въ яркихъ нарядахъ, и между ними одну прямо-таки красавицу. Къ женскому полу я былъ тогда равнодушенъ—голова была сильно занята другими вещами, да въ сущности я все хранилъ въ душѣ кіевскія воспоминанія. Поблекли они лишь черезъ два года по выѣздѣ изъ Кіева, когда я уже былъ на 2-мъ курсѣ.

Очень оригинальна была моя третья квартира въ одномъ изъ переулковъ, выходящихъ на Б. Никитскую. Хозяинъ ея былъ лежавшій въ параличѣ князь Голицынъ. Изъ своей маленькой квар-

тиры онъ отдавалъ одну комнату (въ которой жилъ я) и кухню (въ которой жилъ мой слуга). Князь былъ въ такомъ стѣснительномъ положеніи, что въ лавкѣ, откуда бралась провизія для его стола, ему уже ничего не давали, и онъ питался исключительно чаемъ, такъ какъ булочная еще не закрыла для него своихъ дверей. Плата за квартиру была, конечно, помѣсячная и впередъ. Тѣмъ не менѣе вскорѣ послѣ того, какъ я поселился у него и заплатилъ должное впередъ, получаю отъ него записку на французскомъ языкѣ, гдѣ съ большими извиненіями бѣдный князь проситъ дать ему въ счетъ будущаго пять руб. Желаніе его было исполнено, и я узналъ въ этотъ же или на другой день, что онъ посылалъ въ англійскій клубъ за варенцомъ. Стряпала намъ жившая при князѣ прислугой женщина, наподобіе того какъ стряпала хлыновская понамариха, и была по всѣмъ видимостямъ довольна—все же перепадали ей время отъ времени, вмѣсто неизмѣннаго чая съ хлѣбомъ, кусокъ говядины, молоко, яйца и картофель.

Въ теченіе этого года была выплачена послѣдняя часть долга Владыкину, и съ переходомъ на 3-й курсъ я сталъ богатымъ человѣкомъ, благодаря укоренившейся привычкѣ жить экономно.

Теперь разскажу, какъ насъ учили на первыхъ двухъ курсахъ. Кромѣ анатоміи и богословія, на 1-мъ курсѣ преподавались однѣ естественныя науки: физика, химія, ботаника, зоологія и минералогія.

Профессоръ анатоміи Севрукъ былъ анатомомъ стараго закала. Читая по латыни, онъ не могъ, конечно, вдаваться въ разсужденія; гистологію (тогда отдѣльной каѳедры гистологіи еще не существовало) не только оставлялъ въ сторонѣ, но даже относился къ ней скептически (это мы слышали не разъ на его лекціяхъ); поэтому онъ неизмѣнно оставался въ сферѣ точнаго описанія макро-анатомическихъ подробностей человѣческаго тѣла. Въ этихъ предѣлахъ онъ былъ хорошимъ преподавателемъ и—что очень важно—прочитывалъ въ теченіе года всѣ отдѣлы анатоміи съ одинаковой подробностью (не такъ, какъ это дѣлается теперь); потому-то къ слѣдующему году его слушатели были уже приготовлены къ занятіямъ анатомической практикой по всѣмъ отдѣламъ анатоміи.

Прослушавъ два года курсъ анатоміи, я настолько ознакомился съ предметомъ, что возымѣлъ мысль раздобыть денегъ переводомъ учебника Гиртля, и лѣтомъ 1852 г. въ Тепломъ Станѣ перевелъ нѣсколько листовъ этой книги. По возвращеніи въ Москву обратился къ проф. Севруку съ вопросомъ, могу ли я надѣяться на изданіе книги, если онъ приметъ переводъ подъ свое покровительство; но профессоръ покровительствовать отказался, говоря, что читаетъ по Боку.

Богословіе читалъ очень важный съ виду священникъ университетской церкви, протоіерей Терновскій, считавшійся ученымъ богословомъ,—онъ написалъ учебникъ, въ которомъ богословскіе тезисы, выводимые изъ священнаго писанія, подкрѣплялись доводами разума. На лекціяхъ онъ зорко слѣдилъ за благочиніемъ своей многочисленной аудиторіи,—его слушали первокурсники всѣхъ факультетовъ разомъ, и не даромъ. На одной изъ лекцій разсказывалъ намъ о грѣхопаденіи прародителей; и вдругъ среди общей тишины раздается «щелкъ». «Господинъ Малининъ (не будущій ли Малининъ и Буренинъ учебника физики?),—прерываетъ свою рѣчь протоіерей,—я разсказываю вамъ о событіи, столь пагубно отразившемся на судьбахъ человѣчества, а вы грызете орѣхи. Извольте идти вонъ». На экзаменъ изъ его предмета пріѣхалъ въ этомъ году (1852) митрополитъ Филаретъ. О его пріѣздѣ знали вѣроятно напередъ, потому что въ аудиторіи, гдѣ происходилъ экзаменъ, его прихода ждали нѣсколько постороннихъ лицъ и между ними историкъ С. М. Соловьевъ, чтобы подойти подъ благословеніе знаменитаго владыки. Пробылъ онъ недолго, и я видѣлъ только издали его маленькую сухощавую фигуру въ лиловой рясѣ съ бѣлымъ клобукомъ.

Физика (проф. Спасскій, авторъ «Климата Москвы») читалась очень элементарно (полный курсъ въ одинъ годъ) и съ очень малымъ количествомъ демонстрацій, потому что аудиторія не была приспособлена къ этому: въ большой залѣ (такъ называлась большая аудиторія во второмъ этажѣ съ параднаго входа), безъ амфитеатра для слушателей, стоялъ на большомъ возвышеніи небольшой столъ и больше ничего. Учились мы по учебнику Ленца.

Въ той же аудиторіи и за тѣмъ же столомъ возсѣдалъ добрѣйшій профессоръ ботаники Фишеръ ф.-Вальдгеймъ. Читалъ онъ невыразимо скучно, по какому-то древнему французскому учебнику (кажется, Ришара), и, въ противность протоіерею Терновскому, относился къ порядкамъ въ аудиторіи индиферентно. На лекціи къ нему ходило, вмѣсто ста человѣкъ слишкомъ, не болѣе десяти-пятнадцати; и за весь годъ мы слышали отъ него только разъ слѣдующее наставленіе: quidquid agas finem respice, ut bene agis, да еще стереотипную фразу: tres faciunt collegium (которую онъ произнесъ, впрочемъ, съ улыбкой, потирая по обыкновенію руки въ началѣ лекціи), когда разъ число слушателей сократилось до трехъ. Его добротой немилосердно злоупотребляли на экзаменѣ, отвѣчая не по вытянутымъ, а по собственнымъ билетамъ.

Зоологію преподавалъ намъ адъюнктъ Варнекъ. Читалъ онъ просто и толково, останавливаясь преимущественно на общихъ

признакахъ принятыхъ въ зоологіи отдѣловъ, и описанію одноклѣточныхъ предпослалъ длинный трактатъ о клѣткѣ вообще. Послѣднее ученіе падало однако на неподготовленную почву—Москва еще не думала тогда о микроскопѣ; поэтому между студентами Варнекъ не пользовался успѣхомъ, и въ насмѣшку они даже прозвали его клѣточкой [1]). Тогда восторги были обращены въ сторону проф. зоологіи Рулье, который любилъ философствовать на лекціяхъ и читалъ очень краснорѣчиво.

Минералогія читалась Щуровскимъ, безъ кристаллографіи и въ такомъ видѣ, что о его лекціяхъ ничего не осталось въ памяти.

Практическими занятіями въ анатомическомъ театрѣ завѣдывалъ добрѣйшій прозекторъ Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ (Севрукъ на эти занятія не заглядывалъ). Я и двое товарищей по курсу, Юнге и Эйнбродтъ, занимались у него не только по утрамъ, въ назначенные для всѣхъ часы, но и по вечерамъ, что допускалось. Вечеромъ вмѣстѣ съ нами работалъ и самъ Ив. Матв., приготовляя препаратъ къ слѣдующему дню на лекцію Севрука. Дѣлу своему онъ предавался съ большой любовью, отдѣлывалъ препараты съ величайшею тщательностью, стараясь придавать имъ красоту, съ каковою цѣлью отпрепаровывалъ налитые кровеносные сосуды до едва видимыхъ глазомъ вѣточекъ и смазывалъ мышцы кровью. Былъ вообще, какъ прозекторъ того времени, на мѣстѣ. По выслугѣ Севрука (уже послѣ моего выхода изъ университета) сдѣлался профессоромъ анатоміи и даже читалъ одинъ или два года физіологію (по выбытіи изъ университета проф. Глѣбова), но, прослуживъ двадцать пять лѣтъ, не былъ избранъ на пятилѣтіе и остался безъ дѣла. Въ этомъ положеніи онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ и, будучи безъ всякихъ связей, обратился къ Боткину и ко мнѣ (мы были тогда профессорами медицинской академіи) съ просьбой помочь ему въ пріисканіи мѣста. Къ своей просьбѣ бѣдный Иванъ Матвѣевичъ прибавлялъ: «привыкнувъ всю жизнь мою анатомировать, я полѣзъ на стѣну, когда остался безъ дѣла; отъ скуки началъ даже анатомировать жуковъ и таракановъ».

Кромѣ практическихъ занятій по анатоміи, намъ читали на второмъ курсѣ органическую химію, сравнительную анатомію, физіологію, фармакогнозію, общую патологію и терапію и, кажется, на этомъ же курсѣ, энциклопедію медицины.

Сравнительную анатомію и физіологію читалъ профессоръ Иванъ Тимоѳеевичъ Глѣбовъ (перешедшій, по выслугѣ лѣтъ, въ

[1]) Много позднѣе я узналъ, что Варнекъ и извѣстный ботаникъ Ценковскій были изъ числа первыхъ русскихъ біологовъ, работавшихъ въ тѣ времена съ микроскопомъ.

Петербургъ вице-президентомъ медицинской академіи), человѣкъ несомнѣнно очень умный и очень оригинальный лекторъ. Излюбленную имъ манеру излагать факты можно сравнить съ манерой судебнаго слѣдователя допрашивать обвиняемаго: именно, существенный вопросъ, о которомъ заходила рѣчь, онъ не высказывалъ прямо, а держалъ его въ умѣ и къ отвѣту на него подходилъ исподволь, иногда даже окольными путями. Какъ человѣкъ умный, свои постепенные подходцы онъ велъ съ виду такъ ловко, что они получали иногда характеръ нѣкотораго ехидства. Таковъ же онъ былъ и на экзаменѣ, вслѣдствіе чего студенты боялись его какъ огня—мнѣ даже случилось разъ видѣть на экзаменѣ одного изъ своихъ товарищей спрятавшимся подъ скамейку, чтобы не быть вызваннымъ послѣ погрома, претерпѣннаго его предшественникомъ по алфавиту [1]). Ехидная манера экзаменовать была намъ, конечно, не по сердцу; но соотвѣтственная манера читать лекціи не могла не нравиться, и лично для меня Иванъ Тимоѳеевичъ былъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ профессоровъ. Изъ сравнительной анатоміи намъ сообщались лишь отрывки (органы пищеваренія, кровообращенія, дыханія и локомоціи); но они сами по себѣ, какъ вся вообще сравнительная анатомія, настолько красивы и излагались настолько ясно, что на 2-мъ курсѣ я мечталъ въ будущемъ не о физіологіи, а о сравнительной анатоміи. Дѣло другое, если бы Ив. Тимоѳ. читалъ физіологію по существовавшему уже тогда знаменитому учебнику Іоганна Мюллера; но этого не было. Онъ, очевидно, придерживался французовъ. Это я заключаю изъ того, что въ его лекціяхъ и помина не было о томъ, что физіологія есть прикладная физико-химія, а также изъ того, что лягушка не являлась на демонстраціяхъ и ничего не говорилось объ электрическомъ раздраженіи нервовъ и мышцъ, хотя Германія давно уже была полна этихъ опытовъ (въ 1850 г. явилось знаменитое измѣреніе быстроты распространенія возбужденія по нерву великаго Гельмгольтца). Изъ его лекцій мы не узнали даже такого факта, какъ остановка сердца возбужденіемъ бродящаго нерва. Единственные опыты, которые остались у меня въ памяти: убитая на нашихъ глазахъ вдуваніемъ

---

[1]) Въ этомъ году много разговоровъ между студентами возбудилъ экзаменъ у Глѣбова на званіе доктора младшаго прозектора по анатоміи, Б. Вытянулъ онъ очень простой билетъ—о свертываніи крови, но, должно быть, сильно оробѣлъ, потому что, сказавъ: „если возьмемъ палочку“ (этими словами начинался въ запискахъ Глѣбова трактатъ о свертываніи крови), замолчалъ и не смогъ отвѣтить на послѣдовавшіе затѣмъ два вопроса профессора: что же будетъ, если взять палочку, и что будетъ, если не взять палочку. Не получивъ отвѣта на послѣдній вопросъ, профессоръ показалъ въ спискѣ рядомъ съ фамиліей единицу и сказалъ ему: „вотъ что будетъ“.

воздуха въ вены собака, демонстрація на ней млечныхъ сосудовъ и длинный рядъ голубей съ булавочными проколами головного мозга (проколы производились ассистентомъ Глѣбова, Орловскимъ), которые раздавались намъ, съ тѣмъ чтобы мы описывали произведенныя операціей нарушенія локомоціи и чувствительности.

Фармакогнозію читалъ проф. Лясковскій и, вѣроятно, скучалъ на этомъ мало занимательномъ для него предметѣ (онъ, какъ извѣстно, учился за границей, въ Гиссенѣ у Либиха, и занимался у него провѣркой протеинной теоріи Мульдера), потому что прочелъ намъ съ демонстраціями полный курсъ качественнаго анализа.

Органическую химію читалъ Говортовскій.

Въ область медицины вводилъ насъ профессоръ патологической анатоміи Алексѣй Ивановичъ Полунинъ, читавшій на 2-мъ курсѣ разъ въ недѣлю очень маленькій курсъ общей патологіи и терапіи. Въ тѣ времена еще не существовало ни экспериментальной патологіи, родившейся въ Германіи изъ успѣховъ физіологіи, ни ученія о заразныхъ болѣзняхъ, поэтому распространяться на этихъ лекціяхъ было едва ли возможно. Какъ ученикъ Рокитанскаго, Алексѣй Ивановичъ былъ приверженецъ гуморальной патологіи, и лекціи его заключались въ сущности въ перечисленіи установленныхъ вѣнской школой общихъ методовъ лѣченія; въ разсужденія онъ вообще не любилъ пускаться.

У студентовъ медиковъ Алекс. Ив. считался едва ли не самымъ ученымъ изъ медицинскихъ профессоровъ; издавалъ, кажется, медицинскую газету, бывалъ чуть ли не на всѣхъ диспутахъ (которые велись тогда на латинскомъ языкѣ) оппонентомъ и слылъ вообще крайне трудолюбивымъ работникомъ. О степени его учености судить я не берусь; но не могу не замѣтить, что ему, какъ профессору патологической анатоміи, слѣдовало бы знать въ 1855—56 г. (когда мы были на 5-мъ курсѣ) о Вирховѣ и его целлюлярной патологіи, а между тѣмъ мы не слышали о нихъ ни слова и ни разу не видѣли въ его рукахъ микроскопа. Что же касается до трудолюбія Алекс. Ив., то я имѣлъ случай слышать похвалу ему въ этомъ направленіи отъ его товарища по университету, профессора дѣтскихъ болѣзней Николаева. Сей послѣдній былъ домашнимъ врачомъ въ домѣ Данилы Даниловича Шумахера и, разсказывая тамъ о своемъ студенчествѣ, упомянулъ между прочимъ, что онъ и Ал. Ив. были не только однокурсники, но даже учились вмѣстѣ. По его словамъ, ученіе давалось Ал. Ив. вообще туго, но онъ все превозмогъ настойчивымъ трудомъ и терпѣніемъ. Такъ, въ родахъ механизмъ прорѣзыванія головки при выходѣ изъ таза не давался ему недѣли двѣ, но въ концѣ-концовъ онъ все-

таки преодолѣлъ. Я былъ свидѣтелемъ этого разсказа и удостовѣряю, что онъ былъ проникнутъ искреннимъ намѣреніемъ Николаева воздать хвалу своему товарищу.

Профессоръ Армфельдъ, читавшій намъ энциклопедію медицины, производилъ на своихъ лекціяхъ впечатлѣніе очень умнаго и образованнаго человѣка; держалъ себя джентльменомъ, говорилъ спокойно, ровнымъ голосомъ (даже нѣсколько монотонно) и такъ, что рѣчь его, будучи записана слово въ слово, могла бы быть, напечатана безъ поправокъ. Помню, что въ общемъ смыслъ его лекцій былъ таковъ: упомянувъ о добровольно принятой нами и предстоящей въ будущемъ святой обязанности служить больному человѣчеству, онъ обозрѣвалъ преподаваемый намъ кругъ наукъ, какъ средство достиженія цѣли, и обѣщалъ честно потрудившимся въ награду чувство исполненнаго долга, а отличившимся—счастье учиться за границей. Замѣчательно, что его лекцій по судебной медицинѣ я совсѣмъ не помню, знаю только, что, познакомивъ насъ съ формой судебно-медицинскаго свидѣтельства, онъ требовалъ отъ каждаго изъ насъ написать таковое на самимъ собою избранную тему; да и это немногое сохранилось у меня въ памяти благодаря лишь тому свидѣтельству, которое было написано мною и было, такъ сказать, моимъ первымъ писательскимъ опытомъ.

На 5-мъ курсѣ я жилъ въ Мясномъ переулкѣ, на Драчевкѣ, и насупротивъ оконъ моей комнаты, выходившихъ въ переулокъ, въ маленькомъ домикѣ съ мезониномъ часто видѣлъ у окна за работой миловидную дѣвушку, которая сидѣла къ окну всегда бокомъ и работала, не поднимая головы. По поводу того, что она сидѣла къ окну бокомъ и никогда не повертывалась лицомъ на улицу, у меня не разъ мелькала мысль, что, должно быть, есть какой-нибудь порокъ у нея въ той половинѣ лица, которая остается скрытой для зрителя съ улицы. Эта мысль послужила канвой для написаннаго свидѣтельства. Сидѣвшая противъ меня дѣвушка превратилась въ бѣдную швею съ очень красивой лѣвой половиной лица и большимъ родимымъ пятномъ на правой щекѣ; въ квартирѣ противъ ея окна поселился красивый предпріимчивый юноша, увлекшійся красивымъ профилемъ швеи, и началъ конечно подступы. Къ несчастію для дѣвушки, она сильно влюбилась въ этого юношу, любуясь имъ черезъ завѣшенное окно и слыша его медоточивыя рѣчи. Кончилось тѣмъ, что онъ все-таки увидѣлъ ея безобразную правую щеку и былъ настолько безсердеченъ, что при этомъ видѣ разсмѣялся и прекратилъ ухаживанья, а бѣдная дѣвушка сошла съ ума и сдѣлалась объектомъ судебно-медицинскаго изслѣдованія.

На первыхъ двухъ курсахъ я учился очень прилежно и велъ трезвую во всѣхъ отношеніяхъ жизнь; а съ переходомъ на 3-й курсъ свихнулся въ самомъ началѣ года въ сторону и отъ медицины, и отъ трезваго образа жизни.

Виной моей измѣны медицинѣ было то, что я не нашелъ въ ней, чего ожидалъ—вмѣсто теорій голый эмпиризмъ.

Первымъ толчкомъ къ этому послужили лекціи частной патологіи и терапіи профессора Николая Силыча Топорова, — лекціи по предмету, казавшемуся мнѣ самымъ главнымъ. Онъ рекомендовалъ намъ французскій учебникъ Гризолля и на своихъ лекціяхъ очень часто цитировалъ его словами «нашъ авторъ». Купивъ эту книгу, начинающуюся, сколько помню, описаніемъ горячечныхъ болѣзней, читаю... и изумляюсь—въ книгѣ нѣтъ ничего, кромѣ перечисленія причинъ заболѣванія, симптомовъ болѣзни, ея исходовъ и способовъ лѣченія; а о томъ, какъ изъ причины развивается болѣзнь, въ чемъ ея сущность и почему въ болѣзни помогаетъ то или другое лѣкарство, ни слова. Думаю: видно, Николай Силычъ и Гризолль устарѣли, пойду-ка я къ медицинской звѣздѣ, Алексѣю Ивановичу Полунину, и спрошу его, по какой книгѣ мнѣ учиться. Алексѣй Ивановичъ дѣйствительно не одобряетъ Гризолля и говоритъ мнѣ: «возьмите-съ сочиненіе Канштатта». Бѣгу къ единственному тогда нѣмецкому книгопродавцу Дейбнеру (кажется, на Б. Лубянкѣ) и узнаю тамъ, что сочиненіе Канштатта стоитъ нимного нимало 30 руб.—это для студента, живущаго на гроши! Нечего дѣлать, остался при Гризоллѣ, и благо мнѣ, потому что узналъ вскорѣ, что и у Канштатта не много по части интересовавшихъ меня вопросовъ. Нужно, впрочемъ, отдать справедливость лекціямъ Николая Силыча: для тѣхъ, кто не ожидалъ отъ него, какъ я, теоріи болѣзней, онѣ могли быть даже поучительны, потому что, будучи большимъ практикомъ [1]), онъ много говорилъ о видѣнныхъ имъ интересныхъ случаяхъ.

Понятно, что и на лекціяхъ фармакологіи и рецептуры, читавшихся на латинскомъ языкѣ нашимъ деканомъ, Николаемъ Богдановичемъ Анке, не было рѣчи о томъ, какъ дѣйствуютъ лѣкарства на организмъ — экспериментальная токсикологія только что начинала развиваться въ Германіи; въ самомъ счастливомъ случаѣ го-

---

[1]) Впослѣдствіи, когда мы съ Боткинымъ вспоминали наше студенчество, онъ всегда отзывался о Николаѣ Силычѣ какъ очень умномъ человѣкѣ и хорошемъ практикѣ. Нѣкоторую отсталость его онъ оправдывалъ словами якобы самого Николая Силыча: „Зачѣмъ намъ термометры да микроскопы, была бы смѣтка, мы и безъ нихъ нажили Топоровку“ (на Мал. Молчановкѣ были два дома Топорова, и эту улицу медики прозвали Топоровкой).

ворилось лишь о томъ, противъ какихъ симптомовъ болѣзни употребляется данное средство; обыкновенно же описаніе заканчивалось фразой: такое-то вещество *maxime laudatur* въ такихъ-то болѣзняхъ. Хорошо еще, что Николай Богдановичъ строго придерживался въ своихъ лекціяхъ рекомендованнаго имъ нѣмецкаго учебника Oesterlen'а. Пріобрѣтя таковой, какъ сдѣлалъ я, изученіе фармакологіи можно было отложить до весны слѣдующаго года, т.-е. до времени переходныхъ экзаменовъ. Но для тѣхъ изъ товарищей, которые уже мнили себя будущими практиками, лекціи фармакологіи были очень важны: они тщательно записывали диктовавшіеся рецепты и дозы; нѣкоторые же прямо-таки увлекались пріобрѣтеннымъ умѣньемъ писать рецепты съ подписью своего имени латинскими буквами [1]).

Третій предметъ на 3-мъ курсѣ читалъ проф. Басовъ (имени не помню), извѣстный нѣмцамъ тѣмъ, что первый въ Европѣ сдѣлалъ желудочную фистулу собакѣ (съ какой цѣлью, не знаю). Читалъ онъ по собственнымъ литографированнымъ запискамъ, гдѣ все относившееся къ болѣзни было разбито на пунктики подъ номерами. Случалось, что звонокъ, кончавшій лекцію, останавливалъ ее, напримѣръ, на 11-мъ пунктѣ перечисленія болѣзненныхъ симптомовъ. Тогда въ слѣдующую лекцію Басовъ, сѣвъ на кресло, почешетъ нижнюю губу, улыбнется и начинаетъ: 12-е, т.-е. начинаетъ съ пунктика, до котораго была доведена предшествующая лекція. Нужно ли говорить, что чтенія происходили безъ всякихъ демонстрацій и безъ малѣйшаго повышенія тона. Съ такимъ же характеромъ читалась имъ и офталмологія. Чтобы показать, какъ дѣйствуетъ рука оператора при операціи снятія катаракта, онъ завертывалъ губку въ носовой платокъ, придавалъ этому объекту, зажатому въ лѣвой рукѣ, шарообразную форму, а правой рукой производилъ всѣ оперативныя эволюціи. На докторскомъ экзаменѣ у него я чуть не провалился. Досталась мнѣ иридектомія, и всѣ пунктики до предпослѣдняго были перечислены; но послѣдній вы-

---

[1]) Юнге и я, по окончаніи нами докторскаго экзамена, пригласили Николая Богдановича на обѣдъ, угостили его любимымъ имъ портвейномъ и наслушались не мало игривыхъ описаній университетскихъ событій. Одинъ изъ разсказовъ касался его тестя, жившаго у Смоленскаго рынка. Николай Богдановичъ былъ стрѣлокъ, а тесть его, выдавая себя таковымъ, возвращался однако съ охоты не иначе, какъ съ зайцемъ или птицей, купленной на рынкѣ. Разъ Николай Богдановичъ пригласилъ тестя поохотиться вмѣстѣ за Дорогомиловымъ въ кустахъ. Приведя его на мѣста, Анке отошелъ въ сторону и спрятался за кустомъ. Слышитъ выстрѣлъ. Что такое? Иванъ Карловичъ убилъ зайца. Молодецъ, говорю. Подходимъ. Дѣйствительно убитый заяцъ и между зубами бумажка. Иванъ Карловичъ развертываетъ бумажку и читаетъ: здравствуйте, Иванъ Карловичъ!

палъ изъ памяти, и я остановился. Послѣдовалъ вопросъ: «еще что?» Думалъ, думалъ, и наконецъ меня озарило: «рвота!» Это былъ послѣднiй пунктъ въ его ученiи о послѣдствiяхъ иридектомiи, не постоянный, но иногда случающiйся и очень опасный.

Таково было мое первое знакомство съ такъ называемыми главными теоретическими медицинскими предметами, разочаровавшее меня въ медицинѣ, какъ наукѣ. Къ изученiю ихъ интереса у меня не было; руководства по всѣмъ тремъ предметамъ для предстоящихъ въ будущемъ экзаменовъ имѣлись, и я сталъ заниматься посторонними вещами.

Въ этомъ году, чуть не рядомъ съ аудиторiей (въ новомъ зданiи), гдѣ читали Топоровъ, Анке и Басовъ, читалась Петромъ Николаевичемъ Кудрявцевымъ исторiя реформацiи; и я прослушалъ весь этотъ курсъ съ такимъ же восхищенiемъ, съ какимъ читалъ позднѣе его «Римскихъ женщинъ по Тациту», въ Пропилеяхъ, изданныхъ Леонтьевымъ. Помню какъ теперь его худое, блѣдное лицо, неопредѣленно устремленный въ пространство, словно вдохновенный, взглядъ и его тихую красивую рѣчь, когда онъ описывалъ борьбу въ душѣ монаха-аскета Лютера. Грановскаго я слышалъ всего одинъ разъ, но онъ произвелъ на меня далеко не такое впечатлѣнiе, какъ Кудрявцевъ. Жаль, что я не записывалъ тогда своихъ впечатлѣнiй—теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, отъ нихъ остались на душѣ только слабыя тѣни.

Освободивши себя на 3-мъ курсѣ отъ занятiй медициной, я принялся изучать психологiю. Къ числу обычныхъ воскресныхъ посѣтителей семейства Визаровъ принадлежалъ студентъ естественнаго факультета Михаилъ Ивановичъ Ивановъ, великiй почитатель Рулье. Отъ него я узналъ о существованiи нѣмецкаго психолога Бенеке, сочиненiя котораго были, такъ сказать, водворены въ Московскiй университетъ Катковымъ, заинтересовали Рулье и стали предметомъ увлеченiя почитателя послѣдняго, Михаила Ивановича. Разсказы его возбудили и во мнѣ интересъ къ психологiи; я купилъ два сочиненiя Бенеке: «Psychologische Skizzen» и «Erziehungslehre», и засѣлъ за первое изъ нихъ настолько упорно, что погрузился по уши въ философскiе вопросы, до того, что меня начали, наконецъ, дразнить у Дан. Дан. Шумахера, будто я доказываю по Гегелю, что свѣтъ и тьма одно и то же. Какъ бы то ни было, но, начитавшись Бенеке, гдѣ вся картина психической жизни выводилась изъ первичныхъ силъ души, и не зная отпора этой крайности со стороны физiологiи, явившагося для меня лишь много позднѣе, я не могъ не сдѣлаться крайнимъ идеалистомъ и оставался таковымъ вплоть до выхода изъ университета. Это я помню

по слѣдующему случаю. Будучи на 5-мъ курсѣ, я получилъ разъ отъ проф. Пикулина (онъ былъ женатъ на сестрѣ С. П. Боткина и зналъ обо мнѣ, конечно, отъ послѣдняго) приглашеніе къ нему на вечеръ, гдѣ между гостями были проф. Минъ и тогдашній издатель «Московскихъ Вѣдомостей» Евгеній Коршъ (отецъ теперешняго академика). На этомъ вечерѣ велись жаркіе психологическіе споры. Минъ былъ послѣдователемъ энциклопедистовъ и доходилъ до того, что считалъ психику родящейся изъ головного мозга такимъ же образомъ, какъ желчь родится изъ печени; а Евгеній Коршъ и я были защитниками идеализма.

Однако увлеченія философскимъ идеализмомъ не спасли меня отъ увлеченій въ матеріальную сторону. Змѣемъ искусителемъ для Дм. Визара и меня былъ Аполлонъ Григорьевъ. Добрый, умный и простой въ сущности человѣкъ, несмотря на нѣсколько театральную замашку мефистофельствовать, съ несравненно бо́льшимъ литературнымъ образованіемъ, чѣмъ мы, студенты, живой и увлекающійся въ спорахъ, онъ вносилъ въ воскресные вечера Визаровъ много оживленія своей нервной, бойкой рѣчью и не могъ не нравиться намъ, тѣмъ болѣе, что, будучи много старше насъ лѣтами, держалъ себя съ нами по-товарищески, безъ всякихъ притязаній. Какимъ онъ былъ въ своихъ писаніяхъ, сотрудничая въ «Москвитянинѣ», я не знаю, но на вечерахъ у Визаровъ онъ не являлся ни врагомъ западниковъ, ни отъявленнымъ славянофиломъ, поклонялся лишь нравственнымъ доблестямъ русскаго народа и любилъ даже декламировать нѣкоторые соотвѣтственные стихи Некрасова, часто удивляясь, какъ могъ онъ писать такія прелестныя вещи при его внутреннемъ содержаніи. Преимущественно же носился съ своимъ пріятелемъ Островскимъ, считая его восходящею яркою звѣздою русскаго театра. Въ годъ, когда Островскій только что написалъ «Бѣдность не порокъ», онъ читалъ свое произведеніе, еще въ рукописи, въ домѣ отца Григорьева, куда и мы были приглашены Аполлономъ. Онъ же устроилъ въ квартирѣ Визаровъ (домъ Жемочкина, близъ Донского монастыря), съ очень большой залой, домашній спектакль «Горе отъ ума». Въ этомъ спектаклѣ самъ игралъ роль Фамусова и Загорѣцкаго; Чацкимъ былъ Алмазовъ, Софьей—жена Григорьева, Елизавета Ѳедоровна, урожденная Коршъ, Лизой—старшая сестра Визаръ, Молчалинымъ—Дм. Визаръ, а я—Скалозубомъ.

Всѣ эти любезности относились къ одной изъ дамъ Визаровскаго кружка, къ которой Григорьевъ былъ неравнодушенъ. Въ ея обществѣ онъ былъ всегда трезвъ и изображалъ изъ себя умнаго, нѣсколько разочарованнаго молодого человѣка, а въ мужской мо-

лодой компаніи являлся въ своемъ настоящемъ видѣ—кутящимъ студентомъ.

Въ тѣ времена извѣстный любитель русскихъ пѣсенъ, Тертій Ивановичъ Филипповъ (впослѣдствіи государственный контролеръ), жилъ въ Москвѣ и открылъ въ ней, въ сидѣльцѣ виннаго погребка на Тверской улицѣ, превосходнаго русскаго пѣвца и гитариста. По его, видно, рекомендаціи погребокъ этотъ сдѣлался мѣстомъ паломничества любителей русской народности, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которые были не прочь выпить подъ звуки пѣсенъ національнаго напитка; а къ такимъ именно принадлежалъ нашъ руководитель. Въ то время, какъ Григорьевъ познакомилъ насъ съ этимъ увеселительнымъ заведеніемъ, онъ былъ тамъ уже свой человѣкъ и умѣлъ входить въ него черезъ задній ходъ, послѣ того какъ погребокъ былъ для обыкновенной публики давно запертъ. Здѣсь мы познакомились съ пріятелемъ Григорьева казенно-коштнымъ студентомъ Рудневымъ, и черезъ него съ цѣлой компаніей его сподвижниковъ, жившихъ въ Чернышевскихъ номерахъ, на Театральной площади. Тутъ за шумными разговорами шло разливанное море, просиживали до поздней ночи. Помню даже, что разъ (это было весной 1854 г., наканунѣ воскресенья) мы съ Визаромъ вышли оттуда утромъ при солнечномъ свѣтѣ провожать Руднева въ студенческіе номера въ старомъ зданіи университета. Но это былъ, вѣроятно, послѣдній актъ моей кутежной жизни, имѣвшій мѣсто какъ разъ въ періодъ переходныхъ экзаменовъ. Весь годъ я не бралъ медицинскихъ книгъ въ руки и долженъ былъ настолько приналечь на нихъ во время экзаменовъ, что пришлось ставить піявки противъ приливовъ крови къ головѣ. Это я помню по инциденту съ фельдшеромъ, ставившимъ мнѣ піявки. По окончаніи операціи ему понадобилось удалиться въ укромное мѣсто на дворѣ нашего дома и, не найдя такового онъ попалъ въ уголъ, ревниво оберегаемый злою собакой, Бѣлкой. Въ результатѣ получилась изорванная штанина и явственные слѣды зубовъ на икрѣ бѣднаго фельдшера. То и другое было демонстрировано мнѣ, съ цѣлью, чтобы я свидѣтельствовалъ въ его пользу на судѣ, такъ какъ хозяинъ дома отказался уплатить ему за увѣчье, узнавъ, что онъ былъ пораненъ, находясь въ ненадлежащемъ мѣстѣ.

Теперь, когда покончено съ главными эпизодами моей жизни на 3-мъ курсѣ, умѣстно будетъ упомянуть о моемъ знакомствѣ съ домомъ Данилы Даниловича Шумахера, въ который ввелъ меня, кажется, въ 1853 г. Владиміръ Яковлевичъ Визаръ. Данила Даниловичъ служилъ тогда въ опекунскомъ совѣтѣ, болѣе крупнымъ чиновникомъ, чѣмъ В. Визаръ, и они были большими друзьями.

Семью Шумахера составляли тогда двое—онъ самъ и его жена Юлія Богдановна, родная сестра жены Грановскаго. По пятницамъ у нихъ собирались постоянно: Владиміръ Визаръ, Александръ Николаевичъ Аѳанасьевъ, студентъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ и я. Здѣсь-то и началось мое знакомство съ послѣднимъ, перешедшее въ дружбу уже во время нашего пребыванія за границей. За чаемъ и ужиномъ вечера проходили очень живо. Здѣсь сохранилось преданіе о Станкевичевскомъ кружкѣ; много говорилось объ оставшихся членахъ онаго, чудакѣ Кетчерѣ и старшемъ братѣ Сергѣя Петровича, Василіи Петровичѣ Боткинѣ (путешественникѣ по Испаніи), о его причудахъ и роли въ Боткинской семьѣ; бывала, конечно, рѣчь и объ университетѣ, который былъ тогда въ большой немилости у начальства. Душою веселья въ этомъ маленькомъ кружкѣ былъ Аѳанасьевъ. Онъ былъ вообще интересный разсказчикъ и уморительно смѣялся собственнымъ разсказамъ, какъ-то черезъ свой огромный носъ, и, служа въ какомъ-то архивѣ, извлекалъ оттуда много потѣшнаго на усладу хозяйкѣ, которая очень любила слушать веселыя вещи. Помню, напримѣръ, его разсказъ о томъ, какъ императрица Елизавета ѣздила на богомолье, и о какой-то придворной процессіи на лейбъ-пфердахъ. Сергѣй Петровичъ былъ въ свою очередь очень веселымъ собесѣдникомъ и всегда вторилъ Аѳанасьеву, который былъ его учителемъ русскаго языка въ пансіонѣ Эйнема, гдѣ Боткинъ учился до поступленія въ университетъ.

На 4-мъ курсѣ я пересталъ кутить и сталъ исправно посѣщать клиники на Рождественкѣ. Здѣсь намъ давали больныхъ на руки, какъ кураторамъ, и мы должны были вести исторію болѣзни на латинскомъ языкѣ. Поэтому въ нашихъ исторіяхъ фраза «Status idem» встрѣчалась, я думаю, гораздо чаще, чѣмъ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что нашими записями профессора едва ли интересовались, а тогдашніе ассистенты въ клиникѣ и того меньше, такъ какъ имъ не было никакого дѣла до занятій студентовъ. Сверхъ кураторства, въ терапевтической и акушерской клиникахъ было заведено дежурство студентовъ, но настолько необязательное для каждаго, что мнѣ, напримѣръ (я былъ, впрочемъ, не студентомъ, а вольнымъ слушателемъ), ни разу не довелось дежурить ни тамъ, ни здѣсь.

Директоромъ терапевтической клиники былъ знаменитый тогда московскій практикъ Оверъ—особа, увѣшанная несмѣтнымъ количествомъ орденовъ, но не показывавшая и носа въ свою клинику. За весь годъ онъ прочиталъ намъ у постели больного одну лишь лекцію, да и ту на латинскомъ языкѣ. Клиникой завѣдывалъ его адъюнктъ Млодзѣевскій.

Въ эту клинику мы приходили въ 8 час. утра и ожидали профессора въ комнатѣ, служившей аудиторіей. Млодзѣевскій садился передъ нашими скамьями, рядомъ съ нимъ, стоя, дежурившій въ предшествующій день студентъ, и начинался докладъ послѣдняго о поступившихъ въ его дежурство новыхъ больныхъ; при этомъ нужно было описывать тѣлосложеніе и возрастъ больного, его образъ жизни и занятія, вѣроятную причину заболѣванія, найденные признаки болѣзни и назначенное лѣченіе [1]). Засимъ начинался профессорскій обходъ въ сопровожденіи ассистента и студентовъ. Если въ положеніи стараго больного замѣчалась, со словъ ассистента, важная перемѣна, то профессоръ провѣрялъ сказанное; а наиболѣе интереснаго изъ новоприбывшихъ изслѣдовалъ въ нашемъ присутствіи, ставилъ діагностику и назначалъ лѣченіе. Въ этомъ собственно и заключалось все наше обученіе. Существовавшему въ тѣ времена единственному способу (разумѣется, кромѣ смотрѣнья на языкѣ и щупанья живота и пульса рукою) изслѣдованія больного, выстукиванію и выслушиванію груди, насъ учили въ этой клиникѣ на словахъ, во время обхода, предоставляя намъ упражняться въ обоихъ искусствахъ самостоятельно, безъ всякаго руководства. Съ этою цѣлью многіе студенты ходили въ клиники въ послѣобѣденное время и не мало мучили больныхъ. Если же между больными женщинами случались молодыя московскія мѣщанки, то къ любителямъ аускультаціи и перкуссіи присоединялись любители женскаго пола и доводили этихъ паціентокъ своими галантерейностями до глупѣйшаго жеманства и жантильничанья. Я имѣлъ несчастіе быть кураторомъ такой особы, относившимся къ ней безъ галантерейности. За это она платила мнѣ чуть не презрѣніемъ и отвѣчала на мои вопросы о здоровьѣ съ такой неохотой, что разъ я былъ даже вынужденъ замѣтить ей, что безпокою ее своими вопросами по обязанности и что она должна отвѣчать мнѣ, какъ приставленному къ ней куратору.

Директоромъ хирургической клиники былъ Θедоръ Ивановичъ Иноземцевъ, самый симпатичный и самый талантливый изъ профессоровъ медицинскаго факультета. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ

---

[1]) Не могу не вспомнить одного очень оригинальнаго доклада, сдѣланнаго нашимъ товарищемъ, студентомъ Б., кавказцемъ. Пока рѣчь шла о мужчинахъ, дѣло шло благополучно; но въ послѣднемъ докладѣ о женщинѣ оказались пропуски, вызвавшіе со стороны профессора замѣчаніе, что въ болѣзняхъ женщинъ играетъ очень важную роль половая жизнь, и рядъ соотвѣтственныхъ вопросовъ: Больная—дѣвица или замужемъ?—Замужемъ.—Есть у нея дѣти?—Есть.—Когда былъ послѣдній ребенокъ?—Передъ свадьбой. Много позднѣе я тѣмъ не менѣе слышалъ, что Б. имѣлъ хорошую практику въ Тифлисѣ.

хирургамъ, которые ставятъ операцію не на первый планъ, а рядомъ съ подготовленіемъ больного къ ней и послѣдовательнымъ за операціей лѣченіемъ. Поэтому онъ проповѣдывалъ, что хирургъ долженъ быть терапевтомъ. На его клиническихъ лекціяхъ мы впервые услышали, что въ извѣстныя эпохи всегда господствуетъ опредѣленный genius morborum, составляющій основную черту всѣхъ вообще заболѣваній. Такъ, во времена Бруссa господствовалъ, по его словамъ, воспалительный типъ, а въ настоящее время наблюдается преимущественно плохое питаніе тѣла съ катарами слизистыхъ путей, слѣдовательно страдаетъ у всѣхъ вообще людей завѣдующая питаніемъ узловатая система. Послѣднюю мысль Ѳ. И. вынесъ, очевидно, со школьной скамьи; но какъ онъ дошелъ до связи катаровъ съ страданіями симпатическаго нерва, я не знаю. Во всякомъ случаѣ онъ вѣровалъ упорно въ эту мысль и упорно кормилъ всѣхъ паціентовъ своей клиники нашатыремъ, какъ антикатаральной панацеей, говоря иногда на лекціяхъ, что его даже дразнятъ «салманикой» (въ рецептахъ нашатырь назывался по латыни sal ammoniacum) [1]). Хотя мысль о вліяніи симпатическаго нерва на питаніе тѣла и была въ ту пору, когда Ѳ. И. возводилъ передъ нами страданіе узловатой системы въ genius morborum, скорѣе расшатана, чѣмъ доказана физіологическими изслѣдованіями, но, какъ хирургу и старому практику, ему было извинительно не знать этого; слѣдовательно, составленная имъ теорія была не хуже другихъ медицинскихъ теорій и во всякомъ случаѣ свидѣтельствовала въ Ѳ. И. мыслящаго врача, задающагося серьезными вопросами. Въ ту же сторону говорила и изданная имъ книга о молочномъ лѣченіи.

Съ виду скорѣе французъ, чѣмъ русскій (онъ былъ, кажется, женатъ на француженкѣ), живой по природѣ, онъ иногда увлекался на клиническихъ лекціяхъ, и тогда фразы получали у него порывистый, восклицательный характеръ и произносились съ французскимъ шикомъ. Хорошее впечатлѣніе отъ всей его фигуры и рѣчей усиливалось крайне ласковымъ и участливымъ отношеніемъ его къ больнымъ, для которыхъ у него не было другого имени, какъ дружокъ или мой милый.

На лекціяхъ оперативной хирургіи онъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ, читалъ скорѣе монотонно, чѣмъ живо. Каѳедры топогра-

---

[1]) Говорили, что непоколебимость вѣры Ѳ. И. въ нашатырь поддерживалась его помощниками по медицинской практикѣ, называвшимися „молодцами Иноземцева“, которымъ онъ давалъ хлѣбъ и которые постоянно приносили ему извѣстія о чудесахъ этого средства. Правда ли это или нѣтъ, я не знаю; но вѣрно то, что бѣдный Ѳедоръ Ивановичъ не умѣлъ выбирать людей и былъ окруженъ въ клиникѣ неважными помощниками.

фической анатоміи тогда не было, и ему приходилось описывать послойную топографію различныхъ областей тѣла. Каковъ онъ былъ хирургъ, намъ не довелось узнать, потому что въ этомъ году не случилось ни одной важной операціи, а неважныя онъ отдавалъ своему адъюнкту.

Адъюнктомъ его былъ Иванъ Петровичъ Матюшенковъ, хорошо извѣстный намъ по амбулантнымъ пріемамъ при клиникѣ Иноземцева и какъ лекторъ малой хирургіи. Изъ всѣхъ нашихъ учителей онъ одинъ былъ способенъ производить на студентовъ комическое впечатлѣніе рѣзкимъ контрастомъ между его фигурой и ухватками грубаго, мало образованнаго бурсака и видомъ учености, который онъ налагалъ на себя въ нашемъ присутствіи, при исполненіи имъ офиціальныхъ обязанностей. Маска эта такъ не шла къ его внутреннему содержанію, что вмѣсто задуманной ученой серьезности получалась гримаса угрюмой озабоченности, переходившей минутами въ свирѣпость (былъ, впрочемъ, по природѣ не злымъ человѣкомъ). Особенно рѣзко сказывались эти контрасты на амбулантныхъ пріемахъ, гдѣ онъ являлся дѣятелемъ и учителемъ. Амбулаторіей служила небольшая комната безъ скамеекъ, что побуждало студентовъ становиться въ два ряда коридоромъ, по всей длинѣ комнаты, прямо отъ входной ея двери. Во главѣ коридора стоялъ столъ съ инструментами и И. П. съ полотенцемъ черезъ плечо, хмурымъ, озабоченнымъ лицомъ и наклоненной головой. Больныхъ впускали въ коридоръ поодиночкѣ, и въ промежуткѣ между ихъ входами И. П. ходилъ по длинѣ коридора взадъ и впередъ, разсказывая намъ, что мы видѣли и что онъ сдѣлалъ. Когда въ коридорѣ появлялся больной съ ногтоѣдой на рукѣ, что случалось наиболѣе часто, И. П., осмотрѣвъ руку и возвращаясь отъ больного къ столу съ инструментами, говорилъ походя, ни на кого не глядя: «тенеатисъ форціусъ» (выписываю эту фразу нарочно по-русски, чтобы читатель понялъ, какъ И. П. говорилъ по латыни), ближайшіе къ больному студенты становились по его бокамъ, а И. П., держа правую руку за спиной, вновь подходилъ къ больному, говорилъ ему ласково: «покажи, матушка [1]), руку», дѣлалъ знакъ студентамъ головой, тѣ схватывали больного, и въ комнатѣ раздавался обыкновенно раздирающій душу крикъ. Послѣ этой операціи И. П. неизмѣнно говорилъ: «въ такихъ случаяхъ, матушки, всегда нужно прорѣзывать палецъ до кости [2]).

---

[1]) Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить намъ на лекціяхъ „матушки", а въ одиночку больнымъ „матушка", поэтому и прозывался у студентовъ „матушкой".

[2]) Въ каникулы, при переходѣ на 5-й курсъ, мнѣ довелось въ деревнѣ явиться два раза ученикомъ Ив. Петр. Первый разъ на бѣдной милой Настенькѣ, которая

На лекціяхъ малой хирургіи ему слѣдовало бы читать о вывихахъ и переломахъ, но объ этомъ важномъ предметѣ рѣчи не было, и время посвящалось больше всего накладыванію бинтомъ на фантомѣ различныхъ повязокъ. Въ его курсъ входило между прочимъ описаніе процедуры перевязки сосудовъ, и этому предшествовало описаніе лигатуръ: «Лигатуры, матушки, бываютъ двухъ родовъ—животныя и растительныя, къ первымъ принадлежатъ кишечныя струны, а ко вторымъ—шелкъ (sic) и простыя нитки». Это я слышалъ на его лекціи собственными ушами.

Много позднѣе мнѣ довелось слышать не мало комичнаго о его ученомъ путешествіи за границей—какъ онъ вздумалъ было изучать воспаленіе слизистыхъ оболочекъ и остановился на томъ, что пустилъ кролику въ глазъ уксусной кислоты; какъ онъ посѣщалъ будто бы въ Брюкселѣ (его собственное наименованіе этого города) Дондерса, жившаго однако въ Утрехтѣ. О насъ съ Боткинымъ, когда мы уже были профессорами, онъ отзывался такъ: поковыряютъ у лягушки около гузенной косточки и печатаютъ.

Директоромъ акушерской клиники былъ профессоръ Кохъ. Посѣщеніе ея не было обязательно для студентовъ—туда допускались поодиночкѣ и по охотѣ только дежурные. Я не былъ такимъ охотникомъ и въ клиникѣ не былъ ни разу. Поэтому помню проф. Коха лишь какъ лектора. Насколько можно судить о профессорѣ по его лекціямъ, Кохъ былъ, я думаю, самымъ лучшимъ или по крайней мѣрѣ самымъ дѣльнымъ изъ тогдашнихъ профессоровъ медицинскаго факультета. Лекціи его имѣли исключительно дѣловитый характеръ и произносились съ тѣмъ акцентомъ, по которому слушатель невольно узнавалъ въ разсказчикѣ мастера своего дѣла. Помню и его красивую, всегда изящно одѣтую на лекціяхъ фигуру—всегда въ черномъ фракѣ, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ профессоровъ, являвшихся не иначе какъ въ форменныхъ фракахъ.

Въ этомъ году, кромѣ посѣщенія клиникъ, мнѣ и моимъ ближайшимъ товарищамъ, Юнге и Эйнбродту, удалось, благодаря третьему товарищу, милому, доброму Пфёлю, упражняться на трупѣ въ хирургическихъ операціяхъ. Отецъ Пфёля былъ главный докторъ въ военномъ госпиталѣ (въ Лефортовѣ) и давалъ сыну каждое воскресенье трупъ и инструменты для хирургическихъ упражненій. На нихъ то и приглашалъ насъ молодой Пфёль. Помню,

---

страдала огромнымъ карбункуломъ на поясницѣ, мучившимъ ее до моего пріѣзда двѣ недѣли. Она, бѣдная, получила отъ меня два огромныхъ крестообразныхъ разрѣза и вынесла боль геройски. А другая женщина съ ногтоѣдой пальца бросилась послѣ разрѣза по рецепту И. П. на землю и стала кататься съ крикомъ: „убилъ, убилъ!“ Насилу ее успокоили.

что занимались мы больше всего ампутаціями, перевязкой артерій въ различныхъ областяхъ и катетеризаціей; по окончаніи же занятій я неизмѣнно производилъ операцію вылущиванія бедра. Ѳед. Ив. Иноземцевъ какимъ-то образомъ узналъ объ этомъ и предрекалъ, что, значитъ, мнѣ придется когда-нибудь произвести эту страшную операцію на живомъ. Къ счастію предсказаніе это не сбылось.

Въ этомъ же году я убѣдился, что не призванъ быть медикомъ, и сталъ мечтать о физіологіи. Болѣзни, по ихъ загадочности, не возбуждали во мнѣ ни малѣйшаго интереса, такъ какъ ключа къ пониманію ихъ смысла не было, а вкусъ вдумываться въ эти загадки, съ цѣлью различенія въ нихъ существеннаго отъ побочнаго—эту главную приманку истинныхъ любителей медицины [1], — развиться еще не могъ. Съ другой стороны, я сталъ знакомиться въ этомъ году съ физіологіей изъ прелестнѣйшей книги Бергмана и Лейкарта «Anatomisch-physiologische Uebersicht des Thierreichs». Изъ всѣхъ книгъ студенческаго времени я сохранилъ ее одну и до сихъ поръ считаю это сочиненіе прелестнымъ. Тогда же оно произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я заинтересовалъ ею семью Визаровъ и разъ даже читалъ тамъ родъ лекціи о постепенномъ осложненіи жизненныхъ проявленій.

Зимой 1855 г., передъ масленицей, насъ, четверокурсниковъ, собираютъ въ какой-то аудиторіи стараго университета, является деканъ Ник. Богд. и объявляетъ, что по Высочайшему повелѣнію всѣ мы должны будемъ держать выпускной экзаменъ и отправляемся затѣмъ на войну, а на второй недѣлѣ поста скончался императоръ Николай и было объявлено, что выпуску будутъ подлежать лишь казеннокоштные. Знаю, что въ числѣ послѣднихъ былъ студентъ Кудринъ, теперь первое медицинское лицо во флотѣ.

Теперь я вернусь назадъ, чтобы описать, какъ подготовлялось событіе, имѣвшее мѣсто въ семьѣ Визаровъ въ масленицу 1855 г.

---

[1]) Всѣми этими качествами обладалъ въ высшей степени С. П. Боткинъ, когда уже былъ профессоромъ. Для него здоровыхъ людей не существовало, и всякій приближавшійся къ нему человѣкъ интересовалъ его едва ли не прежде всего какъ больной. Онъ присматривался къ походкѣ и движеніямъ лица, прислушивался, я думаю, даже къ разговору. Тонкая діагностика была его страстью, и въ пріобрѣтеніи способовъ къ ней онъ упражнялся столько же, какъ артисты въ родѣ Ант. Рубинштейна упражняются въ своемъ искусствѣ передъ концертами. Разъ, въ началѣ своей профессорской карьеры, онъ взялъ меня оцѣнщикомъ его умѣнья различать звуки молоточка по плессиметру. Становясь посрединѣ большой комнаты съ зажмуренными глазами, онъ велѣлъ обертывать себя вокругъ продольной оси нѣсколько разъ, чтобы не знать положенія, въ которомъ остановился, и затѣмъ, стуча молоткомъ по плессиметру, узнавалъ, обращенъ ли плессиметръ къ сплошной стѣнѣ, къ стѣнѣ съ окнами, къ открытой двери въ другую комнату или даже къ печкѣ съ открытой заслонкой.

Когда я былъ на 2-мъ курсѣ, въ Москву пріѣхалъ мой милѣйшій товарищъ по инженерному училищу и саперству, Мих. Ник. Владыкинъ, уже отставнымъ офицеромъ. Выше мнѣ уже случилось говорить, что онъ былъ страстный театралъ. Чтобы наслаждаться Шекспиромъ, онъ выучился англійскому языку; затѣмъ, начитавшись Гоголя и Островскаго, соорудилъ собственную комедію изъ купеческаго быта и вышелъ въ отставку съ мыслью посвятить себя сценическому искусству. Теперь онъ привезъ свою комедію въ Москву, съ тѣмъ чтобы прочитать ее Прову Михайловичу Садовскому. Пьеса была одобрена послѣднимъ; измѣнено было только, по его совѣту, заглавіе и она шла подъ новымъ именемъ «Купецъ-лабазникъ», кажется, въ бенефисъ Шумскаго. Прова Михайловича я, конечно, видѣлъ много разъ на сценѣ, но, благодаря знакомству съ нимъ Владыкина, мнѣ удалось разъ видѣть его на вечеринкѣ у Владыкина и слышать одинъ изъ его знаменитыхъ разсказовъ — «Повѣсть капитана Копейкина». Владыкинъ сидѣлъ подлѣ Прова Михайловича и слушалъ его съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что когда капитанъ Копейкинъ, въ продолженіе своего разсказа, обратился къ сосѣду, прищуря глазъ, съ вопросомъ, какого онъ мнѣнія о только что сказанномъ, Владыкинъ невольно отвѣтилъ на этотъ вопросъ и вызвалъ, конечно, гомерическій смѣхъ всей публики. Продолжать капитана Копейкина было уже невозможно, но его замѣнили вскорѣ другіе разсказы. Позднѣе черезъ Владыкина я познакомился съ другимъ знаменитымъ разсказчикомъ, Горбуновымъ.

Съ тѣхъ поръ какъ «Лабазникъ» былъ принятъ на сцену, Владыкинъ продолжалъ сочинительствовать, жилъ большую часть времени у себя въ деревнѣ, но сталъ ежегодно наѣзжать въ Москву. Въ одинъ изъ его пріѣздовъ я познакомилъ его съ семьей Визаровъ.

Когда я былъ на 3-мъ курсѣ, во вторую половину года, Леонида Яковлевна (старшая сестра), молоденькая, живая, красивая дѣвушка съ черными какъ смоль волосами и голубыми глазами, выдержала экзаменъ на званіе учительницы и поступила въ семью Фролова къ его взрослымъ дочерямъ въ качествѣ подруги-француженки. Пробыла она тамъ годъ и зимой 1855 г. вернулась домой въ домъ Жемочкиныхъ, около Донского монастыря. Вся молодежь, ходившая въ этотъ домъ, чувствовала, конечно, нѣкоторую слабость къ этой молодой дѣвушкѣ, и къ числу таковыхъ принадлежалъ и я, не показывая конечно и вида. Такою же слабостью къ ней, судя по разговорамъ, страдалъ и Владыкинъ, но изъ этого ничего не выходило, потому что онъ видѣлъ ее изрѣдка, часами. Но вотъ подходитъ масленица 1855 г. Владыкинъ въ Москвѣ, мы бываемъ съ нимъ въ домѣ Жемочкиныхъ каждое воскресенье и узнаемъ въ

одно изъ посѣщеній, что глава дома, Владиміръ Яковлевичъ, черезъ какихъ-то знакомыхъ устроилъ сестрѣ мѣсто гувернантки въ какомъ-то очень хорошемъ семействѣ въ Казани и что бѣдная Леонида Яковлевна отправится туда Великимъ постомъ. Возвращаясь съ этого вечера съ Владыкинымъ въ городъ, я распространился о печальной судьбѣ, ожидавшей бѣдную дѣвочку, и, въ качествѣ близкаго товарища дѣтства, прямо сказалъ, что онъ одинъ можетъ спасти ее отъ этой участи, женившись на ней. Уговаривать его, впрочемъ, нужды не было, потому что извѣстіе о ея предстоящемъ исчезновеніи видимо подѣйствовало на него очень сильно, и нужно было только подбодрить милаго Владыкина. Какъ бы то ни было, въ послѣдній день масленицы мы опять были въ домѣ Жемочкиныхъ и здѣсь, ради торжественности дня, устроились танцы [1]), въ которыхъ приняли участіе оба отставныхъ сапера. Я видѣлъ собственными глазами, какъ по окончаніи кадрили Владыкинъ стоялъ за стуломъ Л. Я., какъ она вспыхнула съ навернувшимися на глазахъ слезами, поспѣшно вышла изъ комнаты и вернулась черезъ минуту раскраснѣвшаяся, сіяющая. Постъ у жениха и невѣсты былъ, конечно, веселый, но въ концѣ его Владыкинъ былъ вытребованъ въ ополченіе, и они поженились уже по окончаніи моего курса, когда я былъ за границей. Поженившись, они сдѣлали длинное путешествіе по Европѣ, вплоть до Испаніи, жили потомъ въ деревнѣ (Владыкинъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства), потомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ поступилъ на сцену. Еще позднѣе оба жили за границей, въ то время какъ она училась медицинѣ въ Бернѣ, гдѣ и кончила курсъ. Еще позднѣе Владыкинъ написалъ другую театральную пьесу «Омутъ», исходилъ охотникомъ Кавказъ и описалъ его. Все это было, а теперь уже давно нѣтъ обоихъ. Съ Леонидой Яковлевной я встрѣтился уже старикомъ, когда ушелъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ она жила, занимаясь медицинской практикой. Встрѣтились мы конечно дружески, но судьба не дала продолжаться долго этому новому знакомству — ее съѣла болѣзнь. Она знала, что болѣзнь смертельна, и умерла героемъ. Съ памятью о ея миломъ дѣвическомъ обликѣ связаны всѣ мои воспоминанія о хорошихъ минутахъ студенчества. Кромѣ нея, я зналъ, впрочемъ, еще одну очень милую умную дѣвушку, съ которой познакомился благодаря тому, что по матери она была изъ рода Пазухиныхъ и я былъ отрекомендованъ ей ея тетками, нашими сосѣдками по де-

[1]) У барышень Визаръ были четыре пріятельницы: три сестры француженки Диле (которымъ я давалъ уроки изъ ариѳметики, когда онѣ готовились къ экзамену на званіе учительницъ) и очень умная дѣвушка Лизанька Фреймутъ, занимавшаяся впослѣдствіи очень успѣшно энтомологіей и даже написавшая трактатъ о мухахъ.

ревнѣ. Тетки говорили мнѣ о ихъ племянницѣ Наденькѣ Шнейдеръ съ величайшей похвалой, и она въ самомъ дѣлѣ заслуживала этого умомъ, добротой и милымъ нравомъ. Бывалъ я тамъ не часто, но, благодаря тому, что родственницы ея хорошо отрекомендовали насъ другъ другу, и благодаря присущей намъ обоимъ простотѣ, мы скоро сошлись и стали пріятелями.

Клиники 5-го курса помѣщались въ Екатерининской больницѣ на Страстномъ бульварѣ. Терапевтической завѣдывалъ—проф. Варвинскій и адъюнктъ его Пикулинъ, а хирургической проф. Поль, адъюнктъ Поповъ и старшій ассистентъ Новацкій.

Варвинскій, сколько помню, не читалъ клиническихъ лекцій и занимался тѣмъ, что, слушая отчеты кураторовъ о болѣзни порученныхъ имъ больныхъ, поправлялъ и разъяснялъ ошибки въ этихъ отчетахъ. Помню также его нехорошую манеру относиться съ усмѣшкой къ причудамъ больныхъ и къ ошибкамъ студентовъ въ опредѣленіи болѣзни. Этой манерой онъ приводилъ многихъ студентовъ въ большой конфузъ. Особенно страдалъ отъ него одинъ изъ товарищей, милѣйшій Коробкинъ, кривой на одинъ глазъ и заика. По-настоящему, профессору слѣдовало бы щадить бѣдняка и не вызывать его на пытку; а Варвинскій словно наслаждался, когда тотъ, красный, задыхающійся, силился и шипѣлъ надъ больнымъ. Любилъ онъ также бесѣдовать со студентомъ Фишеромъ, послѣ того какъ послѣднему не удалось разъ распознать перемежающуюся лихорадку. Пикулинъ былъ съ своимъ патрономъ въ контрахъ и ходилъ въ клинику лишь по вечерамъ съ единственною, кажется, цѣлью—учить насъ аускультаціи и перкуссіи. Студенты того времени могли выучиться этому искусству только у него.

Хирургическая клиника проф. Поля была, я думаю, чуть не на треть наполнена дѣтьми съ каменною болѣзнью, такъ какъ Поль былъ большой любитель литотоміи по способу брата Іакова и дѣлалъ эти операціи всегда самъ, предоставляя остальныя своему адъюнкту Попову. На ежедневный обходъ больныхъ Поль приходилъ всегда съ конфетами въ карманѣ, а позади шелъ фельдшеръ съ чашкой масла. Конфеты служили для укрощенія дѣтей, въ то время какъ профессоръ изслѣдовалъ ихъ per rectum. Проф. Поль былъ въ то время уже очень пожилой человѣкъ и клиникой завѣдывалъ собственно его адъюнктъ Поповъ; а онъ заботился, повидимому, не столько о земныхъ дѣлахъ, сколько о спасеніи души. Это я слышалъ отъ моего товарища Юнге. Онъ очень понравился Полю, и когда тотъ узналъ, что Юнге лютеранинъ, сильно совѣтовалъ ему принять католичество. О проф. Поповѣ могу сказать только, что онъ не былъ зараженъ сантиментальностью: ругалъ больныхъ даже

во время операціи и разъ на моихъ глазахъ отвѣсилъ фельдшеру полновѣсную пощечину.

Сверхъ клиникъ, на 5-мъ курсѣ читалась патологическая анатомія и гигіена. Содержанія лекцій патологической анатоміи Ал. Ив. Полунина не помню, знаю только, что онъ показывалъ много патологическихъ препаратовъ и училъ процедурѣ вскрыванія труповъ. Насколько онъ былъ полезенъ для студентовъ, судить не берусь; но своимъ подчиненнымъ онъ, очевидно, умѣлъ внушить любовь къ знанію: тогдашній фельдшеръ его Аристарховъ сдѣлался впослѣдствіи докторомъ, и знаніями увлекся даже сторожъ при кабинетѣ патологической анатоміи, старый отставной солдатъ (финляндецъ) Иванъ Иванычъ, — онъ обучалъ студентовъ катетеризаціи. Что касается, наконецъ, до гигіены, то достаточно будетъ сказать, что такого позорнаго профессора какъ К. не бывало, я думаю, ни въ одномъ изъ университетовъ. До нашего поступленія на 5-ый курсъ онъ былъ однимъ изъ субъинспекторовъ и превратился какимъ-то чудомъ сразу въ гигіениста. Говорили, что это было дѣло рукъ попечителя, генерала Назимова.

Въ заключеніе долженъ признаться: зная, что не буду медикомъ, я относился въ этомъ году къ медицинскимъ занятіямъ безъ интереса, оттого и мои воспоминанія о 5-мъ курсѣ такъ скудны.

Оканчивая курсъ и зная за собой много грѣховъ по части медицины, особенно практической, мнѣ и въ голову не приходило держать экзаменъ прямо на доктора, но къ этому принудилъ меня нашъ деканъ Ник. Богд. Анке, говоря, что этого непремѣнно требуетъ факультетъ. Я этому повѣрилъ, но это была неправда. На доктора подали, вѣроятно по его же настоянію, два его любимца— Юнге и Эйнбродтъ, нѣмцы; а между медицинскими профессорами двое, Глѣбовъ и Басовъ, были руссофилы и не любили, когда отдавалось въ чемъ-либо предпочтеніе нѣмцамъ передъ русскими, и были на экзаменахъ строги. Поэтому-то Анке и нужно было присоединить къ двумъ нѣмецкимъ кандидатамъ хоть одного русскаго, дабы смягчить этимъ экзаминаторовъ. Они, можетъ быть, и смягчились, да не совсѣмъ—Глѣбовъ все-таки провалилъ Эйнбродта, хотя экзамены были очень просты, отличаясь отъ лѣкарскихъ (какъ, впрочемъ, и теперь) лишь тѣмъ, что докторанта заставляли отвѣтить вопроса на два лишнихъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что могъ бы попасть по возвращеніи изъ-за границы профессоромъ физіологіи не въ петербургскую медицинскую академію, а въ Московскій университетъ, и не попалъ лишь благодаря Ник. Богд. Анке. Дѣло въ томъ, что когда проф. Глѣбовъ оставилъ каѳедру, что случилось, должно быть, черезъ годъ послѣ моего отъѣзда за границу, Анке

предложилъ на его мѣсто Эйнбродта, съ тѣмъ чтобы онъ былъ посланъ на казенный счетъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу, а Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ предложилъ меня. Тогда Ник. Богд. заявилъ, будто ему доподлинно извѣстно, что я занимаюсь не физіологіей, а психологіей, и предложеніе Иноземцева было отклонено.

Въ заключеніе нельзя не вспомнить о крупныхъ московскихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ промежутокъ времени моего студенчества (1850—1856). Время это было особенно богато ими.

Извѣстно, что когда революціонное движеніе 48 и 49 годовъ приблизилось къ нашимъ границамъ въ Пруссіи и Австріи, императоръ Николай нашелъ нужнымъ принять экстренныя мѣры противъ проникновенія къ намъ вредныхъ идей съ запада, и одною изъ такихъ мѣръ явилось сокращеніе въ Московскомъ университетѣ (была ли эта мѣра распространена и на другіе университеты, я не знаю) числа студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, до трехсотъ. Въ 50-мъ году мѣра эта была уже въ ходу, и ректоръ университета (Альфонскій) былъ уже коронный. Позднѣе (въ какомъ году, не помню) была закрыта каѳедра философіи, на которой сидѣлъ Катковъ, и вмѣсто этого ультра-благонамѣреннаго патріота логику и психологію сталъ читать протоіерей Терновскій. Въ то же время стали ходить слухи, будто въ университетъ назначенъ какой-то полковникъ обучать студентовъ артиллеріи и фронту. Говорили даже, будто въ университетъ будутъ поставлены двѣ пушки. Нѣкоторые изъ студентовъ этимъ слухамъ, можетъ быть, и вѣрили, но большинство относилось къ нимъ иронически. Такъ, нѣкоторые изъ товарищей совѣтовали мнѣ, шутя, выступить кандидатомъ на обученіе студентовъ маршировкѣ. Могу вообразить, какое волненіе вызвали бы теперь подобные слухи и мѣры между студентами, но тогда студенчество еще не шевелилось сплоченной массой. Неудобства современнаго положенія оно, конечно, сознавало, но разговоры объ этомъ велись, такъ сказать, подъ сурдинку, въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ. У меня былъ, напр., между пріятелями полякъ Б., и мы съ нимъ нерѣдко разсуждали о современномъ положеніи вещей—я горевалъ, а онъ держался мнѣнія, что чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

На торжество столѣтняго юбилея университета (1855) попасть я не могъ, потому что былъ вольнослушателемъ и мнѣ было сказано, что являться на это торжество я могъ бы лишь въ общедворянскомъ мундирѣ, а у меня и цивильное-то платье было не изъ блестящихъ. Цѣлый годъ мнѣ пришлось, напр., прощеголять въ пальто, изъ-за цвѣта котораго меня звали у Визаровъ чижи-

комъ. Тогда въ модѣ на сукно былъ «цвѣтъ лондонскаго дыма», и мнѣ захотѣлось сшить себѣ пальто такого цвѣта; но я имѣлъ неосторожность покупать сукно подъ вечеръ въ темной лавкѣ и получилъ вмѣсто лондонскаго дыма цвѣтъ чуть ли не бильярдной покрышки.

Въ этомъ же году умеръ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Его отпѣвали въ университетской церкви, и я помню, что подлѣ его гроба стояла женщина вся въ черномъ, неподвижная какъ статуя во все время службы (жена его была урожденная Мюльгаузенъ, лютеранка). Гробъ его провожали тысячи, но далеко не такъ торжественно, какъ провожали позднѣе въ Петербургѣ Тургенева. Между провожавшими я помню какъ теперь Каткова въ енотовой шубѣ. Тогда онъ былъ, впрочемъ, только издателемъ «Русскаго Вѣстника». Умри Грановскій годами десятью позже, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» едва ли шелъ бы за его гробомъ.

Кажется, въ 1853 году былъ пожаръ Большого московскаго театра. Мы съ Юнге стояли все время пожара подлѣ теперешней гостиницы Континенталь и были свидѣтелями спасенія человѣка съ крыши театра. Пожарныя лѣстницы до этой крыши не хватали, и спасъ стоявшаго на ней рабочій, взлѣзшій на крышу (сначала, разумѣется, по лѣстницѣ) по водосточной трубѣ. Самую процедуру спасенія мы видѣть не могли, потому что она происходила съ фасада, обращеннаго къ пассажамъ, но были свидѣтелями, какъ кому-то пришла въ голову мысль собирать деньги смѣльчаку. Къ несчастью деньги эти оказали ему плохую услугу: онъ опился на нихъ до смерти.

Когда я былъ на 4-мъ курсѣ, семья наша лишилась нашей милой кроткой матери. Настрадалась ея кроткая душа въ жизни не мало, но Богъ послалъ ей по крайней мѣрѣ тихую и быструю кончину. Извѣстіе о ея смерти я получилъ неожиданно. Такъ и не довелось ей, бѣдной, дожить до времени, когда ея сынъ пошелъ по столь желанной ею ученой части.

По духовному завѣщанію отца все имѣніе передавалось матери въ полное ея распоряженіе до кончины, и воля отца была уважена. По кончинѣ матери братья выдѣлили сестрамъ все костромское имѣніе, а симбирское рѣшили не дѣлить, прибавивъ къ условію пунктъ, что желающій тѣмъ не менѣе выдѣлиться получаетъ 6000 руб. и отказывается отъ дальнѣйшихъ правъ на отцовское наслѣдство. Имѣя въ виду отправиться учиться за границу, я пожелалъ быть выдѣленнымъ на сказанномъ условіи и получилъ кромѣ того вольную для моего вѣрнаго товарища и слуги Ѳеофана Васильевича. Такъ какъ выпускные экзамены кончались тогда въ на-

чалѣ іюня, ѣхать за границу было поздно, поэтому на лѣто я отправился проститься съ родными въ Теплый Станъ. Здѣсь мнѣ пришлось во второй и послѣдній разъ въ жизни оказать медицинскую помощь человѣку (разрѣзъ карбункула бѣдной Настенькѣ былъ первымъ такимъ случаемъ). У крестьянина застрялъ въ пищеводѣ большой кусокъ проглоченнаго хлѣба, и онъ пришелъ ко мнѣ въ большомъ испугѣ. За неимѣніемъ зонда я выпросилъ у сестеръ изъ корсета пластинку китоваго уса, навязалъ на концѣ ея кусокъ губки, смочивъ ее деревяннымъ масломъ, и протолкнулъ застрявшій кусокъ. Бѣдный крестьянинъ съ радости бросился мнѣ въ ноги. Конецъ лѣта я провелъ у Визаровъ на дачѣ, видѣлъ въѣздъ императора Александра II въ Москву передъ коронаціей и въ самый день коронаціи гулялъ съ Визарами по иллюминованной Москвѣ. Помню еще, что передъ отъѣздомъ за границу купилъ по совѣту Өеофана Васильевича золотые часы, считавшіеся имъ необходимою принадлежностью барина. Совѣтъ этотъ онъ далъ мнѣ по слѣдующему случаю. Когда я кончилъ ученье, моя кузина Тухочевская, желая сдѣлать мнѣ подарокъ, призвала къ себѣ Өеофана Васильевича, чтобы узнать отъ него, что мнѣ всего больше нужно. Онъ, не запинаясь, предложилъ «хорошіе золотые часы»; и такъ какъ мы ихъ съ нимъ не получили, то онъ рѣшилъ, что нужно пріобрѣсти на свой счетъ.

Ученье за границей.

(1856—1860 г.)

Получивъ изъ опекунскаго совѣта деньги, я отдалъ ихъ на храненіе милому, доброму Владиміру Яковлевичу Визару, и онъ же высылалъ мнѣ частями за границу. Прожилъ я тамъ на эти деньги три съ половиной года, съ осени 1856 года по февраль 60-го. Помню, что передъ отъѣздомъ туда я получилъ въ конторѣ московскаго банкира Ковли кредитивъ въ 1500 руб., а въ Берлинѣ получилъ по этому кредитиву 1575 талеровъ. Таковъ еще былъ тогда почетъ русскому рублю—и это вслѣдъ за Крымской кампаніей!

Выѣхалъ я изъ Москвы въ Петербургъ на третій день коронаціи императора Александра II съ паспортомъ «по болѣзни» и съ уплатою 50 руб. за полгода—тогда еще не были отмѣнены паспортные порядки Николаевскаго времени. Изъ Петербурга ходили тогда въ Штеттинъ два казенныхъ пассажирскихъ парохода, и на одномъ изъ нихъ я отправился. Начало плаванія было не совсѣмъ удачно. Не отъѣхали мы отъ Кронштадта и двухъ часовъ, какъ пароходъ обернулся назадъ, откуда вышелъ, и намъ объявили, что до вечера можемъ отправиться въ городъ, такъ какъ пароходъ будетъ догружаться углемъ. Въ Кронштадтѣ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ очень характерной сцены. На одной изъ городскихъ площадей, вижу, стоитъ толпа русскихъ матросовъ зрителями борьбы двухъ бойцовъ—пьянаго русскаго и трезваго иностраннаго (судя по одеждѣ) матроса; русскій стоитъ въ боевой позѣ, а иностранецъ схватилъ его за обшлага разстегнутой шинели подъ горло; въ то же мгновеніе черезъ толпу протискиваются, очевидно, два товарища иностранца— одинъ огромнаго роста мужчина,—разнимаютъ бойцовъ и свободно выводятъ своего товарища изъ толпы. При этомъ невольно вспомнился случай несостоявшагося кулачнаго боя, видѣнный мною зимой на Москвѣ рѣкѣ, между Каменнымъ и Крымскимъ мостомъ. Бой только что завязался между мальчиками противоположныхъ сторонъ, какъ отъ Каменнаго моста стала приближаться къ толпѣ

болѣе чѣмъ въ сто человѣкъ невзрачная фигура полицейскаго солдата съ поднятой въ видѣ угрозы палкой. Завидѣвъ этого блюстителя благочинія, вся толпа разбѣжалась.

Какъ бы то ни было, къ вечеру мы догрузились и прошли весь путь до Штеттина безъ приключеній.

Въ Берлинѣ лекціи еще не начинались, поэтому я воспользовался свободнымъ временемъ и съѣздилъ въ Дрезденъ; прошелся пѣшкомъ по саксонской Швейцаріи и оттуда черезъ Прагу съѣздилъ въ Вѣну. По дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ случилось забавное приключеніе. Въ маленькомъ четырехмѣстномъ отдѣленіи тогдашнихъ нѣмецкихъ вагоновъ насупротивъ меня сидѣлъ старичокъ и среднихъ лѣтъ дама—нѣмцы. Разговаривая другъ съ другомъ, они очень часто присматривались ко мнѣ съ такимъ любопытствомъ, что невольно возбудили во мнѣ желаніе сошкольничать. Долго старичокъ крѣпился, но наконецъ не выдержалъ и вступилъ въ разговоръ. Узнавъ съ первыхъ же словъ, что я иностранецъ, онъ замѣтилъ вопросительно, что я пріѣхалъ изъ-за моря и не изъ Южной ли Америки. На это я отвѣтилъ: дѣйствительно изъ-за моря, но не изъ Америки, а изъ Персіи, по Каспійскому морю. Спутники мои, конечно, обрадовались случаю получить достовѣрныя свѣдѣнія о Персіи, какова тамъ природа и люди. На все это я давалъ, вѣроятно, удовлетворительные для нихъ отвѣты и даже продекламировалъ имъ для ознакомленія съ звуками персидскаго языка какіе-то стихи, заученные мною въ дѣтствѣ, изъ повѣсти Марлинскаго «Мулла-Нуръ», выданные мною за стихи Фирдуси:

Гюдуль, Гюдуль хомъ гяльды
Арондынданъ ягышъ гяльды
Гялинъ, алга дуръ сана
Чюмганымъ дальдуръ сана.

Когда меня однако спросили, какъ называются въ Персіи денежныя единицы (неизвѣстныя мнѣ и доселѣ), пришлось увернуться непониманіемъ якобы вопроса и отвѣтить, что обращается, какъ и у нихъ, золото и серебро. Къ счастію добрѣйшій старичокъ выручилъ, спросивъ, не рупіи ли. Я конечно согласился, и дѣло кончилось благополучно. При разставаніи совѣтовали мнѣ остановиться въ отелѣ Berliner Hof и, должно быть, справились тамъ, подъ какимъ именемъ я записанъ, потому что дня черезъ два встрѣчаю вдругъ па улицѣ мою бывшую спутницу и она привѣтствуетъ меня, смѣясь, словами: «здравствуйте, господинъ русскій», на что я отвѣтилъ: «нѣтъ, сударыня, руссифицированный персіанинъ».

Нужно ли говорить, что я восхищался дрезденской галлереей,

невиданными дотолѣ горами милой саксонской Швейцаріи, гулялъ по вѣнскому Пратеру, былъ въ Stephan's Kirche и пр. Знаю, что все это было описано мною съ большимъ энтузіазмомъ въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ; но это было сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, и какъ ни отчетливо вспоминаются картины этого далекаго прошлаго, но перечувствованнаго въ то время—увы!—не воскресишь.

Вернувшись въ Берлинъ, я нашелъ въ немъ С. П. Боткина, вскорѣ сдѣлавшагося самымъ близкимъ для меня человѣкомъ. Онъ уѣхалъ за границу на полгода раньше меня и теперь пріѣхалъ въ Берлинъ вслѣдъ за Вирховымъ, только что переселившимся изъ Вюрцбурга въ прусскую столицу, въ устроенный для него анатомо-патологическій институтъ.

Первые мои шаги въ лабораторной жизни были очень оригинальны. Нужно замѣтить, что въ то время въ Московскомъ университетѣ медикамъ хотя и читалась химія, но въ химическую лабораторію ихъ не допускали. Поэтому, когда я поступилъ въ Берлинѣ въ частную химическую лабораторію приватъ-доцента Зонненштейна для изученія качественнаго анализа, то не умѣлъ, что называется, даже мыть химическую посуду, и мнѣ, докторанту, пришлось слушать наставленія отъ служителя лабораторіи, какъ обращаться съ огнемъ, посудой, паяльной трубкой и проч. Но видно у служителя рука была легкая—дѣло скоро наладилось и мѣсяца черезъ два можно уже было перейти въ лабораторію медицинской химіи при анатомо-патологическомъ институтѣ.

Въ Берлинѣ я пробылъ годъ (по осень 1857), и почти все это время ушло на ученье въ двухъ лабораторіяхъ и слушаніе лекцій: Магнуса—по физикѣ, Гейнр. Розе—по анатомической химіи, Іоганна Мюллера—по сравнительной анатоміи половыхъ органовъ позвоночныхъ, дю Буа-Реймона—по физіологіи и Гоппе—по гистологіи. Однако въ концѣ лѣтняго семестра 1857 г. сталъ собирать въ свободныя минуты опытный матеріалъ для задуманной диссертаціи и литературу вопроса.

Поѣхалъ я за границу съ твердымъ намѣреніемъ заниматься физіологіей, поэтому по пріѣздѣ въ Берлинъ меня, конечно, всего болѣе потянуло на физіологическія лекціи и въ физіологическую лабораторію; но въ этомъ отношеніи пришлось нѣсколько разочароваться. Трижды знаменитый Іоганнъ Мюллеръ продолжалъ быть офиціальнымъ представителемъ каѳедры физіологіи, но давно ужеересталъ заниматься этой наукой, лекціи по физіологіи читалъ только въ лѣтніе семестры, въ три мѣсяца весь курсъ, и учениковъ-физіологовъ не принималъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ его зна-

менитый ученикъ дю Буа-Реймонъ; но онъ былъ тогда еще экстраординарнымъ профессоромъ; лекціи его были необязательны для студентовъ и не посѣщались ими, поэтому онъ читалъ, что хотѣлъ, по собственному выбору. Такимъ образомъ, въ зимній семестръ 56-го года читался въ сущности курсъ электро-физіологіи съ очень бѣглыми экскурсіями въ иннервацію сердца, кишекъ и дыхательныхъ движеній. Учениковъ у него не было, да и не могло быть, потому что лабораторія его состояла изъ единственной комнаты, въ которой онъ работалъ самъ (и куда доступа никому не было), и смежнаго съ нею коридора съ окномъ и единственнымъ простымъ столомъ у окна. Тѣмъ не менѣе, при посредствѣ слушавшаго вмѣстѣ со мною лекціи дерптскаго доктора Купфера, пожелавшаго познакомиться на дѣлѣ съ гальваническими явленіями на мышцахъ и нервахъ, мнѣ удалось заняться въ коридорѣ, вмѣстѣ съ Купферомъ, установкой Зауэрвальдовскаго гальванометра для физіологическихъ цѣлей, продѣлать опыты съ мышцами и нервами лягушки и повторить, по желанію профессора, на угрѣ только что опубликованные тогда опыты Пфлюгера съ спинно-мозговыми рефлексами. На все это потребовалось, конечно, такъ мало времени, что главнымъ мѣстомъ берлинскаго ученья стала для меня только что основанная при институтѣ Вирхова лабораторія медицинской химіи, съ ея молодымъ диригентомъ Гоппе-Зейлеромъ, милымъ, добрымъ и снисходительнымъ учителемъ, не дѣлавшимъ никакой разницы между нѣмецкими и русскими учениками. Переходъ изъ холоднаго коридора въ теплую благоустроенную лабораторію Гоппе былъ для меня очень радостнымъ событіемъ; но лекціямъ дю Буа и занятіямъ въ коридорѣ я все-таки много обязанъ: познакомивъ съ областью явленій, о которыхъ у насъ въ Россіи и помысла не было, онѣ давали въ руки средство двигаться свободно въ обширномъ классѣ явленій, составившихъ позднѣе такъ наз. общую физіологію нервовъ и мышцъ. У Гоппе-Зейлера занятія состояли главнымъ образомъ въ изученіи состава животныхъ жидкостей и были настолько приведены въ систему, что ученье шло легко и быстро. Намъ, русскимъ, какъ дѣйствительно начинающимъ, спеціальныхъ темъ онъ не давалъ, но выслушивалъ охотно приходившіе въ голову планы и помогалъ совѣтомъ и дѣломъ осуществлять ихъ, если тема оказывалась разумной и удобоисполнимой. Такъ, онъ вполнѣ одобрилъ задуманный мною планъ заняться острымъ отравленіемъ алкоголемъ, естественно вызванный въ моей головѣ ролью водки въ русской жизни; и въ его же лабораторіи были произведены мною: изслѣдованіе выдыхаемаго воздуха на алкоголь, измѣреніе количества выдыхаемой пьянымъ животнымъ CO_2, вліяніе алкогольнаго

отравленія на температуру тѣла (въ артеріяхъ, венахъ и прямой кишкѣ) и опьянѣніе вдыхаемыми парами алкоголя.

Теперь нѣсколько словъ о профессорахъ, которыхъ я слушалъ въ Берлинѣ, и объ ихъ лекціяхъ,—нѣсколько словъ потому, что профессоровъ я видѣлъ лишь издали, на каѳедрѣ, и лекціи, которыя мнѣ пришлось слушать, при всей ихъ внутренней цѣнности были въ сущности элементарны.

Магнусъ считался превосходнымъ лекторомъ и крайне искуснымъ экспериментаторомъ. Позднѣе, въ Гейдельбергѣ, я слышалъ разсказъ Гельмгольтца въ его лабораторіи, какъ Магнусъ приготовлялъ для своихъ лекцій опытъ. По словамъ этого разсказа, онъ всегда старался придать опыту такую форму, чтобы при посредствѣ натяженія нитки или удара, или вообще какого-нибудь простого движенія рукой приводить въ дѣйствіе показываемый снарядъ или вызывать желаемое явленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ возникшей гораздо позднѣе берлинской «Ураніи» простенькіе физическіе приборы, приводимые въ дѣйствіе руками посѣтителей, при посредствѣ натягиванія нитей, были устроены ученикомъ Магнуса. Я попалъ на штатный курсъ экспериментальной физики для медиковъ и фармацевтовъ, читавшійся въ теченіе зимняго семестра. Курсъ по необходимости былъ элементарный (въ $6^1/_2$ мѣсяцевъ полный курсъ физики), но былъ обставленъ очень роскошно опытами, дѣлавшимися съ такой быстротой, что не мѣшали плавности чтенія. Угольная кислота въ какую-нибудь $^1/_4$ часа превращалась у него въ комья рыхлаго снѣга, разбрасывавшагося между слушателями по аудиторіи.

Гейнрихъ Розе былъ, какъ извѣстно, знаменитый спеціалистъ по аналитической химіи и читалъ эту крайне полезную, но въ сущности скучноватую матерію съ величайшимъ увлеченіемъ. Больно было видѣть, съ какой неделикатностью держали себя нѣмецкіе студенты на лекціяхъ бѣднаго старика, страдавшаго сильнымъ геморроемъ. Онъ былъ очень высокаго роста, читалъ стоя и по временамъ долженъ былъ сильно присѣдать за каѳедрой по причинѣ болѣзни, что́ и вызывало всегда хихиканье слушателей.

Прежде чѣмъ говорить о Іог. Мюллерѣ, нужно замѣтить, что, пріѣхавъ въ Берлинъ и намѣреваясь слушать университетскія лекціи, я думалъ, что сдѣлать это иначе нельзя, какъ поступивъ въ университетъ студентомъ, и сталъ таковымъ—представлялся вмѣстѣ съ прочими вновь поступившими студентами тогдашнему ректору Тренделенбургу, выслушалъ отъ него наставительную рѣчь и, подобно всѣмъ прочимъ, удостоился рукопожатія. Затѣмъ внесъ казначею плату за всѣ перечисленные выше курсы и между прочимъ

плату за занятія въ сравнительно-анатомическомъ музеѣ Іог. Мюллера. Съ квитанціей отъ казначея нужно было являться къ профессорамъ и они выдавали разрѣшительныя карточки. Такимъ образомъ мнѣ пришлось явиться къ Іог. Мюллеру въ его Sprechstunde и получить отъ него разрѣшеніе посѣщать музей и заниматься для начала остеологіей рыбъ. Изъ этихъ посѣщеній однако ничего не вышло: въ комнатѣ, куда меня впускалъ служитель, кромѣ меня, никого не было; Іог. Мюллеръ туда не входилъ, а ходить къ нему съ вопросами я не рѣшался и вскорѣ совсѣмъ оставилъ эти посѣщенія да и самую мысль о сравнительной анатоміи. Тѣмъ не менѣе, изъ естественнаго желанія послушать такую знаменитость какъ Іог. Мюллеръ, я записался въ лѣтній семестръ 57-го года на его лекціи. Нужно признаться, на душѣ у меня все еще таилась вынесенная изъ Москвы наивная привычка думать, что всякій знаменитый профессоръ—непремѣнно блестящій ораторъ, и я ожидалъ услышать въ этой аудиторіи исполненную широкихъ обобщеній увлекательную рѣчь, а вмѣсто того услышалъ чисто дѣловую рѣчь, съ показываніемъ чертежей и спиртныхъ препаратовъ. Это былъ, впрочемъ, послѣдній годъ славной жизни Іог. Мюллера; и на лекціяхъ онъ имѣлъ видъ усталаго, болѣзненнаго человѣка; во всѣхъ его движеніяхъ и въ самой рѣчи чувствовалась какая-то нервность; читалъ онъ тихо, не повышая голоса, и только глаза продолжали горѣть тѣмъ неописуемымъ блескомъ, который вмѣстѣ съ славнымъ именемъ ученаго сталъ историческимъ.

То, чего я ожидалъ отъ лекцій Іог. Мюллера, проскальзывало по временамъ въ лекціяхъ его знаменитаго ученика дю Буа-Реймона; говорю «проскальзывало» потому, что аудиторія не располагала къ краснорѣчію—на его лекціяхъ этого семестра было счетомъ всего семь человѣкъ и между ними двое русскихъ, Боткинъ и я. Во всякомъ случаѣ лекціи его и по содержанію и по исполненію были привлекательны. Сюжетъ былъ для насъ совсѣмъ новый; рѣчь профессора текла плавно, свободно, и нѣмецкій языкъ звучалъ у него очень красиво. Особенно памятна мнѣ его лекція о быстротѣ распространенія возбужденія по нервамъ. Тутъ онъ положительно увлекся и разсказалъ съ жаромъ всю исторію этого открытія: сомнѣнія Іог. Мюллера въ возможности измѣрить столь быстрый процессъ, его собственныя мысли, какъ можно было бы приступить экспериментально къ этому вопросу и, наконецъ, рѣшеніе задачи его другомъ, великимъ ученикомъ того же Іог. Мюллера, Гельмгольтцемъ. Описывая міографъ Гельмгольтца, онъ назвалъ разрывающійся и возстановляющійся металлическій контактъ, въ видѣ ртутной нити, геніальнымъ пунктомъ всего способа. Въ

другой разъ, не помню по какому поводу, онъ завелъ рѣчь на лекціи о человѣческихъ расахъ и угостилъ насъ, своихъ русскихъ слушателей, замѣчаніемъ, что длинноголовая раса обладаетъ всѣми возможными талантами, а короткоголовая, въ самомъ лучшемъ случаѣ,—лишь подражательностью. Если при этомъ имѣлись въ виду россіяне вообще, то сужденіе было для нѣмца еще милостиво, потому что въ эти годы намъ не разъ случалось чувствовать, что нѣмцы смотрятъ на насъ какъ на варваровъ. Да и могло ли быть иначе,—ни въ наукѣ, ни въ промышленности россіяне не проявляли еще самостоятельности, а нашихъ короткоголовыхъ писателей Тургенева, Достоевскаго и Толстого въ Германіи еще не знали. Пока я занимался въ коридорѣ, дю Буа не вступалъ съ мной ни въ какіе разговоры, благо за тѣмъ же столомъ сидѣлъ нѣмецъ Купферъ; но черезъ два года, когда я возвращался изъ лабораторіи Гельмгольтца черезъ Берлинъ въ Россію и долженъ былъ побывать у дю Буа-Реймона (скажу послѣ, почему), то былъ встрѣченъ имъ уже очень дружелюбно; а еще черезъ два года, по моемъ возвращеніи изъ Парижа, даже положительно любезно.

Въ теченіе года, съ пріѣздомъ въ Берлинъ двухъ новыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, образовался маленькій товарищескій кружокъ. Пріѣхалъ милый Беккерсъ, бывшій хирургомъ при Пироговѣ въ Севастопольскую кампанію, и мой однокурсникъ Юнге. Первый имѣлъ заниматься хирургіей, а второй—офталмологіей. Позднѣе, по возвращеніи изъ-за границы, всѣ мы четверо попали профессорами въ петербургскую медико-хирургическую академію. У меня съ Боткинымъ занятія продолжались съ утра до 6 час. вечера (съ однимъ часомъ перерыва для обѣда въ медицинскомъ ресторанѣ Тёпфера). Послѣ занятій компанія очень часто сходилась вмѣстѣ, съ заслуженнымъ въ теченіе дня правомъ веселиться; и веселилась, потому что ресурсовъ на веселье для молодого человѣка было и тогда въ Берлинѣ не мало. Душою кружка и запѣвалой былъ жизнерадостный Боткинъ. Его любили даже старыя нѣмки, а о молодыхъ и говорить нечего. Онъ и Беккерсъ были большими любителями нѣмецкой музыки, а я былъ итальоманъ; поэтому два раза въ недѣлю, по вечерамъ, они неизбѣжно таскали меня на концерты Либиха у Кроля въ Тиргартенѣ, якобы для исправленія моего дурного музыкальнаго вкуса. Однако я остался итальоманомъ, потому что концерты имѣли ультра-классическій характеръ и Либихъ дирижировалъ съ ультра-нѣмецкимъ спокойствіемъ. Здѣсь кстати замѣтить, что, отправляясь за границу, я мечталъ побывать непремѣнно въ прекрасной Италіи; поэтому отыскалъ въ Берлинѣ учителя итальянскаго языка (итальянскаго

рефюжье, бывшаго полковника папской службы, с-ра Каландрелли) и бралъ у него уроки.

За этотъ годъ побывали мы, я думаю, во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ Берлина, не исключая и такъ наз. шпицъ-баловъ, гдѣ оставались однако зрителями, не принимая участія въ танцахъ. По своему содержанію это то же, что петербургскіе танцклассы того времени (напр., упоминаемый Щедринымъ въ его очеркахъ знаменитый танцклассъ Марцинкевича); но какая страшная между ними разница: тамъ шумъ, гамъ и танцы чуть не съ кувырканьемъ, а здѣсь (по крайней мѣрѣ въ танцовальной залѣ) полнѣйшее благочиніе. Заиграетъ, напр., музыка прелюдію къ вальсу, и вся публика—паръ, я думаю, сто—выстроится сама собою попарно другъ за другомъ вдоль стѣны. Затѣмъ дирижеръ танцевъ взмахомъ своей треуголки отдѣляетъ первую группу танцоровъ, паръ въ 25, отъ остальныхъ, и отдѣленные начинаютъ дѣйствовать, а остальные ждутъ смирно своей очереди, пока первая группа кружится. По новому взмаху треуголки танцовавшіе становятся въ хвостѣ и начинаетъ дѣйствовать вторая группа, и такъ до конца. Да и самые танцы совершаются степенно, съ чиннымъ выдѣлываніемъ всѣхъ па. Нѣтъ ни огня, ни увлеченій, но зато какая выдержанность! У насъ привыкли подсмѣиваться надъ нѣмецкой выдержкой и аккуратностью; но что же, какъ не ruhiges systematisches Verfahren во всемъ, сдѣлало въ концѣ-концовъ изъ нѣмца перваго человѣка въ Европѣ?

Зимой 56-го года познакомился съ знаменитымъ русскимъ художникомъ Александромъ Андреевичемъ Ивановымъ. Онъ пріѣжалъ въ Берлинъ на нѣсколько дней посовѣтоваться насчетъ глазъ съ Грефе. Вѣроятно, его надоумилъ ѣхать въ Берлинъ кто-нибудь изъ старшихъ братьевъ С. П. Боткина, потому что онъ пріѣхалъ съ письмомъ къ послѣднему и попалъ такимъ образомъ въ нашъ кружокъ. Пробылъ онъ всего нѣсколько дней и не могъ, конечно, не оставить по себѣ самаго отраднаго впечатлѣнія. Въ слѣдующемъ году я встрѣтился съ нимъ въ Римѣ, и рѣчь о нашемъ дальнѣйшемъ знакомствѣ будетъ ниже.

Въ августѣ 1857 года, по окончаніи лѣтняго семестра, мечта моя побывать въ Италіи наконецъ исполнилась. Съ этою цѣлью я списался съ моимъ товарищемъ по университету, милѣйшимъ малымъ и большимъ чудакомъ В., учившимся тогда въ Вюрцбургѣ. Я имѣлъ захватить его съ собой въ Вюрцбургѣ, ѣхать вмѣстѣ въ Мюнхенъ и оттуда пѣшкомъ по Тиролю. Изъ всѣхъ моихъ прогулокъ по Европѣ не было другой такой очаровательной, какъ эта, по богатству и разнообразію впечатлѣній, падавшихъ притомъ вновѣ не на холодную почву. Очень милую живую нотку вносилъ также

въ это путешествіе увлекающійся нравъ моего спутника, хотя въ началѣ пути не онъ меня веселилъ, а мнѣ пришлось его утѣшать. Полгода тому назадъ въ Берлинѣ онъ былъ платонически влюбленъ въ одну даму и горько плакалъ, прощаясь съ нею; а въ Вюрцбургѣ былъ влюбленъ, и тоже платонически, въ дочку хозяина того ресторана, гдѣ обѣдалъ, и, простившись съ нею на дебаркадерѣ желѣзной дороги, заливался въ вагонѣ горючими слезами, уткнувъ лицо въ уголъ, чтобы не замѣтили пассажиры. По счастію утѣшать пришлось не долго: уже въ Мюнхенѣ страдалецъ словно забылъ о Вюрцбургѣ и былъ всецѣло поглощенъ составленіемъ подробнаго плана путешествія на основаніи Бедекера и собранныхъ отъ туземцевъ въ Вюрцбургѣ свѣдѣній касательно тирольскихъ Sehenswürdigkeiten. Маршрутъ нашъ лежалъ черезъ Инсбрукъ и Бреннеръ въ Верону, съ небольшими отступленіями въ стороны.

Въ Мюнхенѣ, осматривая достопримѣчательности, мы были еще горожанами, но за его предѣлами преобразились въ горныхъ пѣшеходовъ съ котомками за плечами и съ твердымъ намѣреніемъ отречься, по настоянію В., отъ русской изнѣженности, въ видѣ проводниковъ, вкусной ѣды и мягкой постели на пути. Зная по Бедекеру, гдѣ слѣдуетъ идти пѣшкомъ и гдѣ можно дешево проѣхаться въ Stellwagen'ѣ (родъ очень сквернаго дилижанса), мы колесили по Тиролю, я думаю, дней десять и заплутались въ горахъ только одинъ разъ, да и то не безъ пользы, такъ какъ побывали въ захолустной тирольской деревушкѣ. Выручили насъ изъ затрудненія пастухи, указавшіе тропинку, которая вела въ деревню, лежавшую, какъ оказалось, на скотопрогонной дорогѣ. Пришли мы туда на постоялый дворъ усталые и голодные, поужинали—дѣло было уже къ вечеру—бифштексомъ во всю сковороду средней величины, съ горою картофеля, проспали ночь на сѣновалѣ, утромъ напились кофе (правда, очень сквернаго) и за все это заплатили гульденъ, т.-е. 60 коп. Вотъ какіе еще были тогда мѣста и люди въ Европѣ!

Изъ Мюнхена первымъ нашимъ этапомъ была горная солеварня Галлейнъ, гдѣ за очень небольшую плату можно было прогуляться по подземнымъ галлереямъ, спускавшимся съ верху солеродной горы до ея основанія. Здѣсь соль добывалась выщелачиваніемъ горной породы, съ каковой цѣлью въ массѣ горы дѣлались большія выемки, въ видѣ комнаты, выходъ изъ нея запирался, а черезъ входъ комната наполнялась водой и оставалась запертой до тѣхъ поръ, пока вода не насыщалась солью до извѣстнаго процента. Затѣмъ разсолъ спускался изъ комнаты въ градирню. Въ шахтахъ, по которымъ водили посѣтителей, былъ очень оригинальный спо-

собѣ сообщенія верхнихъ этажей съ нижними. На посѣтителя надѣваютъ кожаные штаны, на правую руку кожаную рукавицу, а въ лѣвую даютъ зажженный фонарь. Въ этомъ снаряженіи посѣтитель садится у входа въ темную шахту верхомъ на бревно, упираясь ногами въ землю и ухвативъ правою рукою канатъ; затѣмъ раздается команда проводника освободить ноги, и сѣдокъ неудержимо летитъ въ темную пропасть, скользя по гладкому, какъ стекло, бревну. При концѣ спуска сильно наклонное бревно дѣлаетъ, должно быть, постепенный выгибъ къ горизонту, потому что скольженіе, замедляясь само собою, почти совсѣмъ останавливается. Это была, конечно, самая пріятная часть подземной прогулки; но въ концѣ ея, въ самомъ нижнемъ этажѣ шахтъ, насъ ожидали новые сюрпризы: огромная пещера съ подземнымъ озеромъ, иллюминованная десяткомъ шкаликовъ, прогулка по озеру въ лодкѣ и высадка на узкоколейную желѣзную дорогу, по которой васъ мчатъ въ непроницаемомъ мракѣ невидимыя силы и выносятъ внезапно на свѣтлый вольный воздухъ.

Если бы у меня была хорошая привычка вставать лѣтомъ съ восходомъ солнца, то я, конечно, вспоминалъ бы очень часто прогулку по Тиролю въ прохладные часы лѣтняго утра, безъ заботъ и принужденія, съ какимъ-то чувствомъ свободы на душѣ. Но все это было такъ давно и на душу легло съ тѣхъ поръ столько другихъ схожихъ, но болѣе красивыхъ впечатлѣній (черезъ два года, лѣтомъ 1859, мнѣ довелось пройти пѣшкомъ, въ компаніи съ Дм. Ив. Менделѣевымъ, весь Berner Oberland), что изъ всего этого странствованія по Тиролю въ памяти остался только Берхтесгаденъ, его нѣсколько мрачное, но все же очень живописное озеро (Кёнигзее), съ нарядными бойкими лодочницами, и красивыя снѣговыя горы на заднемъ планѣ картины. До Мерана шли и ѣхали по заранѣе составленному маршруту, а въ Меранѣ встрѣтились съ вюрцбургскимъ профессоромъ ботаники (кажется, по фамиліи Schlenk) и по его совѣту свернули вправо къ перевалу черезъ Альпы, въ долину Комскаго озера. Этотъ перевалъ черезъ monte Stelvio (Stilfser Joch) по почтовой австрійской дорогѣ, на высотѣ 7000 фут., остался у меня въ памяти. Помню, что мы ночевали у подножія горы, встали съ восходомъ солнца и стали подниматься въ 6 час. утра. Въ 12 час. были уже на вершинѣ перевала, выше линіи вѣчныхъ снѣговъ, съ панорамой снѣговыхъ горъ вокругъ, и на границѣ страстно желанной мною Италіи. Помню, какое радостное чувство охватило меня при мысли, что я уже въ Италіи, и какъ я пустился бѣжать на виднѣвшуюся невдалекѣ почтовую станцію. Здѣсь уже были другія лица, другая одежда, красивая итальянская рѣчь и даже

красное вино, вмѣсто неизбѣжнаго до тѣхъ поръ пива. Отсюда мы, кажется, прямо доѣхали до Колико и затѣмъ пароходомъ по озеру до Белладжіо, показавшагося мнѣ земнымъ раемъ. Здѣсь мы пробыли, я думаю, дня два, потому что много бродили по окрестностямъ, посѣтивъ конечно виллу Сербеллони; наняли лодку безъ проводника и нѣсколько разъ катались вдвоемъ по озеру. В. былъ очень искусный пловецъ, и въ одну изъ этихъ прогулокъ, когда мы были уже далеко отъ берега, ему вздумалось выкупаться. Сказано—сдѣлано. Скорый какъ всегда, В. раздѣлся въ одну минуту, свалилъ всю одежду въ кучу, всталъ на бортъ лодки и—бухъ въ озеро. Черезъ нѣсколько секундъ слышу отчаянный крикъ: «мое пальто, мои деньги!» Смотрю, подлѣ лодкѣ по водѣ плаваетъ, распластавшись, его злополучное пальто. По счастію удалось вынуть его вмѣстѣ съ бумажникомъ въ боковомъ карманѣ, всѣмъ богатствомъ В. Здѣсь я простился съ своимъ милымъ спутникомъ—его потянуло въ Швейцарію,—а самъ черезъ Миланъ отправился въ Венецію. Не помню, случилось ли это по уговору или нѣтъ, но въ Миланѣ я съѣхался съ С. П. Боткинымъ, и какъ разъ въ день пріѣзда туда тогдашняго ломбардскаго намѣстника эрцгерцога Максимиліана (впослѣдствіи несчастнаго мексиканскаго императора), только что вернувшагося на свой постъ послѣ женитьбы. Во всякомъ случаѣ я помню ясно, что вечеромъ гулялъ съ С. П. Боткинымъ по горѣвшимъ огнями улицамъ Милана съ толпами подвыпившаго народа, распѣвавшаго громкія пѣсни; но изъ Милана я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ одинъ и пріѣхалъ въ Венецію часовъ въ 10-ть вечера. Въѣзжать въ этотъ очаровательный городъ въ первый разъ нужно именно ночью, потому что днемъ, въ первую поѣздку по каналамъ, вы наслаждаетесь лишь новизною зрительныхъ, притомъ совершенно отчетливыхъ впечатлѣній, а ночью, при тускломъ освѣщеніи каналовъ, мелькающихъ мимо васъ смутнымъ таинственнымъ образомъ, вы окружены невозмутимой тишиной, безъ единаго звука, кромѣ легкихъ всплесковъ воды подъ весломъ гондольера. Плывешь прямо-таки очарованный. Остановился въ здравствующемъ доселѣ Hotel di Luna изъ-за заманчивости его названія, и хорошо сдѣлалъ, потому что изъ отеля площади св. Марка не видно, а между тѣмъ она отъ него всего въ двухъ шагахъ, которые я, конечно, не преминулъ сдѣлать черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ. Кто бывалъ въ Венеціи, знаетъ, какое впечатлѣніе производитъ эта площадь на новичка вечеромъ, когда по ея длиннымъ боковымъ фасадамъ горятъ въ магазинахъ и кофейняхъ тысячи огней, а на заднемъ планѣ вырисовываются на темномъ небѣ общеизвѣстные изъ картинъ контуры кампанилы, собора и кузне-

цовъ съ ихъ колоколомъ. Заманчивый по имени отель оказался однако не по моему карману, и въ слѣдующее же утро я нашелъ дешевенькую меблированную комнату въ отдаленной части Riva degli schiavoni, почти насупротивъ существовавшихъ тогда въ этомъ мѣстѣ купаленъ. Въ морской водѣ я съ дѣтства не купался, поэтому въ первый же день посѣтилъ это заведеніе, состоявшее изъ отдѣльныхъ клѣточекъ, въ которыхъ можно было только стоять по плечи въ водѣ, но никакъ не плавать. Какъ человѣку, изучавшему химію, мнѣ, конечно, слѣдовало бы знать несовмѣстимость мыла съ морской водой; но я упустилъ это изъ виду и превратилъ свою прическу въ хаосъ твердыхъ вихровъ. Къ счастью въ каждой клѣточкѣ находился кувшинъ прѣсной воды, и дѣло поправилось. Тутъ же я узналъ, что въ морѣ голову мыть слѣдуетъ глиной. Въ Венеціи я имѣлъ возможность осмотрѣть всѣ ея достопримѣчательности и даже наскучаться вдоволь, потому что пробылъ въ ней противъ воли недѣли двѣ по слѣдующему случаю. Передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена я отправилъ свой чемоданъ черезъ экспедитора въ Венецію, и прибылъ этотъ багажъ на мѣсто примѣрно черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда,—прибылъ, но съ потерей пломбы при переѣздѣ черезъ границу между Баваріей и Австріей, вслѣдствіе чего экспедиторъ не могъ якобы получить его изъ таможни, или точнѣе могъ, но лишь при условіи взноса въ таможню 700 гульденовъ, чего онъ сдѣлать, конечно, не пожелалъ. По его словамъ, мнѣ оставалось или ждать, пока тянется дѣло о пропажѣ пломбы, или отдать дѣло полученія багажа безъ оной въ руки адвоката. Не знаю, самъ ли я додумался до третьяго способа дѣйствія или кто мнѣ посовѣтовалъ, но вмѣсто адвоката я пошелъ къ русскому консулу, разсказалъ ему всю исторію и черезъ нѣсколько дней получилъ отъ него бумагу въ таможню, по которой чемоданъ былъ мнѣ выданъ.

Отсюда я направился безъ остановки во Флоренцію. Большая часть пути шла черезъ тогдашнія папскія владѣнія (черезъ Феррару и Болонью) безъ желѣзной дороги, поэтому пришлось ѣхать въ дилижансѣ и къ тому же сидѣть противъ старой англичанки, т.-е. ѣхать чуть не всю дорогу, поджавши ноги. Можетъ быть, по этой причинѣ никакихъ пріятныхъ воспоминаній объ этомъ переѣздѣ не осталось. Во флоренціи я встрѣтился съ братомъ С. П. Боткина, Павломъ Петровичемъ, котораго зналъ немного въ Москвѣ и который былъ совсѣмъ непохожъ на своего брата.

О немъ мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ, потому что онъ сыгралъ существенную роль въ одномъ римскомъ происшествіи, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Онъ учился въ университетѣ на

юридическомъ факультетѣ, но чиновникомъ не былъ и жилъ безъ дѣла, въ свое удовольствіе, то въ Петербургѣ (съ братомъ художникомъ), то въ Москвѣ гостилъ въ семьѣ фирмы. Рыхлаго тѣлосложенія блондинъ, съ одутлымъ, гладко выбритымъ лицомъ, мягкимъ, словно безъ костей, тѣломъ и такими же мягкими манерами, онъ былъ похожъ на сытаго католическаго священника среднихъ лѣтъ, и самъ себя признавалъ старымъ холостякомъ. Былъ большой любитель театра, особенно балета, и еще большій любитель женской красоты. Млѣлъ и соловѣлъ при видѣ красиваго женскаго лица и, если можно, выражалъ передъ кумиромъ данной минуты свои сладостные восторги словами, глазами и тѣлодвиженіями. Немного, можетъ быть, и увлекался, но былъ по природѣ комедіантъ, легко входилъ въ роль и разыгрывалъ комедіи съ большимъ увлеченіемъ. Эту черту его характера я узналъ позднѣе; узналъ, что между людьми, знавшими его близко, онъ самъ подсмѣивался надъ своими восторгами. Любилъ онъ пламенно только самого себя и не могъ равнодушно говорить о случавшихся съ нимъ бѣдахъ. Разъ онъ при мнѣ разсказывалъ у Сергѣя Петровича о своемъ путешествіи по финляндскимъ озерамъ, и когда сталъ передавать ужасный моментъ, какъ при сходѣ съ парохода въ лодку оступился и полетѣлъ головой внизъ въ озеро, то голосъ у него задрожалъ и на глазахъ выступили слезы. Но у С. П., знавшаго комедіаничанье своего брата, вмѣсто восклицаній участія вырвался смѣхъ, и спасенный утопленникъ, нисколько не обидѣвшись, закончилъ разсказъ описаніемъ трогательной сцены, какъ онъ очнулся голый подъ руками растиравшихъ его матросовъ и въ порывѣ благодарности сталъ со слезами цѣловать этихъ чухонцевъ. Повторяю опять, эту сторону его характера я узналъ позднѣе, а тогда считалъ его дѣйствительно способнымъ на увлеченія съ нѣкоторымъ некрасивымъ элементомъ.

Бѣганье по улицамъ милой Флоренціи (ее я оцѣнилъ настоящимъ образомъ позднѣе, въ третій пріѣздъ) и ея картиннымъ галлереямъ продолжалось дня три, и затѣмъ мы вмѣстѣ отправились черезъ Пизу въ Ливорно, отсюда пароходомъ въ Чивитавеккію и Римъ. Въ Римѣ у П. П. были знакомые между русскими художниками, и онъ намѣревался прожить въ немъ недѣли двѣ, а то и болѣе. Поэтому, должно быть, въ первый же день пріѣзда сбѣгалъ въ caffe greco, тогдашнее мѣсто сходки русскихъ художниковъ, и, вѣроятно черезъ посредство кого-нибудь изъ нихъ, нанялъ для насъ обоихъ двѣ меблированныя комнаты съ молодой и красивой хозяйкой римлянкой. Тамъ же, конечно, узналъ адресъ Ал. Андр. Иванова, побывалъ у него и познакомился съ этимъ очаровательнымъ,

милымъ старикомъ съ чистой, младенческой душой. Съ первыхъ же дней въ нашей квартирѣ устроились вечерніе чаи, и Ал. Андр. сталъ на нихъ бывать частымъ гостемъ. Незадолго до этого времени онъ познакомился съ «Жизнью Христа» Штраусса и такъ увлекся книгой, что рѣшилъ писать рядъ картинъ изъ жизни Спасителя по этому сочиненію. Но прежде всего счелъ нужнымъ съѣздить къ Штраусу за совѣтами и указаніями на необходимые для художника источники. Поѣздка эта совершилась (въ какой-то маленькій городокъ около Штуттгарта, гдѣ жилъ Штрауссъ) до нашего пріѣзда въ Римъ, и Ал. Анд. остался въ общемъ очень доволенъ ею, хотя бесѣды двухъ стариковъ шли, по собственнымъ словамъ Ал. Андр., туговато: живописецъ не говорилъ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ итальянскаго, а Штрауссъ по-итальянски не говорилъ и, чтобы быть понятнымъ собесѣднику, говорилъ по латыни. Тѣмъ не менѣе старикъ нашъ пріобрѣлъ, по указанію Штраусса, нѣсколько книгъ и между ними одну очень важную для него на англійскомъ языкѣ (названія не помню), въ которой описывался храмъ Соломона изъ временъ Христа по Іос. Флавію. Узнавъ, что я немного маракую по-англійски, онъ убѣдительно просилъ меня просмотрѣть эту книгу и помочь ему сличить показанія относительно размѣровъ стѣнъ и внутренняго устройства храма съ данными другихъ источниковъ, по которымъ онъ уже началъ вычерчивать планъ храма. Я, разумѣется, съ радостью согласился, и дѣло устроилось слѣдующимъ образомъ: нѣсколько разъ въ недѣлю я приходилъ въ его квартиру, читалъ ему англійскую книгу по-русски, а онъ, сидя за начерченнымъ планомъ съ циркулемъ въ рукѣ, то свѣрялъ размѣры, то вносилъ казавшееся ему нужнымъ въ свою записную книжку. Если бы я не прерывалъ самовольно по временамъ чтенія, чтобы покурить и сказать нѣсколько словъ, относящихся къ дѣлу, то старикъ навѣрное оставлялъ бы меня читать безъ передыху часы—такъ онъ увлекался работой, продолжавшейся обыкновенно вплоть до обѣденнаго времени. Здѣсь кстати замѣтить, что желудокъ Ал. Андр. былъ въ большомъ безпорядкѣ, потому что онъ плохо переносилъ ѣду и нерѣдко страдалъ послѣ обѣда рвотой. Объяснялъ онъ это однако— и совершенно серьезно—не разстройствомъ желудка, а существованіемъ въ Римѣ un partito nemico (его собственныя слова), враждебной партіи, которая подкупала служителей трактировъ, гдѣ онъ обѣдалъ, отравлять его. Всего меньше онъ страдалъ (опять его собственныя слова) отъ рыжаго прислужника въ трактирѣ Falcone, поэтому мы и отправлялись обѣдать почти всегда въ это заведеніе.

Прежде чѣмъ мои утра устроились такимъ образомъ, мы съ П. П. успѣли побывать въ наиболѣе знаменитыхъ мѣстахъ Рима

и между прочимъ въ капеллѣ Святой Лѣстницы при Латеранскомъ соборѣ. У входа этой часовни стоялъ монахъ и давалъ усерднымъ посѣтителямъ наставленія относительно способа почитанія святыни. Первая, послѣдовавшая этимъ наставленіямъ была старушка, а за нею поползъ и П. П., но, не дойдя и до половины лѣстницы, поползъ назадъ. Затѣмъ съ умиленнымъ лицомъ и съ видомъ сокрушенія онъ далъ понять пантомимами монаху, что не смогъ довести усердія до конца, а выйдя изъ капеллы, помиралъ со смѣху, вспоминая фигуру ползущей передъ нимъ старушки. Зная лишь нѣсколько словъ по-итальянски, П. П. былъ вообще вынужденъ въ Италіи пускать въ ходъ пантомиму, въ которой былъ, какъ балетоманъ, большой мастеръ, и ею же, съ примѣсью французскихъ словъ, ему приходилось плѣнять нашу милую хозяйку, синьору Марію.

Молодая, тоненькая, стройная, съ чертами лица Мадонны дель Сарто, но живая и веселая, она съ первыхъ же бѣглыхъ встрѣчъ стала интересовать П. П. гораздо больше всѣхъ достопримѣчательностей Рима, взятыхъ вмѣстѣ; и онъ сумѣлъ повести дѣло такимъ образомъ, что очень скоро приручилъ ее къ нашему обществу и его галантерейностямъ. Очень помогли ему въ этомъ отношеніи устроенные имъ вечерніе русскіе чаи. Врагъ всякаго физическаго безпокойства (въ Петербургѣ онъ держалъ лакея, который не только одѣвалъ его съ головы до ногъ, но даже причесывалъ ему голову), онъ упросилъ синьору Марію быть хозяйкой этихъ вечеровъ, ссылаясь на свою неловкость и русскіе обычаи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любезничалъ такъ почтительно, что она согласилась и стала ежедневной гостьей въ комнатѣ, служившей намъ салономъ. Прошло нѣсколько такихъ вечеровъ, и устроилась поѣздка въ Тиволи втроемъ, т.-е. съ хозяйкой. Поѣхали мы туда въ нанятой на цѣлый день коляскѣ; по пріѣздѣ легкій завтракъ, потомъ катанье на ослахъ, гулянье по парку и возвращеніе назадъ, когда жара уже спала. Поѣздка эта, кончившаяся сытнымъ обѣдомъ съ виномъ, такъ подѣйствовала на синьору Марію, что, не доѣзжая Рима, она заснула въ коляскѣ съ разгорѣвшимся лицомъ подъ лучами заходившаго прямо противъ насъ солнца. Не думаю, чтобы даже художникамъ могла сниться болѣе изящная спящая красавица, чѣмъ наша падрона въ эти минуты. Сожитель мой сидѣлъ нѣмой отъ восторга, да и я былъ сильно тронутъ, но на иной, чѣмъ онъ, нисколько не матеріальный, ладъ. Эта поѣздка была поворотнымъ кругомъ въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Онъ сталъ пересаливать въ своемъ ухаживаньи, а я сталъ возмущаться его масляными взглядами и все менѣе и менѣе церемонными подходами. Мало-по-малу дѣло

дошло до того, что синьора Марія стала казаться мнѣ бѣдной, беззащитной жертвой въ рукахъ богатаго сатира. Въ это заблужденіе ввела меня ея манера реагировать на его ухаживанья. Какъ очень красивая женщина и какъ хозяйка меблированныхъ комнатъ, она, конечно, должна была привыкнуть къ любезностямъ подобнаго рода и въ мое отсутствіе вѣроятно отвѣчала на нихъ смѣхомъ, но въ моемъ присутствіи, видя, что я отношусь къ ней иначе, и вѣроятно замѣчая, что любезности П. П. производятъ на меня непріятное впечатлѣніе, она не знала, какъ ей отвѣчать на нихъ, неловко отшучивалась, по временамъ даже краснѣла и съеживалась. А Павелъ Петровичъ, какъ я узналъ впослѣдствіи отъ С. П., замѣчая, что я тронутъ падроной и будто бы ревную его къ ней, поддразнивалъ меня своими любезностями. Сколько времени дѣйствовали на меня эти раздражающія вліянія, не помню; но они успѣли довести мою нервную систему до такого состоянія, которое неизбѣжно кончается взрывомъ; и взрывъ произошелъ неожиданный, нелѣпый.

До того достопамятнаго дня, когда онъ случился, гостями за вечернимъ чаемъ бывали у насъ только Ал. Андр. и какой-то знакомый П. П. изъ Петербурга, глухой чиновникъ; въ этотъ же разъ, не предупредивъ ни меня, ни хозяйку, онъ привелъ человѣкъ пять русскихъ художниковъ. Передъ ихъ приходомъ я сидѣлъ въ нашемъ салонѣ съ синьорой Маріей и бесѣдовалъ съ нею самымъ мирнымъ образомъ; когда же гости появились въ дверяхъ этой комнаты, она вскочила со стула испуганная, и я невольно вслѣдъ за нею; она стала прятаться за моей спиной, а я сталъ закрывать ее отъ взглядовъ остолбенѣвшей компаніи. Сцена эта продолжалась, конечно, лишь нѣсколько мгновеній и кончилась тѣмъ, что синьора Марія убѣжала черезъ другія двери къ себѣ, а я, растерявшійся и сильно сконфуженный, едва смогъ раскланяться съ пришедшими и тотчасъ же уплелся въ свою комнату, схватилъ шапку и—вонъ изъ дома. Чай вѣроятно не состоялся, потому что, вернувшись часа черезъ два, я нашелъ нашу квартиру уже пустой, заперся въ своей комнатѣ и предался размышленіямъ, въ которыхъ вопросъ, почему синьора Марія испугалась, не былъ затронутъ (впослѣдствіи я узналъ, что одинъ изъ гостей игралъ нѣкоторую роль въ ея прошломъ), а на первый планъ выступало мое дурацкое поведеніе, придавшее разыгравшейся сценѣ такой видъ, словно мы были накрыты на мѣстѣ преступленія,—поведеніе, компрометировавшее бѣдную, беззащитную дѣвушку. Плодомъ этихъ размышленій было написанное въ ту же ночь письмо, въ которомъ виновникъ скандала предлагалъ руку и сердце скомпрометирован-

ной имъ беззащитной дѣвушкѣ. На слѣдующее утро я нашелъ возможность сунуть ей это письмо въ руки и убѣжалъ къ Ал. Андр. Если бы я разсказалъ ему въ этотъ же день всю исторію, то дѣло могло бы принять иной оборотъ, но я смолчалъ, и вечеромъ того же дня сталъ женихомъ болѣе удивленной, нежели обрадованной невѣсты, взявъ съ нея слово молчать до поры, до времени. Вскорѣ послѣ этого П. П. уѣхалъ, запрещеніе было снято, и когда я, съ своей стороны, сказалъ Ал. Андр., что намѣренъ жениться на синьорѣ Маріи, онъ былъ огорченъ самымъ искреннимъ образомъ и уговорилъ меня отложить свадьбу до окончанія моего ученія за границей. Быть женихомъ, когда знаешь, что невѣста идетъ за тебя не по любви, и къ тому же не умѣть говорить съ нею на ея языкѣ какъ слѣдуетъ,—очень невесело; да и она, слава Богу, не играла роли счастливой невѣсты; поэтому наша близость ограничилась цѣлованьемъ лишь при прощаніи, да и оно произошло безъ нѣжностей и безъ слезъ съ той и другой стороны. Уѣхалъ я изъ Рима въ концѣ октября въ почтовой каретѣ до Анконы, отсюда пароходомъ въ Тріестъ и далѣе въ унылый Лейпцигъ. Здѣсь я получилъ нѣсколько писемъ отъ Ал. Андр. съ нѣкоторыми свѣдѣніями касательно невѣсты; пылъ прошелъ, и вся исторія кончилась моимъ письмомъ къ синьорѣ, въ которомъ я извѣщалъ ее, что не могу выполнить даннаго обѣщанія вслѣдствіе непреодолимаго сопротивленія родныхъ. Слава Богу, я не сдѣлалъ ей, по письмамъ Ал. Андр., никакого зла.

Когда я былъ въ университетѣ на послѣднемъ курсѣ, то узналъ о существованіи вышедшаго тогда учебника физіологіи Функе, а въ Берлинѣ слышалъ, что Гоппе-Зейлеръ былъ его товарищемъ или по университету, или по лабораторіи Лемана, тогдашняго представителя физіологической химіи, и это обстоятельство было причиной, что на зимній семестръ 57 года я отправился въ Лейпцигъ. Городъ этотъ я назвалъ унылымъ, и во внѣ-ярмарочное время онъ былъ дѣйствительно таковымъ, притомъ же поѣздка въ Италію, съ только что описаннымъ происшествіемъ, обошлась слишкомъ дорого для моего не тугого кармана, такъ что пришлось вести здѣсь спартанскую жизнь, и вдобавокъ ко всему безъ товарищей, въ совершенномъ одиночествѣ. Въ памяти остались дешевые лейпцигскіе обѣды: за 5 зильбергрошей (15 коп.) можно было получить тарелку супа, полпорціи мяса, mit Gemüse, и въ видѣ десерта Hausbrod (нашъ ржаной ситный), à discrétion, съ жомкомъ посоленнаго творога съ тминомъ, тоже à discrétion. Помню также мою добрую квартирную хозяйку, какъ она, по моей просьбѣ, замѣнила утренній кофе, изъ-за излишней прибавки къ нему цикорія, чаемъ

очень страннаго запаха, и на мой вопросъ: откуда такой ароматъ въ чаѣ? отвѣчала, что она подмѣшивала къ нему для запаха гвоздику.

Функе былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ (представителемъ каѳедры все еще состоялъ знаменитый Эрнстъ-Гейнрихъ Веберъ, но уже не читавшій, по старости, физіологіи), и лабораторія его, состоявшая изъ двухъ комнатъ, была обставлена очень бѣдно. Я явился туда съ готовой темой—изучать вліяніе алкоголя на азотистый обмѣнъ въ тѣлѣ, на мышцы и нервную систему. По первому изъ этихъ вопросовъ пришлось дѣлать опыты на себѣ, т.-е. измѣрять, при одномъ и томъ же пищевомъ режимѣ, суточное выдѣленіе мочевины и мочевой кислоты (въ тѣ времена сказанный обмѣнъ измѣрялся именно такъ) при нормальныхъ условіяхъ и при употребленіи алкоголя. Питался я при этомъ двѣ недѣли подъ рядъ слѣдующимъ образомъ: утромъ и вечеромъ дома одинаковыя порціи чая съ сухарями, а обѣдалъ въ находившейся поблизости къ моей квартирѣ студенческой кнейпѣ, которая оставалась весь день пустой (вечеромъ туда не пускали никого, кромѣ студентовъ той корпораціи, которыми она нанималась на годъ) и хозяинъ которой очень охотно согласился давать мнѣ ежедневно бифштексъ изъ $^{3}/_{4}$ нежирной говядины съ неизмѣннымъ по вѣсу количествомъ картофеля и бѣлаго хлѣба [1]). По второму вопросу мнѣ пришлось продѣлать впервые множество опытовъ на лягушкѣ—по упругости мышцъ, по раздражительности ихъ и двигательныхъ нервовъ, по электрическимъ свойствамъ тѣхъ и другихъ и по перевязкѣ сосудовъ и проч. Съ этой стороны занятія были очень полезны, тѣмъ болѣе что я былъ предоставленъ при опытахъ собственнымъ силамъ. Въ то время, благодаря выработаннымъ дю Буа-Реймономъ способамъ изслѣдованія и благодаря недавнимъ и много шума надѣлавшимъ опытамъ Кл. Бернара и Кёлликера съ дѣйствіемъ на нервы и мышцы кураре, опыты съ вліяніемъ различныхъ ядовъ на мышечную и нервную систему были въ большомъ ходу, и я, попутно съ изученіемъ вліянія алкоголя, повторялъ на лягушкѣ чужіе опыты съ вліяніемъ на нервы и мышцы разныхъ другихъ ядовъ. Подъ руку подвернулись между прочимъ опыты Кл. Бернара съ дѣйствіемъ сѣрно-ціанистаго калія, и, повторяя оные, я нашелъ въ нихъ ошибку. Дѣло въ томъ, что въ парижскую лабораторію тогда еще не проникли изъ Германіи различные виды электриче-

[1]) За этими обѣдами я узналъ отъ хозяина, относившагося къ своимъ вечернимъ посѣтителямъ очень дружелюбно, какъ они проводятъ время въ кнейпѣ, и слышалъ между прочимъ разсказъ о нѣкоемъ студентѣ Мотцѣ, который на пари выпилъ въ теченіе вечера (съ 6 до 12 час.) 32 кружки пива.

скаго раздраженія нервовъ и мышцъ, и Бернаръ все еще употреблялъ для возбужденія ихъ pince électrique — циркуль съ мѣднымъ и цинковымъ концами. Такимъ образомъ, описаніе на нѣмецкомъ языкѣ собственныхъ опытовъ, съ поправкой замѣченной ошибки, стало моимъ первымъ, очень не мудрымъ ученымъ произведеніемъ, удостоившимся быть напечатаннымъ. Въ Лейпцигѣ же я имѣлъ честь быть введеннымъ впервые въ хорошее нѣмецкое общество, именно на вечернее собраніе какого-то ферейна, членами котораго состояли, между прочими обывателями, профессора съ ихъ семействами. На одно изъ такихъ собраній взялъ меня съ собой Функе, обязавъ надѣть фракъ и имѣть бѣлыя перчатки. Собраніе начиналось коротенькой лекціей или разсказомъ общедоступнаго и пріятнаго для дамъ содержанія. Въ этотъ разъ очередь забавлять ихъ лекціей была за Функе, и онъ очень удовлетворилъ публику, разсказавъ, какая разница между Nahrungs und Genussmitteln. Когда же раздался сигналъ къ имѣющей начаться кадрили, онъ представилъ меня какой-то барышнѣ, сказавъ напередъ, какъ пригласить ее на кадриль, и отыскалъ намъ визави. Кадриль сошла благополучно. Передъ вальсомъ онъ представилъ меня другой дамѣ, и, покружившись съ нею нѣкоторое время, я подвелъ ее, по русскому обычаю, къ стулу, съ котораго взялъ, поклонился и сталъ удаляться, но былъ пойманъ со смѣхомъ Функе, сказавшимъ, что, по ихъ обычаямъ, пока музыка продолжаетъ играть танецъ, кавалеръ не имѣетъ права покидать приглашенную имъ даму и долженъ танцовать съ нею повторительно или по крайней мѣрѣ сидѣть подлѣ нея и занимать разговорами.

На Рождество я уѣхалъ въ Берлинъ къ моимъ милымъ товарищамъ и очень весело встрѣтилъ съ ними 1858-й годъ. Вечеромъ наканунѣ новаго года театральная зала въ заведеніи Кролля превращалась въ огромную ресторанную залу со множествомъ отдѣльныхъ столиковъ, за которыми пировали рядомъ съ безсемейной молодежью и семейные кружки. Благодаря послѣднему обстоятельству, и за столами безсемейныхъ могли присутствовать дамы. Было очень весело и обошлось безъ скандала. Возвращаться изъ Берлина въ Лейпцигъ было такъ тошно, что я рѣшилъ внутренно не дотянуть семестръ до конца и, получивъ отъ кого-то изъ товарищей извѣстіе, что въ лабораторіи Гоппе есть вакансія и что онъ меня приметъ, вернулся, кажется, въ концѣ февраля въ его милую лабораторію. Имѣя въ предметѣ включить въ диссертацію вліяніе алкоголя на отправленія печени, я считалъ нужнымъ набить руку въ количественномъ анализѣ желчи на ея составныя части и сталъ заниматься этимъ вопросамъ. Вѣроятно, въ это же время занимался

добываніемъ гликогена изъ печени. Боткина въ это время въ Берлинѣ не было; онъ былъ, кажется, временно въ Москвѣ и хворалъ тамъ первыми припадками желчной колики. Помню этотъ маленькій промежутокъ времени еще потому, что, страдая ни съ того, ни съ сего одышкой, разъ такъ сильно испугалъ добрую толстую Frau Krüger, хозяйку Боткинской квартиры, въ которой я поселился, что она привела ко мнѣ участковаго доктора, которому я долженъ былъ заплатить 20 зильбергрошей за визитъ и рецептъ, въ которомъ мнѣ предназначалось выздоровѣть отъ употребленія малиноваго сиропа, подкисленнаго фосфорной кислотой. И выздоровѣлъ.

Не знаю, надоумилъ ли меня какой-нибудь добрый человѣкъ или я самъ собственнымъ умомъ дошелъ до рѣшенія ѣхать отсюда къ Людвигу въ Вѣну, но весной 1858 года я былъ уже у этого несравненнаго учителя, славившагося тогда вивисекторскимъ искусствомъ, равно какъ важными работами по кровообращенію и отдѣленіямъ, и сдѣлавшагося впослѣдствіи интернаціональнымъ учителемъ физіологіи чуть ли не для всѣхъ частей свѣта. Чтобы занять такое положеніе, одной талантливости было мало (у Гельмгольтца, пока онъ былъ физіологомъ, и у дю Буа-Реймона, во всю его продолжительную дѣятельность, лабораторныхъ учениковъ было наперечетъ); помимо таланта и разнообразія свѣдѣній, нужны еще были извѣстныя черты характера въ учителѣ и такіе пріемы обученія, которые дѣлали бы для ученика пребываніе въ лабораторіи не только полезнымъ, но и пріятнымъ дѣломъ. Неизмѣнно привѣтливый, бодрый и веселый какъ въ минуты отдыха, такъ и за работой, онъ принималъ непосредственное участіе во всемъ, что предпринималось по его указаніямъ, и работалъ обыкновенно не самъ по себѣ, а вмѣстѣ съ учениками, выполняя за нихъ своими руками самыя трудныя части задачи и лишь изрѣдка помѣщая въ печати свое имя рядомъ съ именемъ ученика, работавшаго болѣе чѣмъ наполовину руками учителя. Однако, пока Людвигъ жилъ въ Вѣнѣ, профессорствуя въ маленькой военно-медицинской школѣ (Josephinum), развернуться этимъ качествамъ вширь было негдѣ. Лабораторія его состояла изъ трехъ комнатъ: очень маленькой библіотеки (его кабинетъ), аудиторіи человѣкъ на 50 и такъ наз. мастерской, въ которой работалъ извѣстный, конечно, всѣмъ Людвиговскимъ ученикамъ лабораторный служитель Зальфенмозеръ, правая рука профессора. Къ этому нужно прибавить, что школа была закрытымъ заведеніемъ; лабораторія, по уставу, не предназначалась для практическихъ занятій учащихся, и профессоръ не получалъ гонорара со студентовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ за весь годъ моего пребыванія тамъ въ лабораторіи работали только двое (сна-

чала Вильгельмъ Мюллеръ и я, потомъ я и Максъ Германнъ, оба мои соработника, крайне милые люди) и не платили за право работать ни копейки.

Къ Людвигу я явился безъ рекомендаціи и былъ первымъ московитомъ, котораго онъ увидѣлъ (впослѣдствіи онъ умѣлъ различать въ русскихъ три типа, подъ названіями петербуржцы, московиты и малороссы). Разговаривая со мной о выраженномъ мною намѣреніи заняться вліяніемъ алкоголя на кровообращеніе и поглощеніе кровью кислорода, онъ сдѣлалъ мнѣ родъ экзамена по физіологіи, и, должно быть, удовлетворился отвѣтами, потому что пустилъ въ лабораторію. Мѣсто я получилъ въ мастерской, гдѣ работали всѣ вообще его вѣнскіе ученики, а Зальфенмозеру было поручено помогать мнѣ при опытахъ.

Пока я валандался съ поглощеніемъ кровью кислорода и кимографическими кривыми нормальнаго и пьянаго животнаго,—а на это, при моей тогдашней неопытности, ушелъ весь лѣтній семестръ,— Людвигъ не принималъ никакого участія въ судьбѣ моихъ опытовъ, спрашивая лишь время отъ времени, все ли у меня благополучно, и зная, конечно, отъ Зальфенмозера, что внѣшнимъ образомъ опыты идутъ безъ скандала. Интересоваться ими Людвигъ, конечно, не могъ и, можетъ быть, присматривался къ московиту. Единственное вниманіе его ко мнѣ выражалось слѣдующимъ образомъ: въ тѣ утра, когда онъ не работалъ съ В. Мюллеромъ [1]) и самъ продолжалъ свои опыты съ иннерваціей слюнной железы, я приглашался ассистировать ему въ этихъ опытахъ. Они заключались въ графическомъ изображеніи актовъ выдѣленія слюны на поверхности вращающагося барабана, въ видѣ нисходящихъ кривыхъ. Съ этой цѣлью маленькій сосудъ, въ который втекала слюна подчелюстной железы, былъ снабженъ пишущей иглой и, будучи подвѣшенъ на крайне слабой (т.-е. сильно растяжимой) пружинѣ, опускался между двумя правилами, безъ тренія, непрерывно внизъ, по мѣрѣ наполненія слюной. Опыты эти были для меня не только интересны и поучительны, но еще и занимательны, потому что профессоръ, тогда еще въ сущности молодой человѣкъ, лѣтъ 40, любилъ болтать за работой: разсказывалъ веселые анекдоты изъ древней университетской жизни, о чудакахъ профессорахъ, разспрашивалъ меня о Россіи, зналъ имя Улыбышева (кажется, такъ), какъ лучшаго,

---

[1]) Опыты эти заключались въ изученіи явленій дыханія при условіи, когда полость легкаго трахеотомированнаго животнаго сообщалась съ очень маленькимъ пріемникомъ O_2, въ видѣ колокола, погруженнаго въ ртуть, по мѣрѣ потребленія изъ него животнымъ газа. Оказалось, что когда весь газъ исчезалъ изъ-подъ колокола, изъ легочнаго воздуха исчезалъ безслѣдно весь кислородъ.

по его словамъ, критика Бетховенской музыки, интересовался Лермонтовымъ, зная его вѣроятно по нѣмецкимъ переводамъ, и разъ даже пожелалъ услышать, какъ звучатъ по-русски его стихи, на что я ему продекламировалъ «Дары Терека» съ переводомъ ихъ смысла. Когда уѣхалъ В. Мюллеръ и я остался у него одинъ, онъ еще больше приблизилъ меня къ себѣ, приглашая ассистировать и присутствовать при всѣхъ приготовляемыхъ для его лекцій опытахъ. Пускалъ бы меня, конечно, и на свои лекціи студентамъ, но не имѣлъ на это права.

Нужно ли говорить, что это было очень счастливое для меня время. Русскихъ товарищей въ этотъ семестръ у меня не было, но я былъ не лишенъ компаніи. Въ лабораторіи для бесѣдъ былъ В. Мюллеръ (впослѣдствіи профессоръ патологической анатоміи въ Іенѣ), баварецъ, эрлангенскій студентъ, влюбленный въ свою родину и ея пиво, всѣмъ довольный и жаловавшійся только на дороговизну вѣнской жизни. Разъ, на мое удивленіе по этому поводу и въ отвѣтъ на мой разсказъ о дешевизнѣ лейпцигскихъ обѣдовъ, онъ не безъ похвальбы замѣтилъ: «Это что за дешевизна! Въ Эрлангенѣ мы, студенты, могли обѣдать много дешевле и были сыты, получая тарелку супа и клёцку». Будучи знакомъ съ этимъ именемъ въ Россіи по супу съ клёцками, я, конечно, не понялъ, какъ можетъ насыщать одна клёцка студента, не отличающагося вообще слабымъ аппетитомъ, и понялъ загадку лишь тогда, когда Мюллеръ демонстрировалъ мнѣ обѣими руками ея объемъ въ видѣ шара чуть не съ человѣческую голову. Съ Мюллеромъ я пробылъ въ лабораторіи мѣсяца два, и затѣмъ мы уже не встрѣчались въ жизни; а съ другимъ моимъ товарищемъ этого времени я прожилъ въ Вѣнѣ цѣлый годъ, сошелся съ нимъ до степени дружбы, гостилъ по мѣсяцамъ въ его лабораторіи, когда мы оба были уже профессорами (онъ въ Грацѣ, а я въ Петербургѣ) и сохраняю къ нему чувство дружбы доселѣ. Благодаря Богу онъ еще живъ и сталъ для меня единственнымъ товарищемъ молодыхъ лѣтъ, тогда какъ всѣхъ моихъ друзей, описываемыхъ въ этихъ бѣглыхъ строкахъ, да и всѣхъ моихъ дорогихъ нѣмецкихъ учителей давно уже нѣтъ на свѣтѣ.

Этимъ моимъ товарищемъ сдѣлался Роллетъ, ассистентъ Брюкке, профессора физіологіи въ вѣнскомъ университетѣ. Онъ занимался тогда раствореніемъ кровяныхъ шариковъ электрическими разрядами черезъ кровь и приходилъ въ лабораторію Людвига показывать ему получавшіеся результаты. Тутъ я съ нимъ и познакомился, а затѣмъ мы стали ежедневно обѣдать въ одно и то же время въ одномъ и томъ же дешевенькомъ ресторанѣ въ Alserstrasse. Будучи безза-

вѣтно преданнымъ своему дѣлу, онъ бесѣдовалъ преимущественно о научныхъ вопросахъ и, вовсе не желая поучать, сообщалъ много интереснаго изъ того, что дѣлалось въ лабораторіи Брюкке, по части физіологической химіи и гистологіи. Говорилъ онъ медленно, какъ бы обдумывая каждое слово, и такою же обдуманностью отличались всѣ его дѣйствія. Врагъ всякой фальши и въ то же время прямой и искренній до наивности, онъ самымъ серьезнымъ образомъ поправлялъ въ разговорахъ мои грѣхи противъ члениковъ нѣмецкой рѣчи и бывалые грѣхи противъ физіологіи. Спокойный и даже нѣсколько флегматичный съ виду, онъ однако рѣзко воодушевлялся, передавая какое-нибудь выдающееся событіе въ наукѣ или жизни, рѣзко относился къ клерикаламъ, какъ врагамъ всякаго прогресса и врагамъ Австріи. Къ женскому полу относился равнодушно, вѣнокъ не любилъ, называя ихъ пустыми, жадными на роскошь вертушками. Принадлежалъ вообще къ разряду людей съ горячимъ сердцемъ, при несоотвѣтственно спокойной внѣшности. Достаточно было разъ увидѣть на его некрасивомъ лицѣ милую, добрую улыбку, чтобы знать, что это хорошій человѣкъ.

На осеннія каникулы 1858 г. я остался въ Вѣнѣ, чтобы писать диссертацію, такъ какъ собираніе собственнаго опытнаго матеріала было закончено, и здѣсь я имѣлъ возможность пополнить собиравшіяся уже ранѣе литературныя данныя по вопросу. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ были прогулки по ближайшимъ окрестностямъ, концерты Штраусса на открытомъ воздухѣ въ Volksgarten'ѣ и поѣздка на пароходѣ по Дунаю въ Ленцъ и обратно. Эта часть Дуная показалась мнѣ менѣе красивой, чѣмъ берега нашей Волги въ Костромской губерніи.

Осенью пріѣхали въ Вѣну на весь зимній семестръ Беккерсъ и Боткинъ, послѣдній женихомъ изъ поѣздки въ Москву. Свадьба его имѣла совершиться въ Вѣнѣ весной слѣдующаго года, по окончаніи зимняго семестра, для чего невѣста должна была пріѣхать въ Вѣну съ матерью. Такимъ образомъ и здѣсь, какъ въ Берлинѣ, было трое молодыхъ пріятелей, работавшихъ бóльшую часть дня и веселившихся въ часы отдыха. Вѣна, конечно, веселѣе Берлина, но веселились мы здѣсь гораздо скромнѣе, чѣмъ тамъ. Такъ, изъ всѣхъ нашихъ посѣщеній увеселительныхъ мѣстъ въ памяти у меня остались, по рѣзкой разницѣ впечатлѣній, два бала совершенно приличнаго содержанія: балъ нѣмецкихъ бюргеровъ и балъ славянъ, въ разное время, но въ одномъ и томъ же локалѣ. На первомъ изъ нихъ въ танцовальной залѣ царствовала та степень оживленія, которая присуща баламъ хорошаго общества и у насъ, тѣмъ болѣе, что, помимо обычныхъ общеевропейскихъ танцевъ, здѣсь стоялъ на

первомъ планѣ видѣнный мною тогда впервые красивый вѣнскій вальсъ, съ его медленнымъ темпомъ и красивымъ раскачиваньемъ тѣла изъ стороны въ сторону, — танецъ, безспорно красивый, но спокойный и скорѣе убаюкивающій, чѣмъ увлекающій. На славянскій балъ мы пошли съ большимъ интересомъ, такъ какъ въ объявленіяхъ было сказано, что будутъ, по желанію, національные танцы. Въ этотъ разъ, послѣ инсипидной кадрили, вальса и полекъ, составились только два національныхъ танца: скучное сербское коло, въ родѣ нашего хоровода, только безъ припѣва «вдоль по морю...», и мазурка настоящихъ поляковъ и настоящихъ полекъ. Въ жизнь мою не видѣлъ танца болѣе увлекательнаго — наша балетная мазурка въ «Жизни за царя» съ Кшесинскимъ въ первой парѣ,—жалкая пародія на этотъ огненный танецъ. Пары несутся по залѣ какъ вихорь, и польки не танцуютъ, а словно бѣгутъ подъ музыку, и бѣгутъ раскраснѣвшіяся, взволнованныя, задыхаясь. На балу бюргеровъ въ смежномъ съ танцовальной залой ресторанѣ было много шума, громкихъ разговоровъ, звона посуды, но ни единичныхъ громкихъ вскрикиваній, ни тостовъ, ни вскакиваній со стульевъ,—словомъ, никакихъ признаковъ подвыпившей компаніи. А у славянъ, въ той же самой комнатѣ, было всего вдоволь: за однимъ столомъ говорились рѣчи съ криками браво, за другимъ цѣловались; здѣсь усмиряли вскочившаго со стула оратора, дергая его за полы, а тамъ слышался раскатистый смѣхъ или стучанье кулаками по столу. Словомъ, шелъ пиръ горой.

Въ самомъ началѣ этого семестра Боткинъ и Беккерсъ, сговорившись съ другими русскими медиками, пріѣхавшими въ Вѣну, поручили мнѣ спросить у Людвига, не возьмется ли онъ прочесть имъ въ своей лабораторіи рядъ лекцій по кровообращенію и иннерваціи кровяныхъ сосудовъ. Я исполнилъ ихъ желаніе, и Людвигъ согласился, если соберется между желающими сумма въ триста гульденовъ. Сумма конечно собралась, и я былъ въ числѣ слушателей на этихъ лекціяхъ. Людвигъ принадлежалъ къ числу профессоровъ, любящихъ процедуру чтенія, и на лекціи словно смаковалъ читаемое. Съ вивисекторской стороны лекціи были обставлены роскошно и имѣли, конечно, большой успѣхъ. По окончаніи оныхъ благодарная публика пригласила профессора на устраиваемый въ честь его обѣдъ, и приглашеніе было принято. Тутъ онъ держался съ нами по-товарищески, былъ веселъ, разговорчивъ, немного подвыпилъ и послѣ обѣда игралъ со мной на бильярдѣ. Познакомился за обѣдомъ съ обоими моими друзьями и, познакомившись впослѣдствіи съ прелестной женой С. П. Боткина, былъ очень расположенъ къ этой парѣ. Насколько онъ былъ хорошъ

съ нами, можетъ показать слѣдующій маленькій случай. Беккерсъ заходилъ иногда ко мнѣ въ лабораторію, чтобы сговориться насчетъ какого-нибудь вечерняго предпріятія, и разъ онъ пришелъ въ такое время, когда Людвигъ сидѣлъ за вставленіемъ сравнительно толстой канюли въ тонкій лимфатическій сосудъ. Увидѣвъ Беккерса и зная, что онъ хирургъ, Людвигъ встрѣтилъ его словами: «Вотъ кстати пришли, извольте-ка, г. Пироговъ, сѣсть на мое мѣсто и вставить мнѣ вотъ эту штуку въ лимфатическій сосудъ; я вотъ бьюсь и вставить не могу». Беккерсъ сѣлъ и по счастію вставилъ. Со стороны Людвига это была конечно шутка, обращенная къ нравящемуся ему молодому человѣку.

Въ эту же зиму мои занятія въ лабораторіи приняли хорошій оборотъ.

Опыты примѣшиванія паровъ алкоголя къ освобожденной отъ газовъ крови, съ цѣлью изучать вліяніе его на поглощеніе кровью O_2, дали мнѣ въ прошломъ семестрѣ неудовлетворительные результаты; поэтому я сталъ думать, что было бы, можетъ быть, раціональнѣе поступать иначе: выдѣлять изъ крови нормальнаго и пьянаго животнаго содержащіеся въ ней газы и сравнивать эти величины другъ съ другомъ. Прочитавъ описаніе существовавшихъ тогда способовъ Магнуса и Л. Мейера, я не могъ не понять, что оба они неудовлетворительны—въ одномъ кровь кипятилась при комнатной температурѣ, а въ другомъ въ невозобновляемомъ пустомъ пространствѣ,—потому что я весь лѣтній семестръ выкачивалъ газы изъ крови непрерывнымъ дѣйствіемъ воздушнаго насоса и долженъ былъ въ то же время согрѣвать ее до 38—40° С., чтобы освободить отъ газовъ. Долго ли я размышлялъ, какъ выйти изъ этого затрудненія, не знаю; но въ концѣ-концовъ мнѣ пришла мысль воспользоваться имѣвшимся у меня въ рукахъ абсорпціометромъ Л. Мейера и превратить его съ небольшими измѣненіями въ кровяной насосъ съ возобновляемой пустотой и возможностью согрѣванія крови. Сказано—сдѣлано (см. приложенный схематическій чертежъ). Къ дугѣ *di* абсорпціометра *abdi* была припаяна трубка *f* (единственнымъ тогда въ Вѣнѣ старымъ дульщикомъ стекла, работавшимъ еще на масляной лампѣ), соединяющаяся каучукомъ *m* съ трубкой *g*, а на выводную трубку *c* навязывалась длиная стеклянная трубка *h*; наконецъ, трубка *ab* перерѣзывалась въ нижней части, и оба отрѣзка соединялись каучукомъ *p*. Опытъ съ такимъ снарядомъ производился слѣдующимъ образомъ: прежде всего наполнялся пріемникъ *e* съ его каучукомъ и зажимомъ *i* кровью животнаго, внѣ соприкосновенія съ воздухомъ, для чего онъ наполнялся доверху ртутью, опрокидывался въ ртутную ванну и подъ

7

его нижній конецъ подводилась трубка, по которой вытекала кровь изъ кровеносныхъ сосудовъ животнаго. Затѣмъ, при запертомъ зажимѣ *i*, пріемникъ взбалтывался, выпущенная въ него кровь дефибринировалась оставшейся въ немъ ртутью и пріемникъ навязывался на свободный конецъ дуги *di*. Послѣ этого, при запертомъ зажимѣ *l*, весь аппаратъ наполнялся ртутью, нижній конецъ трубки *h* погружался въ ртуть, запирались зажимы *m*, *n*, *p* и открывался зажимъ *l*. Если длина трубки *h* такова, что разстояніе между точками *q* и *l* превышаетъ высоту барометра, то выпусканіемъ ртути черезъ *l* въ пространствѣ *ifdq* образуется пустота. Стоитъ тогда отворить зажимъ *i*, и согрѣтая кровь, устремляясь съ силою въ пустое пространство, выталкиваетъ оставшуюся въ дугѣ *di* ртуть вонъ. Выдѣлившіеся изъ крови газы переводятся очень легко въ трубку *g*, если, открывъ зажимъ *p* и сдавивъ нѣсколько газы, открыть затѣмъ зажимъ *m*. На мѣсто газа, поступившаго въ трубку *g*, изъ нея всегда перетекаетъ соотвѣтственный объемъ ртути въ пространство *ifdq*; значитъ, операція выпусканія ртути черезъ *l* и кипяченіе крови въ пустотѣ можетъ повториться, и повторяется желаемое число разъ, пока кипяченіе не перестаетъ давать въ пустоту газа. Людвигъ, конечно, видѣлъ эти пробные опыты, и они послужили моделью для заказаннаго имъ тотчасъ же кровеноснаго насоса, который былъ отданъ въ мое распоряженіе и былъ описанъ мною въ послѣдовавшей затѣмъ работѣ съ газами артеріальной крови нормальнаго и задушеннаго животнаго. Этимъ способомъ ученіе о газахъ крови было поставлено на твердую дорогу, и эти же опыты, равно какъ длинная возня съ абсорпціометромъ Л. Мейера, были причиною, что я очень значительную часть жизни посвятилъ вопросамъ о газахъ крови и о поглощеніи газовъ жидкостями.

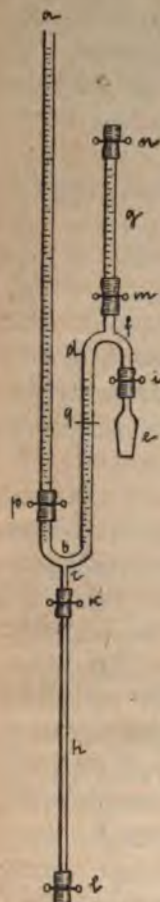

Рис. 1.

Въ эту зиму я былъ уже вхожъ въ семью Людвига, состоявшую изъ жены, очень скромной молчаливой дамы, и дочки лѣтъ пятнадцати. Разъ даже былъ во фракѣ на званомъ вечерѣ, гдѣ публика сидѣла вокругъ стола, степенныя дамы на софѣ, а дочь Людвига разносила гостямъ чай, и гдѣ между гостями былъ вѣнскій астрономъ (кажется, Littrow) со взрослой дочкой, должно быть, очень образованной дѣвицей, которая разспрашивала меня о Россіи. Съ этихъ

поръ дружеское расположеніе ко мнѣ моего милаго учителя не прекращалось вплоть до его кончины, выражаясь при всѣхъ маленькихъ переворотахъ моей жизни теплыми, участливыми письмами.

Свадьба Боткина имѣла совершиться, какъ я сказалъ, въ концѣ зимняго семестра, и время пріѣзда невѣсты настолько приближалось, что онъ уже началъ собирать нѣкоторыя украшенія въ будущій будуаръ жены (помню устроенное имъ уморительное куцое зеркало, убранное полотенцами, которое навѣрно насмѣшило его изящную невѣсту) и мы уже сшили себѣ новые фраки, такъ какъ я имѣлъ быть шаферомъ на свадьбѣ, какъ вдругъ въ одно прекрасное утро бѣдный Боткинъ просыпается съ сыпью на лицѣ, оказавшейся къ счастію вѣтряной оспой. Понятно, что это сильно испортило настроеніе духа всегда веселаго и добраго Боткина (по этому случаю, кажется, даже пріѣздъ невѣсты былъ на нѣкоторое время отложенъ); и въ это-то злополучное время понесла насъ нелегкая затѣять споръ о сути жизненныхъ явленій. Онъ былъ страстный поклонникъ Вирхова съ его целлюлярной патологіей; а я, наслушавшись завзятыхъ біологовъ-физиковъ, какими были, я думаю, чуть ли не всѣ физіологи того времени, считалъ началомъ всѣхъ началъ молекулы. При другихъ условіяхъ споръ могъ бы кончиться благотворно, поправками и уступками съ той и другой стороны, но въ данномъ случаѣ ихъ не послѣдовало, и онъ кончился со стороны Боткина справедливой для того времени поговоркой: «кто мѣшаетъ конецъ и начало, у того въ головѣ мочало», которая меня настолько обидѣла, что въ Вѣнѣ мы уже не видались болѣе, и я уѣхалъ въ Гейдельбергъ.

Привожу дословно очень важную выдержку изъ письма Людвига ко мнѣ отъ 4-го мая 1859 г., значитъ въ началѣ моего пребыванія въ Гейдельбергѣ.

«Любезный Сѣченовъ, Боткинъ уѣхалъ женатый и будетъ имѣть, конечно, пріятное и счастливое свадебное путешествіе. Въ одно изъ нашихъ частыхъ свиданій онъ сообщилъ мнѣ, что получилъ письмо отъ господина Глѣбова (Herr Kleboff), нѣкоего высокопоставленнаго чиновника въ Петербургѣ, въ которомъ говорится, чтобы вы (т.-е. я, Сѣченовъ) написали ему, какъ и гдѣ занимались физіологіей; а онъ, имѣя въ рукахъ такой документъ, могъ бы похлопотать за васъ. Исполните же это. Я просилъ Боткина, чтобы онъ написалъ вамъ объ этомъ самъ, и надѣюсь, что онъ сдѣлалъ это, такъ какъ его жена очень его уговаривала (eifrig zuredete). Какъ она жаловалась на излишнюю обидчивость Боткина, такъ и онъ на вашу. Простите, что говорю объ этомъ, но мнѣ бы такъ хотѣлось водворить согласіе между двумя людьми, каждый изъ которыхъ на

свой ладъ можетъ сдѣлать много хорошаго (jeder in seiner Art so-viel gutes wirken kann)... Поклонитесь сердечно Бунзену и Гельмгольтцу. Вѣрный вамъ К. Людвигъ».

Не помню, когда я написалъ письмо Глѣбову, но знаю, что черезъ нѣсколько дней по полученіи Людвиговскаго письма я встрѣтился съ счастливымъ, добрымъ Боткинымъ и его красавицей женой въ Гейдельбергѣ. Дѣло было, повидимому, въ какой-то праздничный день, потому что они, въ сопровожденіи Юнге (бывшаго со мной въ Гейдельбергѣ), знавшаго, куда я пошелъ гулять, нашли меня въ паркѣ около замка. Съ этихъ поръ мы уже никогда не спорили съ С. П. о клѣточкахъ и молекулахъ.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что родоначальникомъ физіологіи въ Россіи второй половины прошлаго вѣка слѣдуетъ считать Людвига. Въ его лабораторіи, вслѣдъ за мной, работали: Эйнбродтъ (проф. физіологіи въ Москвѣ), Шеферъ (проф. физіолог. химіи въ Кіевѣ), Томса (проф. физіологіи въ Кіевѣ), Щелковъ (проф. физіологіи въ Харьковѣ) и Ковалевскій (проф. физіологіи въ Казани), не считая Ал. Шмидта (сдѣлавшагося профессоромъ физіологіи въ Дерптѣ), такъ какъ этотъ могъ развиться въ физіолога дома, у Биддера.

Въ Гейдельбергъ я пріѣхалъ съ намѣреніемъ слушать лекціи у Гельмгольтца и Бунзена и работать въ обѣихъ лабораторіяхъ. Узнавъ, что у Бунзена не занимаются органической химіей, я заявилъ желаніе заниматься у него титрованіемъ и анализомъ газовъ. Узнавъ, что я медикъ, онъ предложилъ мнѣ заняться прежде всего алкалиметріей и анализомъ смѣсей атмосфернаго воздуха съ CO_2. Слышавъ про идеальную доброту и простоту Бунзена, я говорилъ съ нимъ, не смущаясь; а къ Гельмгольтцу, тогда уже великому физіологу въ глазахъ всего міра, шелъ съ трепетомъ, неся въ головѣ всю программу разговора. Пришелъ я къ нему съ слѣдующими четырьмя планами работъ: 1) изучать вліяніе на сердце совмѣстнаго раздраженія обоихъ vagi, одного въ центробѣжномъ, а другого въ центростремительномъ направленіи; 2) изучать при посредствѣ его, т.-е. Гельмгольтца, міографа различную быстроту сокращенія различныхъ мышцъ на лягушкѣ, приводя въ примѣръ большую разницу въ движеніяхъ переднихъ и заднихъ конечностей у лягушекъ самцовъ; 3) заняться, по его указанію, какимъ-либо вопросомъ изъ физіологической оптики, и 4) позволить мнѣ произвести нѣсколько опытовъ съ добываніемъ газовъ изъ молока при посредствѣ только что устроеннаго Людвигомъ кровяного насоса, который будетъ доставленъ мною (по пріѣздѣ въ Гейдельбергъ я тотчасъ же заказалъ его на свой счетъ тогдашнему механику Де-

зага). По первому пункту не получилъ никакого отвѣта, вѣроятно потому, что въ его лабораторіи не дѣлалось никакихъ вивисекцій, кромѣ какъ на лягушкахъ; на второй пунктъ Г. изъявилъ согласіе, сказавъ, что въ настоящее время съ этимъ инструментомъ уже работаютъ, обѣщалъ тему и позволилъ произвесть опыты съ молокомъ.

Что я могу сказать объ этомъ изъ ряда вонъ человѣкѣ? По ничтожности образованія приблизиться къ нему я не могъ, такъ что видѣлъ его, такъ сказать, лишь издали, никогда не оставаясь притомъ спокойнымъ въ его присутствіи, что стѣсняло его самого. Отъ его спокойной фигуры съ задумчивыми глазами вѣяло какимъ-то миромъ, словно не отъ міра сего. Какъ это ни странно, но говорю сущую правду: онъ производилъ на меня впечатлѣніе, подобное тому, которое я испыталъ, глядя впервые на Сикстинскую Мадонну въ Дрезденѣ, тѣмъ болѣе что его глаза по выраженію были въ самомъ дѣлѣ похожи на глаза этой Мадонны. Вѣроятно, такое же впечатлѣніе онъ производилъ и при близкомъ знакомствѣ. Много позднѣе, когда онъ былъ уже въ Берлинѣ и, по слухамъ, очень часто бывалъ приглашаемъ Вильгельмомъ I, будто бы любившимъ бесѣдовать съ нимъ, я проѣздомъ черезъ Лейпцигъ спросилъ Людвига, что можетъ интересовать военнаго человѣка, Вильгельма I, въ Гельмгольтцѣ. На это Людвигъ отвѣтилъ какимъ-то особенно нѣжнымъ голосомъ: «es ist doch ein Genuss ein so ruhiges Denken zu hören wie das seinige ist». Въ Германіи его считали національнымъ сокровищемъ и были очень недовольны описаніемъ одного англичанина, что съ виду Гельмгольтцъ похожъ скорѣе на итальянца, чѣмъ на нѣмца.

Читалъ онъ некрасиво на штатныхъ лекціяхъ студентамъ медикамъ, которыя я слушалъ и которыя читались элементарно, безъ всякой математики. Должно быть, скучалъ, потому что разъ мнѣ довелось быть на вечернемъ собраніи гейдельбергскаго ученаго общества, въ которомъ онъ описывалъ анализъ звуковъ резонаторами, и читалъ здѣсь даже весело, выбравъ судьей присутствовавшаго на этомъ сообщеніи глухого Бунзена, улыбавшагося доброй улыбкой, когда Гельмгольтцъ вставлялъ ему въ ухо резонаторъ.

Въ лабораторіи (очень небольшой, съ отдѣльной комнатой профессора и безъ отдѣльной комнаты его тогдашняго ассистента Вундта) работало четыре человѣка: два офталмолога—Юнге (мой товарищъ) и Кнапъ, нѣмецъ съ очень косыми глазами, фамиліи котораго не помню (и который возился нѣсколько мѣсяцевъ съ міографомъ Гельмгольтца), и я. Вундтъ сидѣлъ неизмѣнно весь годъ за какими-то книгами въ своемъ углу, не обращая ни на кого

вниманія и не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Я не слышалъ ни разу его голоса. Гельмгольтца мы видали мелькомъ. Ежедневно онъ приходилъ одинъ разъ въ рабочую комнату, обходилъ всѣхъ работающихъ, спрашивалъ каждаго, все ли благополучно, и давалъ разъясненія, если таковыя требовались.

Началъ я работать съ темы данной мнѣ Гельмгольтцемъ; но прежде чѣмъ она была дана, онъ спросилъ меня, знаю ли я по-англійски, и на утвердительный отвѣтъ далъ мнѣ прочитать трактатъ о флюоресценціи Стокса. Тема заключалась въ опредѣленіи отношенія прозрачныхъ средъ глаза къ ультрафіолетовымъ лучамъ. Ранѣе этого имъ самимъ была констатирована флюоресценція сѣтчатки въ этихъ лучахъ. Кварцевыя линзы и призмы имѣлись въ лабораторіи, но серебрянаго зеркала (для геліостата), незадолго до того начавшаго приготовляться по способу Либиха, еще не было; и Гельмгольтцъ, зная, что я работаю у Бунзена, сказалъ мнѣ, что я могу сдѣлать его въ лабораторіи послѣдняго. Должно быть, онъ самъ сказалъ объ этомъ Бунзену, потому что едва я заикнулся объ этомъ, какъ Бунзенъ собственноручно схватилъ стеклянную пластинку, вычистилъ ее, посеребрилъ и въ концѣ-концовъ отполировалъ бархатной подушкой. Свиные глаза я получалъ съ бойни; и какъ только путь свѣта отъ геліостата, черезъ рабочую комнату и маленькое окошечко въ стѣнѣ аудиторіи, былъ налаженъ, съ первыхъ же опытовъ была найдена сильная голубая флюоресценція хрусталика въ ультрафіолетовыхъ лучахъ. Когда я показалъ это явленіе Гельмгольтцу, онъ, вмѣсто свиного глаза поставивъ на путь свѣта мой собственный, нашелъ, что и мой хрусталикъ флюоресцируетъ, и тотчасъ же замѣтилъ, что это очень удобный способъ доказать плотное прилеганіе райка къ передней поверхности хрусталика, т.-е. отсутствіе такъ наз. задней камеры глаза. Очень меня обрадовало полученное по этому случаю письмо отъ Людвига, которому я, вѣроятно, писалъ, что чувствую себя въ Гейдельбергѣ не такъ свободно и пріятно, какъ въ Вѣнѣ у него. Вотъ выдержки изъ этого письма: «Helmholtz hat an Brücke geschrieben, dass Sie eine beträchtliche Fluorescenz der Linse entdeckt haben... und dann ist der Umgang mit H. doch höchst lehrreich; im nächsten Winter werden sich vielleicht die Berührungspunkte zwischen ihm und Ihnen mehren; schon jetzt schreibt er mir, dass Sie ihm gutgefallen». Письмо это было отъ 29-го іюля 59 года. Значитъ, на занятія у Бунзена и на эту работу ушелъ весь лѣтній семестръ. Когда работа эта была написана и представлена Гельмгольтцу, онъ нашелъ въ ней слѣдующее мое измышленіе: не играетъ ли голубая флюоресценція хрусталика роли въ видѣніи нами голубымъ

воздуха. На это измышленіе онъ замѣтилъ: если бы это было такъ, то мы не могли бы видѣть отчетливо ультрафіолетовой части спектра съ его Фраунгоферовскими линіями, потому что флюоресценція даетъ разсѣянный свѣтъ; и измышленіе было такимъ образомъ изъято изъ употребленія.

Бунзенъ читалъ превосходно и имѣлъ на лекціяхъ ничѣмъ непобѣдимую привычку нюхать описываемыя пахучія вещества, какъ бы вредны и скверны ни были запахи. Разсказывали, что разъ онъ нанюхался чего-то до обморока. За свою слабость къ взрывчатымъ веществамъ онъ давно уже поплатился глазомъ, но на своихъ лекціяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ производилъ взрывы. Такъ и теперь, вооружившись длинной палкой съ воткнутымъ въ концѣ ея подъ прямымъ угломъ перомъ и надѣвъ очки, взрывалъ въ открытыхъ свинцовыхъ тигляхъ іодъ-азотъ и хлоръ-азотъ, а затѣмъ торжественно показывалъ на пробитомъ взрывомъ днѣ капли послѣдняго соединенія. Страдая забывчивостью, онъ часто является на лекцію съ вывернутымъ ухомъ—сохранившимся до старости наслѣдіемъ школьнаго возраста. [1]) Когда въ теченіе лекціи взмахомъ руки профессора ушная раковина приходила въ норму, это значило, что памятка сдѣлала свое дѣло—опасный пунктъ не былъ забытъ. Когда же, какъ это случалось не рѣдко, ухо оставалось вывернутымъ и по окончаніи лекціи, молодая публика расходилась съ веселыми разговорами о томъ, былъ ли забытъ намѣченный опасный пунктъ или забыто ухо. Бунзенъ былъ всеобщимъ любимцемъ, и его называли не иначе какъ папа Бунзенъ, хотя онъ не былъ еще старикомъ.

Въ Гейдельбергѣ, тотчасъ по пріѣздѣ, я нашелъ большую русскую компанію: знакомую мнѣ изъ Москвы семью Т. П. Пассекъ (мать съ тремя сыновьями), занимавшагося у Эрленмейера химика Савича, трехъ молодыхъ людей, не оставившихъ по себѣ никакого слѣда, и прямую противоположность имъ въ этомъ отношеніи—Дмитрія Ивановича Менделѣева. Позже—кажется, зимой—пріѣхалъ А. П. Бородинъ. Менделѣевъ сдѣлался, конечно, главою кружка, тѣмъ болѣе, что, несмотря на молодые годы (онъ моложе меня лѣтами), былъ уже готовымъ химикомъ, а мы были учениками. Въ Гейдельбергѣ въ одну изъ комнатъ своей квартиры онъ провелъ на свой счетъ газъ, обзавелся химической посудой и съ катетометромъ отъ Саллерона засѣлъ за изученіе капиллярныхъ явленій, не посѣщая ничьихъ лабораторій. Т. П. Пассекъ нерѣдко пригла-

[1]) У насъ, сколько я знаю, школьники не занимаются этой операціей надъ ухомъ, заключающейся въ томъ, что давленіемъ сзади на ушную раковину она выдавливается впередъ.

шала Дм. Ив. и меня къ себѣ то на чай, то на русскій пирогъ или русскія щи, и въ ея семьѣ мы всегда встрѣчали г-жу Марко-Вовчокъ, уже писательницу, которая была отрекомендована въ глаза какъ таковая, а за глаза, какъ бѣдная женщина, страдающая отъ суроваго нрава мужа. То ли она не обращала на насъ никакого вниманія, или мы не доросли до пониманія заключавшихся въ ней душевныхъ сокровищъ, но у меня по крайней мѣрѣ не осталось въ памяти никакихъ впечатлѣній отъ нея въ этомъ направленіи— ничего болѣе, какъ бѣлокурая, некрасивая, не очень молодая и довольно полная дама, безъ всякихъ признаковъ измученности на лицѣ.

Этимъ лѣтомъ и слѣдующей за нимъ зимой жизнь наша текла такъ смирно и однообразно, что лѣтнія и зимнія впечатлѣнія перемѣшались въ головѣ и въ памяти остались лишь отдѣльные эпизоды. Помню, напр., что въ квартирѣ Менделѣева читался громко вышедшій въ это время «Обрывъ» Гончарова, что публика слушала его съ жадностью и что съ голодухи онъ казался намъ верхомъ совершенства. Помню, что А. П. Бородинъ, имѣя въ своей квартирѣ піанино, угощалъ иногда публику музыкой, тщательно скрывая, что онъ серьезный музыкантъ, потому что никогда не игралъ ничего серьезнаго, а только, по желанію слушателей, какія-либо пѣсни или любимыя аріи изъ итальянскихъ оперъ. Такъ, узнавъ, что я страстно люблю «Севильскаго цырюльника», онъ угостилъ меня всѣми главными аріями этой оперы; и вообще очень удивлялъ всѣхъ насъ тѣмъ, что умѣлъ играть все, что мы требовали, безъ нотъ, на память. Помню, наконецъ, одно очень смѣшное происшествіе. Это случилось навѣрно лѣтомъ, потому что мѣстомъ дѣйствія послужилъ вагонъ-салонъ, а такіе вагоны ходили изъ Гейдельберга только лѣтомъ. Отправляясь въ Маннгеймъ въ театръ, компанія наша изъ шести человѣкъ (между ними Савичъ и Менделѣевъ) вошла въ вагонъ-салонъ первая и заняла за столомъ наиболѣе удаленный отъ входа въ вагонъ уголъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ тотъ же вагонъ у самаго входа профессоръ Фридрейхъ посадилъ какую-то даму и самъ ушелъ прочь. Въ это мгновеніе Дм. Ив. только что началъ крутить папироску, но, замѣтивъ даму, остановился на полдорогѣ и, держа въ рукѣ несвернутую еще бумажку съ табакомъ, обратился къ дамѣ съ вопросомъ, позволитъ ли она курить. Не успѣлъ онъ произнести и первыхъ словъ, какъ дама вскочила съ испугомъ съ мѣста и выбѣжала вонъ. Ни она, ни проф. Фридрейхъ больше не явились, и мы съ большимъ огорченіемъ поняли, что по недоразумѣнію со стороны дамы случился скандалъ, въ которомъ насъ, русскихъ, будутъ обвинять въ грубости

и невѣжествѣ. По счастію проф. Фридрейхъ лично зналъ лѣчившагося у него Савича, и мы ему поручили найти тотчасъ же по пріѣздѣ въ Маннгеймъ профессора и разсказать ему, какъ было дѣло. По словамъ Савича, Фридрейхъ въ первую минуту повернулся къ нему спиной, не говоря ни слова; но когда услышалъ разсказъ, то померъ со смѣха, говоря, что жена его вообразила, будто ее приглашаютъ играть въ карты.

Въ Гейдельбергѣ же я познакомился съ Бор. Никол. Чичеринымъ. Въ компанію Менделѣева онъ не вошелъ и видѣлся изрѣдка лишь съ Юнге и со мной, какъ его однокашниками по университету. Онъ тогда былъ уже адъюнктомъ.

Въ осеннія каникулы 1859 г. мы съ Дм. Ив. вдвоемъ отправились гулять въ Швейцарію, имѣя въ виду продѣлать все, что предписывалось тогда настоящимъ любителямъ Швейцаріи, т.-е. взобраться на Риги, ночевать въ гостиницѣ, полюбоваться Alpenglühen'омъ, прокатиться по Фирвальдштетскому озеру до Флюэльна и пройти пѣшкомъ весь Oberland. Программа эта была нами въ точности исполнена, и въ Интерлакенѣ мы даже пробыли дня два, тщетно ожидая, чтобы красавица Юнгфрау раскуталась изъ покрывавшаго ее тумана. Но куда я дѣлся затѣмъ, положительно не помню.

Въ началѣ слѣдующаго затѣмъ зимняго семестра заказанный мною Людвиговскій насосъ былъ готовъ, и я приступилъ къ газамъ молока. Съ этою цѣлью мнѣ пришлось пріобрѣсти отъ гейдельбергскаго дрогиста на прокатъ, подъ залогъ стоимости, нужное количество ртути и вступить послѣ долгихъ уговоровъ въ слѣдующее соглашеніе съ мѣщанкой гор. Гейдельберга, державшей на продажу молока корову. Въ очень ранній часъ утра, передъ тѣмъ какъ она доила корову, я приходилъ къ ней съ большой лабораторной чашкой, бутылкой прованскаго масла и стекляннымъ пріемникомъ для молока, заранѣе наполненнымъ ртутью. Чашка наполнялась масломъ, и хозяйка должна была доить корову, погрузивъ соски ея въ масло. Послѣ этого запертый зажимомъ пріемникъ опрокидывался въ молоко, зажимъ открывался и молоко поднималось, конечно, вверхъ, а вытекавшая ртуть пряталась въ слоѣ молока. Когда хозяйка коровы увидала это зрѣлище въ первый разъ, она не то сильно удивилась, не то испугалась, всплеснула руками и чуть не убѣжала—пріемникъ съ ртутью она приняла за серебряный флаконъ съ непрозрачными стѣнками, и вдругъ видитъ, какъ молоко бѣжитъ по этимъ стѣнкамъ вверхъ и собирается тамъ, не вытекая внизъ. Насилу я ей растолковалъ, что это не колдовство. Гельмгольтцъ, конечно, видѣлъ мои опыты съ молокомъ и Людви-

говскимъ насосомъ, такъ какъ они производились въ его лабораторіи, и черезъ шесть лѣтъ въ учебникѣ Вундта была описана впервые та, устроенная Гельмгольтцемъ, несравненно болѣе удобная, форма насоса (два неравной величины сосуда, сообщающіеся другъ съ другомъ длиннымъ неспадающимся каучуковымъ рукавомъ), которая остается и понынѣ въ насосахъ съ Торичелліевой пустотой. Не зная объ этомъ, я описалъ въ томъ же 1865 году очень простенькую форму насоса, гдѣ Торичелліева пустота образуется дѣйствіемъ обыкновеннаго воздушнаго насоса. Исторію этихъ трехъ формъ можно найти въ Gscheidlen's Physiol. Methodik, 3-e Lief., 1877.

Въ эту зиму единственнымъ событіемъ въ обычно тихой жизни Гейдельберга было празднованіе столѣтія Шиллера. Компанія наша обѣдала всегда въ ресторанѣ отеля Badischer Hof и сидѣла на одномъ концѣ длиннаго стола, а на другомъ сидѣли студенты—прусскіе бароны, расхаживавшіе по городу въ бѣлыхъ шапкахъ, съ хлыстами въ рукахъ и большими датскими догами. Въ день юбилея за обѣдомъ между баронами сидѣлъ сѣдой Миттермайеръ (профессоръ юридическаго факультета), который сказалъ рѣчь, упомянувъ въ ней, что въ ранней юности онъ имѣлъ счастіе видѣть великаго человѣка, описалъ его образованность, гуманность, широту взглядовъ и закончилъ рѣчь воззрѣніями Шиллера на женщину, описавъ женскіе типы въ его твореніяхъ. Вечеромъ мы были на театральномъ представленіи (признаться, очень скучномъ) «Лагеря Валленштейна», окончившемся апоѳеозомъ.

Опытами съ молокомъ закончились мои занятія въ лабораторіи. Финансы мои приходили къ концу, и мнѣ пришлось бы тотчасъ же возвращаться въ Россію, если бы я не получилъ въ декабрѣ маленькаго наслѣдства въ 500 руб. Съ такимъ богатствомъ въ карманѣ я отправился съ Менделѣевымъ и Бородинымъ въ Парижъ. За нѣсколько дней до этой поѣздки у меня сдѣлалась до того сильная ногтоѣда на рукѣ, съ безсонными ночами, что возбудила состраданіе даже внѣ нашего кружка, въ одной свѣтской русской дамѣ (я съ нею не былъ знакомъ, и о моей болѣзни она узнала отъ одного изъ тѣхъ молодыхъ русскихъ, которые не оставили послѣ себя слѣда), которая посовѣтовала прикладывать къ пальцу сметану съ пухомъ. Этого я не сдѣлалъ, и поѣхалъ въ Парижъ съ небольшой лихорадкой, въ енотовой шубѣ Савича, чтобы не простудиться по дорогѣ. Выѣхали мы въ сочельникъ и, проѣзжая по Страсбургу ночью отъ моста къ вокзалу желѣзной дороги, немало любовались сплошнымъ моремъ елочныхъ огней. Въ тѣ времена нѣмецкая желѣзная дорога, по которой намъ приходилось ѣхать, доходила только до Келя; здѣсь пассажиры пересаживались въ дилижансъ (багажъ

пересылался отдѣльно и визировался въ Парижѣ), переѣзжали рейнскій мостъ и останавливались у французской заставы для визированія паспортовъ, при чемъ пассажиры оставались въ дилижансѣ. Принесъ намъ паспорта обратно французскій чиновникъ и сталъ выкликивать имена. Первыя два, Менделѣева и Бородина, сошли еще благополучно, но надъ моимъ именемъ онъ призадумался и, взглянувъ на мою черную фигуру въ необычномъ костюмѣ, не могъ удержаться отъ вопроса: «êtes-vous turc, monsieur?» чѣмъ конечно развеселилъ всю компанію и себя самого.

Никогда во всю мою жизнь я не кутилъ такъ, какъ въ этотъ разъ въ Парижѣ. Первую недѣлю, а то и болѣе, нигдѣ не былъ, кромѣ какъ въ заведеніяхъ въ родѣ тогдашней Closerie de lilas (студенческій танцклассъ), гдѣ шелъ дымъ коромысломъ, въ театрахъ съ ужинами послѣ представленій, и конечно побывалъ на маскарадномъ балу Большой оперы, да еще съ конфетами въ карманѣ для угощенія танцующихъ бебе, испанокъ, баядерокъ и т. п. Дошло до того, что, наконецъ, самому стало тошно, и я угомонился, когда въ карманѣ не осталось и половины привезеннаго богатства. Беккерсъ учился тогда въ Парижѣ и, познавъ уже суетную сторону парижской жизни, не принималъ участія въ моихъ увеселеніяхъ. Онъ познакомилъ меня съ однимъ изъ моихъ будущихъ товарищей по медицинской академіи и его умной, милой молодой женой, у которыхъ собиралась учившаяся въ Парижѣ петербургская молодежь. Онъ же затащилъ меня на лекціи тогдашняго профессора теоретической хирургіи (Malgaigne), которыя пересыпались анекдотами, разсказывавшимися съ французскимъ шикомъ. На одной изъ его лекцій я услышалъ, напр., такое воспоминаніе изъ пережитаго профессоромъ далекаго прошлаго: «du temps que je faisais la guerre à l'empereur Nicolas...», разумѣя подъ этимъ время польскаго возстанія. На другой лекціи онъ привелъ слушателямъ подробный списокъ докторовъ, фельдшеровъ и аптекарей, участвовавшихъ въ операціи фистулы прямой кишки Людовика XIV, съ подробнымъ счетомъ, сколько они получили за нее, общимъ итогомъ въ 70.000 франковъ. На эту лекцію принесъ ему знаменитый тогда мастеръ хирургическихъ инструментовъ (имени не помню) свой экразеръ и былъ очень смущенъ, когда профессоръ, описавъ употребленіе инструмента, сказалъ, что онъ, можетъ быть, пригодится въ очень немногихъ случаяхъ, но никуда не годится, когда можно обойтись ножомъ. Боткинъ былъ тоже въ Парижѣ: у него, какъ разъ передъ нашимъ пріѣздомъ, въ декабрѣ родилась двойня. Въ уходѣ за женой и новорожденными онъ никуда не показывался, и я его видѣлъ лишь мелькомъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ Парижа приходилось собираться въ обратный путь. Возвращаться на родину мнѣ смертельно не хотѣлось, потому что за три съ половиной года я привыкъ къ жизни на свободѣ, безъ обязательствъ и занятой съ большимъ интересомъ. Притомъ же нельзя было не полюбить тогдашней Германіи съ ея (въ огромномъ большинствѣ) простыми, добрыми и чистосердечными обитателями. Тогдашняя Германія представляется мнѣ и теперь въ видѣ исполненнаго мира и тишины пейзажа, въ пору, когда цвѣтутъ сирень, яблоня и вишня, бѣлѣя пятнами на зеленомъ фонѣ полянъ, изрѣзанныхъ аллеями тополей. Какъ бы то ни было, но ѣхать пришлось, когда въ карманѣ осталось ровно столько денегъ, сколько нужно было на остановку въ Берлинѣ и проѣздъ оттуда до Петербурга. Гельмгольтцъ простился со мной ласково и вручилъ три оттиска своей работы (составившей позднѣе одну изъ главъ его знаменитой книги о звуковыхъ ощущеніяхъ), съ просьбой передать ихъ въ Берлинѣ Магнусу, Дове и дю Буа-Реймону, что конечно и было исполнено мною. Въ этотъ разъ дю Буа встрѣтилъ меня привѣтливо и, пожелавъ дальнѣйшихъ успѣховъ, замѣтилъ, что я побывалъ уже во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ быть слѣдовало.

Возвращеніе въ Россію и профессорство въ петербургской медицинской академіи.

(1860—1870 г.)

Зимній путь лежалъ до Кёнигсберга по желѣзной дорогѣ, а оттуда черезъ Таурогенъ и Ригу до Петербурга въ почтовой каретѣ. Въ Кёнигсбергѣ я получилъ мѣсто въ заднемъ 4-мѣстномъ купе съ тремя дамами: француженкой-модисткой, возвращавшейся изъ Парижа въ Петербургъ, рижанкой, говорившей свободно по-французски, и очень молоденькой нѣмкой, ѣхавшей куда-то неподалеку отъ Кёнигсберга. Отъ непривычки ли къ ѣздѣ въ закрытой рессорной каретѣ, или оттого, что мы съ нею сидѣли на передней скамьѣ и ѣхали спиной впередъ, но только въ самомъ началѣ пути бѣдная нѣмочка стала блѣднѣть съ явными признаками тошноты. По счастью моя шляпа—цилиндръ—была у меня подъ рукой и спасла сидящихъ передъ нами дамъ отъ напасти, такъ какъ времени поднять окно со стороны нѣмки не было. Она, конечно, очень сокрушалась, что изъ-за нея я потерялъ выкинутую въ окно шляпу; но благодаря этой маленькой жертвѣ, я пріобрѣлъ расположеніе моихъ спутницъ и проѣхалъ съ ними всю дорогу въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Въ Таурогенѣ меня, впрочемъ, ожидалъ не совсѣмъ пріятный сюрпризъ. Когда насъ, пассажировъ, пригласили въ бюро получать наши паспорта, чиновникъ объявилъ мнѣ, что я имѣю уплатить 30 руб., такъ какъ при отъѣздѣ за границу уплатилъ только за полгода, а за границей пробылъ три съ половиной. Этого я не разсчиталъ въ Гейдельбергѣ, и въ карманѣ у меня, по уплатѣ мѣста въ дилижансѣ, оставалось лишь нѣсколько рублей на пропитаніе до Петербурга. Выручилъ меня стоявшій рядомъ со мною пассажиръ передняго купе, съ которымъ я хотя и встрѣчался на станціяхъ, но, будучи всегда прислужникомъ дамъ, не говорилъ до этой минуты ни слова. Пассажиръ этотъ оказался віолончелистомъ Давыдовымъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ изъ лейпцигской консерваторіи и уже восхитившимъ на этомъ пути берлинскую публику.

Онъ мнѣ составилъ протекцію тутъ же, на станціи, у какого-то почтеннаго старика-еврея, и тотъ далъ мнѣ подъ залогъ оставленныхъ золотыхъ часовъ 30 рублей. Въ Петербургъ мы пріѣхали вечеромъ, часовъ въ 9-ть, 1 февраля 1860 г. На почтовой станціи француженку-модистку, m-me Allin, встрѣтилъ ея мужъ; я былъ отрекомендованъ ему какъ спутникъ, оказавшій ей рядъ услугъ въ дорогѣ, и былъ приглашенъ ими въ ближайшее воскресенье на обѣдъ въ Михайловскую улицу, гдѣ былъ угощенъ, какъ теперь помню, очень вкуснымъ вольованомъ и жареной индѣйкой. Въ отвѣтъ на это я угостилъ позднѣе мужа и жену завтракомъ съ елисеевскими устрицами, и тѣмъ знакомство наше кончилось. Старшая моя сестра была тогда замужемъ за офицеромъ Финляндскаго полка Михайловскимъ, котораго я зналъ давно, учась еще въ инженерномъ училищѣ, какъ выпускного кадета и потомъ какъ гвардейскаго офицера. Они жили въ казармахъ полка, въ 19 линіи Васильевскаго острова, и пріютили меня у себя со второго дня моего пріѣзда. Отсюда, почти съ конца Васильевскаго острова, мнѣ пришлось пройти пѣшкомъ раза три къ Глѣбову на Выборгскую сторону—сначала, чтобы представиться ему, а потомъ по поводу печатанія готовой уже у меня диссертаціи. Еще будучи за границей, я получилъ отъ Глѣбова письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ пристроить меня, по защитѣ диссертаціи, къ медицинской академіи. Припоминая мелочи того времени, не могу не вспомнить словъ, сказанныхъ однажды нашимъ знаменитымъ химикомъ Ник. Ник. Зининымъ (онъ былъ членъ академіи наукъ и въ то же время профессоръ химіи въ медицинской академіи и ея же ученый секретарь, второе лицо послѣ президента) въ отвѣтъ на наши—мои и Боткина—сѣтованья на нѣкоторыя стороны русской жизни: «Эхъ молодежь, молодежь,—сказалъ онъ словно въ серьезъ, но конечно соглашаясь съ нами,—знаете ли вы, что Россія единственная страна, гдѣ все можно сдѣлать». Припомнилось мнѣ это изреченіе потому, что диссертацію я никому не представлялъ, взялъ рукопись у меня въ своемъ кабинетѣ Глѣбовъ, безъ всякой просьбы съ моей стороны она была напечатана даромъ въ «Военно-медицинскомъ Журналѣ» и защищена мною не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. На диспутѣ я познакомился съ однимъ изъ своихъ оппонентовъ, Евг. Венцеслав. Пеликаномъ, молодымъ еще человѣкомъ, бывшимъ въ медицинской академіи профессоромъ судебной медицины и только что сдѣлавшимся директоромъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Это былъ очень умный человѣкъ, хорошо образованный для того времени медикъ (въ это самое время онъ читалъ въ Пассажѣ лекціи по нѣкоторымъ отдѣ-

ламъ физiологiи), и мы остались съ нимъ большими прiятелями до конца жизни. Онъ ввелъ меня въ семью проф. Крассовскаго и познакомилъ меня тамъ съ однимъ военнымъ докторомъ, котораго я помню лишь по двумъ разсказамъ изъ временъ императора Николая. Первый относился къ нему самому, когда онъ былъ еще очень молодымъ ординаторомъ 1-го сухопутнаго госпиталя. Въ одно изъ его дежурствъ прiѣхалъ неожиданно въ госпиталь государь. По уставу дежурный врачъ долженъ былъ рапортовать, что все обстоитъ благополучно, больныхъ налицо столько-то и на выписку столько-то. Пунктъ благополучiя сошелъ, конечно, благополучно, а остальныхъ двухъ онъ не зналъ и былъ принужденъ отвѣтить на вопросъ государя по обоимъ пунктамъ незнанiемъ. «Скажи своему начальству, что я тебѣ сказалъ *дуракъ*», промолвилъ государь, и обошелъ, не говоря ни слова, палаты. Главный врачъ былъ въ отлучкѣ и когда вернулся, злополучный ординаторъ долженъ былъ повторить ему слова, сказанныя государемъ. Но и этимъ дѣло не кончилось. На другой день главный докторъ повезъ его къ Енохину, главному военно-медицинскому инспектору, и онъ опять долженъ былъ повторить слова государя. Другое происшествiе случилось съ его товарищемъ, служившимъ въ какомъ-то военномъ госпиталѣ Западнаго края. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ на западъ государь почему-то свернулъ съ своего, извѣстнаго напередъ, маршрута въ сторону и прiѣхалъ неожиданно въ этотъ госпиталь, какъ разъ въ дежурство товарища-разсказчика. По словамъ послѣдняго, это былъ парень очень умный и дѣльный, но кутила, вѣчно безъ денегъ и потому часто дежурившiй за своихъ товарищей не въ очередь. Въ этотъ день онъ предавался, по обыкновенiю, кейфу въ дежурной комнатѣ, дежуря въ шинели вмѣсто сюртука. Когда его извѣстили съ испугомъ, что подъѣхалъ государь, онъ не растерялся, схватилъ въ дежурной комнатѣ бинтъ и наборъ, велѣлъ прибѣжавшимъ доложить государю, что дежурный у больного, прибѣжалъ къ первому попавшемуся подъ руку пацiенту, сбросилъ съ себя шинель и въ одной рубашкѣ и штанахъ сталъ приготовлять руку къ кровопусканiю. Государя повели къ этой самой кровати, а докторъ, молча и не отводя глазъ отъ дѣла, пустилъ солдатику кровь. Государь досмотрѣлъ молча всю операцiю до конца, затѣмъ, похлопавъ его по плечу, сказалъ: «молодецъ», и ушелъ въ сопровожденiи прибѣжавшаго за это время главнаго доктора осматривать госпиталь. Государь уѣхалъ довольный и велѣлъ представить дежурнаго врача къ наградѣ.

Послѣ защиты диссертацiи началось дѣло моего опредѣленiя въ медицинскую академiю. Тогдашнiй профессоръ физiологiи, Загор-

скій, выходилъ въ отставку, на его мѣсто назначался Якубовичъ, а я имѣлъ поступить на ту же каѳедру адъюнктомъ. По тогдашнему уставу академіи, аспирантъ на каѳедру физіологіи долженъ былъ выдержать экзаменъ изъ этой науки и зоологіи со сравнительной анатоміей. Когда Зининъ объявилъ мнѣ объ этомъ, держать экзаменъ изъ физіологіи я согласился, а отъ зоологіи отказался, какъ не занимавшійся ею. Но онъ меня успокоилъ, что это пустяки, чистая формальность. На этомъ экзаменѣ сидѣли только два экзаминатора: Загорскій, старикъ академикъ Брандтъ, читавшій въ академіи зоологію, Зининъ и я. Загорскій поговорилъ со мной минуты двѣ, а Брандтъ спросилъ, извѣстно ли мнѣ главное сочиненіе по инфузоріямъ. Я отвѣтилъ, что имя Эренберга мнѣ, конечно, извѣстно, но сочиненія его не читалъ, такъ какъ не занимался зоологіей. На второй вопросъ я не могъ отвѣтить и не выдержалъ, заявивъ, что вовсе не занимался зоологіей, предупредилъ объ этомъ начальство и экзаменоваться не могу. Зининъ пошептался съ старикомъ, и сеансъ кончился. Вскорѣ меня приняли адъюнктомъ по каѳедрѣ физіологіи и заставили читать лекціи до конца академическаго года.

Размышляя въ эту минуту, стоилъ ли я тогда каѳедры экспериментальной науки, говорю по совѣсти—меньше, чѣмъ наши теперешніе ассистенты, не побывавшіе за границей. Эти знакомы съ физіологической практикой въ очень разнообразныхъ направленіяхъ, а я умѣлъ пока владѣть лишь лягушкой и видѣлъ, правда, въ лабораторіи Людвига много опытовъ, иногда даже ассистировалъ въ нихъ, но самъ былъ дѣйствительно знакомъ только съ тѣми пріемами, которые входили звеномъ въ мои работы. Приняли меня потому, что такихъ ассистентовъ въ Россіи еще не было и я, съ своими ограниченными свѣдѣніями, былъ все-таки первымъ изъ русскихъ, вкусившихъ западной науки у такихъ корифеевъ ея, какъ мои учителя въ Германіи. Въ послѣднемъ отношеніи мнѣ завидовали позднѣе даже нѣмцы.

Выручило меня на первыхъ порахъ слѣдующее обстоятельство. Учась въ Берлинѣ, я заказалъ Зауэрвальду его гальванометръ для электрофизіологіи, пріобрѣлъ санный аппаратъ дю Буа-Реймона, его штативы для опытовъ съ лягушками и привезъ все это богатство съ собой въ Россію, умѣя уже за границей обращаться съ нимъ. Поэтому, исполняя приказъ начать чтенія тотчасъ же по полученіи мѣста, я могъ начать читать лекціи по никѣмъ незнаемому въ то время въ Россіи животному электричеству. Въ какой мѣрѣ для Россіи того времени это ученіе было новостью, можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Лекціи я составлялъ подробно, отъ слова

до слова, и получилъ черезъ это возможность напечатать ихъ въ теченіе этого же года въ «Военно-медицинскомъ Журналѣ». Не знаю, кто мнѣ посовѣтовалъ, но эта вещь была представлена на какую-то премію въ академію наукъ, и я получилъ за нее 700 рублей.

Къ веснѣ пріѣхалъ въ академію Беккерсъ, позже его Боткинъ, и эти были приняты адъюнктами уже безъ вступительнаго экзамена—первый въ хирургическую клинику 4-го курса, а Боткинъ въ терапевтическую того же курса.

Теперь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о томъ, какими судьбами всѣ мы трое попали въ академію.

Во главѣ ея стоялъ тріумвиратъ Дубовицкій—Глѣбовъ—Зининъ, всѣ трое—люди среднихъ лѣтъ. Президентъ академіи Дубовицкій былъ очень богатый помѣщикъ, ревностный служака изъ чести и, будучи близокъ съ тогдашнимъ военнымъ министромъ Сухозанетомъ, получалъ большіе куши изъ сундука министерства на благоустройство медицинской академіи. Въ ученыхъ дѣлахъ онъ не былъ силенъ, да и не нуждался въ этомъ—на то было у него два помощника, самъ же онъ, какъ большой хлопотунъ, предавался неустаннымъ заботамъ о внѣшнемъ порядкѣ и благочиніи ввѣреннаго ему обширнаго заведенія. Заботъ ему, правда, было не мало. Академическія зданія не ремонтировались со времени ихъ возникновенія при императорѣ Павлѣ; всѣ надворныя строенія, не исключая ужаснаго анатомическаго театра, были деревянныя; все приходило въ ветхость, и Дубовицкій, страстный любитель строить, денно и нощно хлопоталъ о возведеніи новыхъ зданій. Начало имъ было уже положено—построено отдѣльное зданіе для физической и химической лабораторіи и обновлены небольшія клиники 4-го курса (клиники 5-го курса были въ прикомандированномъ къ академіи 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ). Но на этомъ дѣло не остановилось: въ первыя же десять лѣтъ нашего пребыванія въ академіи онъ построилъ обширныя клиники Виллье и анатомо-физіологическій институтъ. Передъ нашимъ поступленіемъ профессорскій персоналъ въ свою очередь требовалъ обновленія: на нѣкоторыхъ каѳедрахъ доживали свой вѣкъ старики и молодыхъ силъ совсѣмъ не было. Дубовицкій профессорствовалъ въ Казани одновременно съ Зининымъ, чтилъ его какъ большого ученаго и, очевидно, отдалъ дѣло обновленія профессорскаго персонала въ его руки. Первымъ дѣломъ Зининъ перетащилъ къ себѣ на подмогу своего большого пріятеля Глѣбова (они вмѣстѣ учились въ молодости за границей) изъ Москвы, когда тотъ выслужилъ въ университетѣ двадцать пять лѣтъ, и они стали орудовать въ сказанномъ направленіи. Изъ своихъ учениковъ въ академіи Зининъ сталъ подготовлять будущаго химика (Бородина) и будущаго

физика (Хлѣбникова), а медицинское обновленіе отдалъ, очевидно, въ руки Глѣбова. Глѣбовъ же, какъ московскій профессоръ, могъ знать только москвичей; вѣроятно, зналъ насъ или слышалъ о насъ отъ товарищей; притомъ же Боткинъ, Беккерсъ и я были первыми русскими учениками за границей, послѣ того какъ въ концѣ царствованія императора Николая посылки медиковъ за границу на казенный счетъ прекратились. Все это вмѣстѣ и было причиной, почему насъ взяли въ академію.

На масленой я съѣздилъ въ Москву свидѣться со старыми пріятелями и видѣлся также со своимъ прежнимъ слугой, пріятелемъ Ѳифочкой, теперь Ѳеофаномъ Васильевичемъ Девятнинымъ. За графинчикомъ водки и закуской въ Большой Московской гостиницѣ, гдѣ я остановился, онъ повѣдалъ мнѣ исторію своихъ успѣховъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; о томъ, какъ слава его башмачнаго искусства, распространяясь по духовенству отъ прихода къ приходу, достигла наконецъ Бориса и Глѣба, гдѣ въ воспитанницѣ священника онъ нашелъ невѣсту съ приданымъ, поставившимъ его на ноги. Теперь у него была рабочая артель и онъ былъ однимъ изъ поставщиковъ Королева. Жена оказалась очень дѣльной женщиной и не только умѣла справляться съ артелью, но выучилась даже кроить, т.-е. быть головой башмачнаго дѣла, и умѣла держать супруга въ стрункѣ, если ему случалось загулять. Когда по окончаніи завтрака я сталъ угощать его папиросами, онъ угостилъ меня нарочно захваченной съ собою настоящей гаванской сигарой, объяснивъ, что не имѣть маленькаго запаса такихъ сигаръ ему нельзя, потому что за каждой сдачей товара фирмѣ неизмѣнно слѣдуетъ угощеніе главнаго приказчика въ трактирѣ завтракомъ съ гаванской сигарой въ концѣ. При прощаньи услышалъ отъ него слѣдующія слова: «Вотъ, Иванъ Михайловичъ, прежде я былъ для васъ Ѳифочка, теперь сталъ Ѳеофанъ Васильевичъ; съ виду вы стали словно лучше, а въ душѣ-то хуже,—нѣтъ въ васъ прежней простоты». Онъ былъ конечно правъ, вспоминая прежнія времена, когда мы дѣлили съ нимъ радости и горе, и сравнивая былое съ впечатлѣніями данной минуты.

Лабораторію мнѣ дали въ нижнемъ этажѣ надворнаго флигеля, рядомъ съ анатомическимъ театромъ. Она состояла изъ двухъ большихъ комнатъ, служившихъ нѣкогда химической лабораторіей. Поэтому въ первой комнатѣ отъ входа былъ вытяжной шкафъ, а въ другой, по фасаду съ двумя окнами, стоялъ во всю длину стѣны столъ и надъ нимъ, въ простѣнкѣ между окнами, полки (очевидно для реактивовъ). Были ли въ этомъ помѣщеніи какіе-нибудь инструменты, кромѣ ножницъ, ножей и пинцетовъ, не помню, но навѣр-

ное очень мало. Большой бѣды въ этомъ, впрочемъ, не было—бюджетъ академіи былъ роскошный, 200.000, и Дубовицкій не скупился на выписку инструментовъ. Много позднѣе я узналъ еще одно свойство моей лабораторіи: подъ комнатой, гдѣ я просидѣлъ восемь лѣтъ, находился заброшенный погребъ съ застоявшейся водой, которая, замерзая зимой, медленно оттаивала въ остальную часть года. Этому погребу я обязанъ хворью въ теченіе всей половины шестидесятыхъ годовъ, отъ которой совсѣмъ избавился только въ Одессѣ.

Лѣтомъ я побывалъ въ Симбирской губерніи у родныхъ и познакомился съ новыми членами семьи: мужемъ одной изъ сестеръ, докторомъ Кастеномъ, врачомъ въ сосѣднемъ имѣніи Пашкова, женой одного изъ братьевъ и ихъ маленькой дочкой Наташей. Встрѣченъ былъ всѣми любовно и прожилъ у нихъ соотвѣтственнымъ образомъ. Для членовъ семьи, жившихъ въ деревнѣ, это было, я думаю, самое счастливое время; всѣ еще были молоды, жили безъ нужды и, какъ добрые люди, были любимы окружающими,—такое впечатлѣніе я вынесъ изъ этой поѣздки.

Съ осени 1860 года началось настоящее профессорствованіе въ медицинской академіи. У меня осталось нѣсколько листковъ изъ того времени, свидѣтельствующихъ, что, готовясь къ лекціямъ, я писалъ ихъ отъ слова до слова. Изъ листковъ оказывается, что я читалъ: кровообращеніе, дыханіе, всасываніе веществъ изъ пищевого канала, отдѣленія, пластику тѣла и мышечную физіологію. Кровь, пищевареніе и нервную систему взялъ себѣ штатный профессоръ физіологіи Якубовичъ, бывшій въ сущности гистологомъ [1]). Интересно было заглянуть въ эти давно забытые листки черезъ сорокъ три года. Оказывается, что я не во всѣхъ случаяхъ умѣлъ отличать важное отъ второстепеннаго, не умѣлъ обозначать точно словами различныхъ понятій и отличался вообще наклонностью къ анекдотическимъ, иногда даже очень рѣзкимъ сужденіямъ. Случались и наивности, а отъ грубыхъ ошибокъ спасали нѣмецкіе учебники.

Помимо писанія и чтенія лекцій, я приготовлялъ въ этомъ году къ печати очерки животнаго электричества.

1860 г. памятенъ, я думаю, всякому, кто жилъ тогда въ Петербургѣ. Всѣ знали, что великій актъ освобожденія милліоновъ

[1]) Онъ учился въ Дерптѣ, занимался микроскопическимъ строеніемъ спинного мозга, былъ отрекомендованъ учителемъ Рейхардтомъ Гумбольдту, какъ многообѣщающій изслѣдователь строенія центральной нервной системы, получилъ черезъ Гумбольдта командировку за границу и былъ назначенъ профессоромъ на мѣсто выходившаго въ отставку Загорскаго.

рабовъ вскорѣ совершится, и всѣ трепетно ожидали его обнародованія. Съ нѣкоторыхъ поръ дышалось много свободнѣе, чѣмъ прежде; въ литературѣ и въ обществѣ зарождались новые запросы, новыя требованія отъ жизни; но въ этомъ году общее настроеніе, какъ передъ большимъ праздникомъ, было напряженно-тихое, выжидательное, безъ всякихъ вспышекъ. Волна эта, конечно, коснулась и насъ; но мы были новичками въ городѣ, безъ связей съ литературными кружками, и отпраздновали этотъ годъ, такъ сказать, семейно, въ своемъ собственномъ маленькомъ кружкѣ, радуясь свободнымъ вѣяніямъ той эпохи и увлекаясь заманчивыми перспективами только что открывавшагося передъ нами поприща. Это было, конечно, очень счастливое время.

Лѣтомъ 61 года я оставался въ Петербургѣ, жилъ на Выборгской, ходилъ въ свою лабораторію и занимался между прочимъ вопросомъ, не содержатъ ли съѣдобные грибы ядовитыхъ веществъ. Мнѣ приносили, по заказу, рѣшета сыроѣжекъ, и я обрабатывалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: варилъ мелко измельченными въ водѣ, отцѣживалъ слизистый отваръ, освобождалъ его отъ слизи уксусно-кислымъ свинцомъ и сѣроводородомъ и выпаривалъ растворъ почти досуха. Изъ большого количества грибовъ получалось небольшое количество темно-бурой жидкости слабо-кислой реакціи. Одной капли ея въ спинной лимфатическій мѣшокъ лягушки было достаточно, чтобы вызвать остановку сердца. Другими словами, я имѣлъ дѣло съ открытымъ позднѣе въ мухоморахъ мускариномъ, но не сумѣлъ получить это вещество изъ моихъ растворовъ. Предлагалъ заняться этимъ Бородину, но тотъ почему-то отказался.

Въ зиму 1861 года надъ двумя членами нашего кружка стряслась бѣда: Боткинъ заболѣлъ тяжелымъ тифомъ, но благодаря Богу черезъ шесть недѣль сталъ выздоравливать; а бѣдный Беккерсъ, прострадавъ почти всю зиму болѣзнью сердца, которая не значится въ патологіи какъ таковая, кончилъ въ концѣ зимы трагически.

Въ этотъ годъ мы жили съ нимъ на одной квартирѣ и жили такъ, что сходились лишь за обѣдомъ да иногда по вечерамъ, когда ходили въ одно и то же мѣсто въ гости. У него за годъ пребыванія въ Петербургѣ завелась небольшая практика и съ нею рядъ знакомствъ. Очень красивый и благовоспитанный молодой человѣкъ, съ хорошими манерами (онъ былъ изъ французско-нѣмецкой семьи), галантный дамскій кавалеръ, говорившій по-французски какъ французъ, ко всему этому чрезвычайно добрый и мягкій человѣкъ, онъ не могъ не нравиться своимъ знакомымъ и паціентамъ. Этимъ и объясняется, что по вечерамъ онъ рѣдко сидѣлъ дома и возвра-

щался часто очень поздно, когда я уже спалъ; а вставать нужно было рано, да еще по приходѣ домой готовиться къ лекціямъ. Я зналъ, что нашему слугѣ онъ приказывалъ будить себя немилосердно, стаскивая одѣяло; но узналъ лишь послѣ, что иногда слуга заставалъ его утромъ спящимъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ. Такая жизнь продолжаться долго не могла, тѣмъ болѣе что болѣзнь сердца была не изъ сладкихъ, судя по его усталому, измученному виду въ серединѣ зимы. Мѣсяца за два до его смерти мнѣ принесли извѣстіе (въ эту минуту Беккерсъ былъ дома): «ради Бога, слѣдите за Беккерсомъ, онъ убьетъ себя». На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно—тотъ, кто принесъ извѣстіе, онъ же и предотвратилъ катастрофу. Вскорѣ затѣмъ къ Б—су пріѣхала родственница-вдова; онъ уступилъ ей свою спальню, а самъ переселился въ кабинетъ. Она пролежала у насъ, не выходя изъ комнаты, недѣли двѣ, оправляясь отъ потрясенія, причиненнаго смертью мужа, и уѣхала; но уѣхала ли изъ Москвы, не знаю. Беккерсъ какъ будто успокоился, и я уже пересталъ думать о прошломъ, какъ вдругъ утромъ какого-то злосчастнаго дня въ концѣ 1861 г., едва я одѣлся, слышу необыкновеннаго тона зовъ. Бѣгу. Беккерсъ указываетъ на свой письменный столъ со словами: «ціанистый калій и мое завѣщаніе», срываетъ съ шеи галстукъ, идетъ въ спальню и бросается на постель. На мои слова: «дайте я вставлю вамъ палецъ въ ротъ, чтобы васъ вырвало», онъ успѣлъ только сказать, что не хочетъ жить, и черезъ какихъ-нибудь пять минутъ его уже не стало. Кто и что погубило это золотое сердце, не знаю; но навѣрно не какія-либо профессорскія неудачи въ академіи.

Еще будучи за границей, я слышалъ о зародившемся въ средѣ русскихъ женщинъ стремленіи къ высшему образованію и вернулся въ Россію съ готовымъ сочувствіемъ такому движенію. Осенью 61 года я познакомился съ двумя представительницами новаго теченія, серьезно и крѣпко зараженными на подвигъ служенія женскому вопросу. Онѣ и доказали это впослѣдствіи, кончивъ курсъ въ Цюрихѣ и выдержавъ экзаменъ въ Россіи на право практики. Въ то время онѣ еще готовились держать экзаменъ изъ мужского гимназическаго курса, на что у нихъ уходили вечера, а по утрамъ ходили въ доступную тогда для женщинъ медицинскую академію, гдѣ слушали нѣсколькихъ профессоровъ (между прочимъ и меня) и работали въ анатомическомъ театрѣ строгаго Грубера, бывшаго однако очень довольнымъ ихъ занятіями. Какъ было не помочь такимъ достойнымъ труженицамъ! Въ концѣ академическаго года, ради поддержанія въ нихъ энергіи, я далъ обѣимъ такія двѣ темы,

которыя требовали очень мало подготовительныхъ свѣдѣній и могли разрабатываться ими у себя дома. Задача одной заключалась въ томъ, чтобы ношеніемъ очковъ съ цвѣтными стеклами вызывать цвѣтную слѣпоту къ лучамъ данной преломляемости и сравнивать получаемые результаты съ извѣстными симптомами врожденной цвѣтной слѣпоты. Другая имѣла изучать вліяніе тетанизаціи кожи на легкія тактильныя раздраженія въ межполюсномъ пространствѣ и внѣ онаго. Обѣ эти работы были въ томъ же году напечатаны по-русски, а въ слѣдующемъ по-нѣмецки.

Третьимъ событіемъ этого года была попытка Н. Н. Зинина ввести меня въ академію наукъ, начавшаяся безъ всякаго вѣдома съ моей стороны. Разскажу ее въ томъ видѣ, въ какомъ я узналъ о ней, хотя и не вполнѣ, впослѣдствіи. Каѳедру анатоміи и физіологіи занималъ въ академіи знаменитый Бэръ и, вѣроятно, хотѣлъ приготовить себѣ преемника, потому что до меня дошли позднѣе слухи, что кандидатомъ на это мѣсто онъ прочилъ Кюне. Должно быть, русская партія этому воспротивилась и выставила съ своей стороны меня, какъ возможнаго кандидата. Повидимому, Бэръ долженъ былъ уступить, но уступилъ условно, отложивъ вопросъ до болѣе подробнаго знакомства со мной. Вѣроятно, съ этою цѣлью старому академику Брандту, читавшему въ медицинской академіи зоологію, было поручено пригласить меня бывать у него въ качествѣ товарища по медицинской академіи. Иначе я не могу объяснить, откуда у него могло явиться такое желаніе—не изъ-за экзамена же, столь блистательно выдержаннаго мною у него при поступленіи въ медицинскую академію. Ничего не подозрѣвая, я бывалъ въ его семьѣ въ назначенные дни нѣсколько разъ и всегда заставалъ тамъ двухъ академиковъ нѣмцевъ — Шиффнера и Куника. Бесѣды происходили, конечно, на нѣмецкомъ языкѣ, но безъ всякихъ ощутимыхъ подходовъ узнать мой образъ мыслей или степень моей учености. Кажется, это была проба на степень моей культурности, потому что объ учености наводились справки у нѣмецкихъ профессоровъ — много позднѣе Пфлюгеръ сказалъ мнѣ это прямо. Вѣроятно, по полученіи такихъ справокъ, Зининъ сказалъ мнѣ однажды, что мнѣ, какъ физіологу, слѣдуетъ представиться такому знаменитому и почтенному представителю той же науки въ Россіи, какъ Бэръ, и свозилъ меня къ нему на поклонъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ же объявилъ мнѣ, что меня хотятъ выбрать въ академію. Зная себѣ настоящую цѣну, я понялъ, что меня выбираютъ по поговоркѣ: на безрыбьи и ракъ рыба; къ тому же я не имѣлъ никакихъ основаній думать, что окажусь достойнымъ такой высокой чести и послѣдующей дѣятельности; жить же съ красными

ушами не хотѣлъ и потому наотрѣзъ отказался. Вскорѣ затѣмъ ко мнѣ, на нашу квартиру съ Беккерсомъ, пріѣхалъ непремѣнный секретарь академіи, Миддендорфъ, уговаривать меня измѣнить рѣшеніе, но, желая разомъ отдѣлаться, я сказалъ ему, что не имѣю въ виду посвятить себя исключительно ученой карьерѣ и буду заниматься медицинской практикой. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Кажется, въ эту же зиму былъ устроенъ мною манометръ для опредѣленія средней величины давленія крови и произведены опыты съ нимъ.

Какъ ни баловала меня судьба въ теченіе этого года, но воспоминаніе о свободѣ заграничной жизни еще не угасло и меня до такой степени тянуло на волю, что лѣтомъ, по окончаніи всѣхъ занятій, я получилъ (съ согласія проф. Якубовича взять на себя за извѣстное вознагражденіе мою долю лекцій) годовой отпускъ и осенью 62 года былъ уже въ Парижѣ, чтобы учиться и работать у Клода Бернара. Пріѣхалъ я туда раньше, чѣмъ открылись лабораторіи, и воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы съѣздить черезъ Марсель восхитительнымъ Средиземнымъ моремъ въ восхитительный Неаполь. Имѣя въ виду пробыть тамъ лишь очень короткое время, я отдалъ себя тотчасъ же по пріѣздѣ въ руки проводника и побывалъ во всѣхъ достопримѣчательныхъ пунктахъ города и его окрестностей, не исключая, конечно, вершины Везувія, Помпеи, Лазореваго грота на Капри, собачьей пещеры на Байскомъ берегу. Впослѣдствіи я познакомился съ Неаполемъ гораздо ближе, но теперь пробылъ всего девять дней. На обратномъ пути въ Марсель на небольшомъ пароходѣ итальянской компаніи Рубатино насъ порядкомъ началъ свирѣпый, но безопасный мистраль, и ѣхали мы очень долго. Въ Марсель пароходъ пришелъ ночью; на пристани не было ни единаго экипажа, и я былъ принужденъ взять въ проводники мальчика, вызвавшагося свести меня въ недалеко лежащій отель, гдѣ, по его словамъ, всегда останавливаются испанскіе епископы. Комната, которую я получилъ, должно быть, давно не знала испанскихъ посѣтителей, потому что едва я легъ въ постель и затушилъ свѣчу, какъ меня начали терзать сотни голодныхъ клоповъ; говорю безъ малѣйшаго преувеличенія, ибо видѣлъ, зажегши свѣчу, все стадо собственными глазами. Еле дозвонился портье, чтобы получить другую комнату.

Лабораторія Бернара (въ Collége de France) состояла изъ небольшой комнаты, въ которой онъ работалъ самъ, и смежной съ нею аудиторіи. Въ рабочей комнатѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ вивисекціонный столъ и нѣсколько шкафовъ съ посудой и инструментами, а въ аудиторіи передъ скамьями для слушателей столъ про-

фессора на низенькой платформѣ. Я получилъ позволенiе работать за этимъ столомъ. За всю зиму моего пребыванiя тамъ въ лабораторiи, кромѣ Бернара и его помощника Леконта, находился только старый отставной военный врачъ M. Rancheval, горячiй поклонникъ Бернара, и я. Этотъ одинокiй безсемейный старикъ, вѣроятно, скучалъ дома и ежедневно приходилъ въ лабораторiю. Бернаръ относился къ нему съ ласковой усмѣшкой, давалъ ему иногда въ руки пинцетъ, чтобы онъ помогалъ ему при операцiяхъ, и видимо доставлялъ этимъ великое удовольствiе старику. Познакомившись со мной, M. Rancheval подсаживался и ко мнѣ во время моихъ опытовъ. Онъ былъ республиканецъ, ярый ненавистникъ Наполеона III, и мы съ нимъ не мало прохаживались насчетъ этого «gredin et coquin du deux décembre». День проходилъ въ лабораторiи слѣдующимъ образомъ. Утромъ, часовъ въ 9-ть являлся я; швейцаръ коллежа отпиралъ мнѣ входъ въ лабораторiю, и я сидѣлъ за лягушками одинъ или въ обществѣ республиканца до прихода Бернара въ его рабочую комнату, что случалось не ранѣе какъ въ 1-мъ часу. Вмѣстѣ съ нимъ появлялся его помощникъ, дѣлались приготовленiя къ опытамъ за вивисекцiоннымъ столомъ и производились таковые. Я допускался къ нимъ въ качествѣ зрителя и удалялся въ аудиторiю по окончанiи оныхъ. Въ это время къ Бернару очень часто приходилъ его другъ Бертело, знаменитый уже и въ то время, но еще не бывшiй членомъ академiи, хотя уже былъ профессоромъ въ Collége de France. При ихъ бесѣдахъ я не присутствовалъ и не былъ даже ни разу представленъ Бертело. Ко мнѣ Бернаръ относился, конечно, вѣжливо, а къ моей работѣ—совершенно безучастно; единственные рѣдкiе случаи нашихъ бесѣдъ состояли въ вопросахъ съ его стороны, какъ смотрятъ въ Германiи на тотъ или другой интересующiй его предметъ. (Нужно замѣтить, что онъ не зналъ нѣмецкаго языка и былъ очень мало знакомъ съ физiологической литературой Германiи; на его лекцiяхъ я слышалъ только два нѣмецкихъ имени: Валентина и Вирхова.) Черезъ годъ послѣ меня къ нему прiѣхалъ Кюне; съ этимъ онъ сошелся и черезъ него познакомился съ нѣмцами [1]); это я слышалъ отъ самого Кюне.

---

[1]) Все описываемое относится ко времени до нѣмецкаго погрома, когда французы вообще недостаточно цѣнили то, что дѣлалось за предѣлами Францiи; но и въ послѣдующiй затѣмъ перiодъ недостаточное знанiе французами нѣмецкаго языка все еще продолжало сказываться. Мнѣ доподлинно извѣстно, что въ то время, когда открытiе Кохомъ туберкулина, какъ противочахоточнаго средства, волновало всю Европу, коллеги нашего знаменитаго Мечникова просили его переводить сыпавшiяся въ то время въ Германiи журнальныя статьи.

Бернаръ былъ первостепенный работникъ въ физiологiи, считался самымъ искуснымъ вивисекторомъ въ Европѣ (какъ считается, я думаю, нынѣ нашъ знаменитый физiологъ Ив. Петр. Павловъ) и былъ родоначальникомъ ученiя о влiянiи нервовъ на кровеносные сосуды и создателемъ ученiя о гликогенѣ въ тѣлѣ; при всемъ томъ очень тонкiй наблюдатель (какъ это сказалось, напр., въ его опытахъ съ иннервацiей слюнной железы) и трезвый философъ. Но онъ не былъ такимъ учителемъ, какъ нѣмцы, и разрабатывалъ зарождавшiяся въ головѣ темы всегда собственными руками, не выходя, такъ сказать, изъ своего кабинета. Вотъ почему прiѣзжему къ нему на короткое время, какъ я, выучиться чему-нибудь въ лабораторiи было невозможно.

Въ эту зиму Реньо читалъ въ Collége de France курсъ термометрiи, и я сидѣлъ на его лекцiяхъ. Въ теченiе этого въ высшей степени поучительнаго курса онъ описалъ между прочимъ одну модификацiю его воздушнаго термометра, дающую возможность наблюдателю измѣрять, сидя у себя въ кабинетѣ, температуру почвы или слоевъ воздуха надъ нею въ любые часы. Въ этой модификацiи манометръ оставался въ комнатѣ наблюдателя, а воздушный баллонъ выводился наружу при посредствѣ очень тонкой металлической трубки любой длины, хотя бы въ нѣсколько метровъ. У меня, какъ человѣка, много возившагося съ грубымъ абсорпцiометромъ Лотара Мейера (гдѣ прiемникъ для поглощающей жидкости тоже соединялся съ манометромъ, но посредствомъ каучуковой трубки) и на дѣлѣ знавшаго его недостатки, тотчасъ же родилась мысль воспользоваться тонкой металлической трубкой для устройства абсорпцiометра, что и было впослѣдствiи мною сдѣлано. Съ этою цѣлью я вывезъ изъ Парижа очень большой запасъ такихъ трубокъ.

Мысли мои о газахъ были однако на многiе годы отвлечены работой, которую я производилъ въ лабораторiи Бернара, въ обществѣ милѣйшаго M. Rancheval'я. Описанiе ихъ требуетъ маленькаго предисловiя.

Вопросъ о томъ, что воля способна не только вызывать, но и подавлять движенiя, былъ извѣстенъ, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ люди стали замѣчать на себѣ самихъ и на своихъ ближнихъ способность угнетать невольно порывы къ движенiямъ (наприм., кашлю или чиханiю, движенiямъ отъ зуда или боли и т. под.) и противостоять вообще искушенiямъ на различныя дѣйствiя. Роль нервной системы въ движенiяхъ давно уже стала предметомъ научнаго изслѣдованiя, но первый лучъ въ темную область угнетенiя движенiй былъ брошенъ лишь въ 1845 г. достопамятной работой Эд. Вебера

съ тормозящимъ дѣйствіемъ блуждающаго нерва на сердце. Въ этой работѣ онъ установилъ два факта: ускореніе сердцебіеній вслѣдъ за перерѣзкой нерва и замедленіе ихъ до полной діастолической остановки при раздраженіи внѣшняго отрѣзка перерѣзаннаго нерва, откуда заключилъ, что нормально изъ головного мозга должны идти непрерывно по нерву слабыя возбужденія, умѣряющія дѣятельность сердца. Рядомъ съ этимъ онъ замѣтилъ вскользь, что извѣстное уже въ то время усиленіе спинно-мозговыхъ рефлексовъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ спинного мозга отъ головного, происходитъ вѣроятно такимъ же путемъ, т.-е. что нормально идутъ отъ головного мозга слабыя тормозящія вліянія на отражательную дѣятельность спинного. Насколько великъ былъ интересъ, возбужденный открытіемъ Вебера въ Германіи, доказательствомъ служитъ тотъ шумъ, который сопровождалъ черезъ десять лѣтъ второе подобное же открытіе Пфлюгера съ дѣйствіемъ большого черепного нерва на движенія кишекъ; замѣтка же Вебера касательно головного и спинного мозга оставалась словно незамѣченной, а между тѣмъ ею непосредственно ставилась даже форма пробныхъ опытовъ. Причинъ этому было двѣ: съ одной стороны, изслѣдованіями Гельмгольтца и дю Буа-Реймона вниманіе нѣмецкихъ физіологовъ было надолго отвлечено отъ нервныхъ центровъ въ сторону болѣе доступныхъ изслѣдованію нервовъ; съ другой стороны, опыты надъ головнымъ мозгомъ были у нѣмцевъ не въ чести съ тѣхъ поръ, какъ опыты въ этой области Мажанди, Лонже и Шиффа (различныя перерѣзки среднихъ частей мозга съ вытекающими отсюда нарушеніями локомоціи) дали запутанные и разнорѣчивые результаты. Въ Германіи ходили слова Людвига по поводу этихъ опытовъ: «это все равно, что изучать механизмъ часовъ, стрѣляя въ нихъ изъ ружья». Какъ бы то ни было, до 1861 г. никто не дотронулся до замѣтки Вебера, и опытная провѣрка его предположенія выпала на мою долю. Благодаря существовавшему уже тогда очень простому и вѣрному способу Тюрка измѣрять на лягушкѣ легкость происхожденія кожно-мышечныхъ рефлексовъ, я взялъ для опытовъ это животное.

Форма опытовъ, по смыслу дѣла, была очень проста: перерѣзать послойно головной мозгъ спереди, мѣрять рефлексы послѣ перерѣзки, прикладывать раздраженіе къ обнаруженному поперечному разрѣзу головного мозга и снова мѣрять рефлексы. Сначала я попробовалъ прикладывать къ мозгу электрическое раздраженіе [1]),

[1]) Не могу не припомнить при этомъ съ благодарностью прелестнаго, добраго старика Румкорфа, который на мою просьбу дать на прокатъ маленькій индукціонный снарядъ далъ мнѣ его на неопредѣленно долгое время даромъ, не взявъ, конечно, никакого залога.

но эта форма оказалась очень неудобной и даже мало пригодной, а потому была замѣнена химическимъ раздраженіемъ поперечныхъ разрѣзовъ (поваренной солью), дѣйствіе котораго долго ограничивается раздражаемою поверхностью, не проникая въ глубь мозга (чего нельзя сказать о раздраженіи электрическимъ токомъ, какъ бы слабо оно ни было). Принято было конечно во вниманіе, что полученные эффекты, связанные съ раздраженіемъ опредѣленныхъ мѣстъ, не зависятъ отъ боли и распространяются въ спинной мозгъ. На всѣхъ этихъ основаніяхъ и былъ сдѣланъ выводъ, что въ головномъ мозгу лягушки существуютъ центры, изъ которыхъ выходятъ тормозящія вліянія на отражательную дѣятельность спинного. Въ печати эти центры были названы мною «Centres modérateurs de l'action réflexe» по-французски и «Hemmungscentra» по-нѣмецки, что послужило впослѣдствіи поводомъ къ нападкамъ на смыслъ этихъ опытовъ. Во Франціи этотъ трудъ, по напечатаніи его, оставался въ ту пору мало замѣченнымъ, но въ Германіи, куда я отправился изъ Парижа, онъ встрѣтилъ теплый пріемъ. Прежде всего я показалъ опыты подробно Людвигу, въ присутствіи работавшаго тогда у него Прейера (потомъ профессора физіологіи въ Іенѣ), и оба, особенно послѣдній, остались довольны моими объясненіями; затѣмъ показалъ ихъ Брюкке, по его желанію, и наконецъ, проѣздомъ черезъ Берлинъ дю Буа-Реймону, встрѣтившему меня уже очень дружелюбно. Дѣло демонстрированія, съ разговорами по поводу явленій, прошло и здѣсь настолько благополучно, что закончилось вопросами профессора о постороннемъ предметѣ, именно о движеніи въ средѣ русскихъ женщинъ—работы моихъ ученицъ были напечатаны въ нѣмецкомъ журналѣ и были, конечно, уже извѣстны дю Буа-Реймону. По его словамъ, онъ не понималъ причинъ такого движенія, такъ какъ ему никогда не доводилось слышать въ знакомыхъ семьяхъ, что женщины недовольны своимъ положеніемъ и стремятся стать на самостоятельную ногу. Еще менѣе оно было понятно знакомымъ мнѣ изъ прежняго времени молодымъ нѣмцамъ. Эти даже подсмѣивались надъ нимъ, не предчувствуя, что со временемъ двери университета откроются для женщинъ въ Германіи раньше, чѣмъ въ Россіи.

Въ Петербургъ я вернулся въ маѣ 1863 г. и все лѣто просидѣлъ за писаньемъ вещи, которая играла нѣкоторую роль въ моей жизни. Я разумѣю «Рефлексы головного мозга».

Въ моей докторской диссертаціи 1860 г. встрѣчаются слѣдующіе два тезиса:

«всѣ движенія, носящія въ физіологіи названіе произвольныхъ, суть въ строгомъ смыслѣ рефлекторныя» и

«самый общій характеръ нормальной дѣятельности головного мозга (поскольку она выражается движеніемъ) есть несоотвѣтствіе между возбужденіемъ и вызываемымъ имъ дѣйствіемъ и движеніемъ».

Первое положеніе понятно само собою, а второе требуетъ слѣдующаго маленькаго разъясненія: внѣ вліянія головного мозга чувственныя возбужденія и вызываемыя ими отраженныя движенія идутъ по силѣ параллельно другъ другу, т.-е. слабымъ возбужденіямъ соотвѣтствуютъ слабыя же движенія и наоборотъ, а подъ вліяніемъ головного мозга такого соотвѣтствія нѣтъ—слабое возбужденіе можетъ вызывать очень сильное движеніе (напр., вздрагиваніе всѣмъ тѣломъ при неожиданномъ легкомъ прикосновеніи), и наоборотъ, очень сильное раздраженіе можетъ вовсе не выразиться движеніемъ (когда, напр., человѣкъ выноситъ неподвижно сильную боль). Если къ этому прибавить, что докторантъ не могъ не знать трехчленнаго состава рефлексовъ и психологическаго значенія средняго члена въ актахъ, кончающихся произвольнымъ движеніемъ, то выходитъ, что мысль о перенесеніи психическихъ явленій, со стороны способа ихъ совершенія, на физіологическую почву должна была бродить у меня въ головѣ уже во время перваго пребыванія за границей, тѣмъ болѣе что въ студенчествѣ я занимался психологіей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти мысли бродили въ головѣ и во время пребыванія моего въ Парижѣ, потому что я сидѣлъ за опытами, имѣющими прямое отношеніе къ актамъ сознанія и воли. Какъ бы то ни было, но по возвращеніи изъ Парижа въ Петербургъ мысли эти, очевидно, улеглись въ головѣ въ слѣдующій рядъ частью несомнѣнныхъ, частью гипотетическихъ положеній:

въ ежедневной сознательной и полусознательной жизни человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ чувственныхъ вліяній на него извнѣ черезъ органы чувствъ и отъ чувствованій, идущихъ изъ его собственнаго тѣла (самочувствія);

ими поддерживается вся его психическая жизнь, со всѣми ея двигательными проявленіями, потому что съ потерей всѣхъ чувствованій психическая жизнь невозможна (послѣднее предположеніе подтвердилось лѣтъ черезъ двадцать извѣстными мнѣ очень рѣдкими случаями наблюденія надъ людьми съ потерей всѣхъ почти чувствъ);

подобно тому какъ показанія органовъ чувствъ суть руководители движеній, такъ и въ психической жизни желанія или хотѣнія суть опредѣлители дѣйствій;

какъ рефлексы, такъ и психическіе акты, переходящіе въ дѣйствіе, носятъ характеръ цѣлесообразности;

началомъ рефлексовъ служитъ всегда какое-либо чувственное вліяніе извнѣ; то же самое, но очень часто незамѣтно для насъ, имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ вообще душевныхъ движеній (ибо безъ чувственныхъ воздѣйствій психика невозможна!);

рефлексы кончаются въ большинствѣ случаевъ движеніями; но есть и такіе, которымъ концомъ служитъ угнетеніе движеній; то же самое въ психическихъ актахъ: большинство выражается мимически или дѣйствіемъ; но есть множество случаевъ, гдѣ концы эти угнетены и трехчленный актъ принимаетъ видъ двучленнаго,— созерцательная умственная сторона жизни имѣетъ эту форму;

страсти коренятся прямо или косвенно въ такъ наз. системныхъ чувствахъ человѣка, способныхъ нарастать до степени сильныхъ хотѣній (чувство голода, самосохраненія, половое чувство и пр.), и проявляются очень рѣзкими дѣйствіями или поступками; поэтому могутъ быть отнесены въ категорію рефлексовъ съ усиленнымъ концомъ.

Эти положенія и составили канву, послужившую основой для написаннаго мною небольшого трактата подъ названіемъ «Попытка ввести физіологическія основы въ психическіе процессы». Редакторъ медицинской газеты, куда я отдалъ рукопись для напечатанія, заявилъ мнѣ, что цензура требуетъ перемѣны заглавія (думаю, что скорѣе самъ редакторъ находилъ его нѣсколько неудобнымъ для чисто медицинской газеты), и вмѣсто прежняго заголовка я поставилъ слова: «Рефлексы головного мозга».

Изъ-за этой книги меня произвели въ ненамѣреннаго проповѣдника распущенныхъ нравовъ и въ философа нигилизма. Къ сожалѣнію, по существовавшимъ тогда цензурнымъ правиламъ, откровенное разъясненіе этихъ недоразумѣній въ печати было невозможно, а устранить ихъ было не трудно. Въ самомъ дѣлѣ, въ наиболѣе рѣзкой формѣ обвиненіе могло бы имѣть такой видъ:

всякій поступокъ, независимо отъ его содержанія, считается по этому ученію предуготовленнымъ природой даннаго человѣка; совершеніе поступка приписывается какому-нибудь, можетъ быть даже совершенно незначащему, толчку извнѣ, и самый поступокъ считается неизбѣжнымъ; откуда выходитъ, что даже злой преступникъ невиновенъ въ содѣянномъ злодѣяніи; но этого мало,—ученіе развязываетъ порочному человѣку руки на какое угодно постыдное дѣло, заранѣе убѣждая его, что онъ не будетъ виновнымъ, ибо не можетъ не сдѣлать задуманнаго.

Въ этомъ обвиненіи пунктъ развязыванія рукъ на всякое постыдное дѣло есть плодъ прямого недоразумѣнія. Въ инкриминируемомъ сочиненіи рядомъ съ рефлексами, кончающимися движе-

ніями, поставлены равноправно рефлексы, кончающіеся угнетеніемъ движеній. Если первымъ на нравственной почвѣ соотвѣтствуетъ совершеніе добрыхъ поступковъ, то вторымъ—сопротивленіе человѣка всякимъ вообще, а слѣдовательно и дурнымъ, порывамъ. Въ трактатѣ не было надобности говорить о добрѣ и злѣ; рѣчь шла о дѣйствіяхъ вообще и утверждалось лишь то, что при опредѣленныхъ данныхъ условіяхъ какъ дѣйствіе, такъ и угнетеніе дѣйствія происходятъ неизбѣжно, по закону роковой связи между причиной и эффектомъ. Гдѣ же тутъ проповѣдь распущенности?

Что же касается обвиненія въ томъ, что ученіемъ устраняется понятіе виновности и наказуемости, то по этому поводу мнѣ пришлось высказаться въ 70-хъ годахъ въ Одессѣ, на обѣдѣ, который давалъ д-ръ Мюнхъ въ честь пріѣзда своего пріятеля, знаменитаго московскаго адвоката, имени котораго не припомню. Этотъ гость прямо сказалъ мнѣ, что я своимъ ученіемъ, уничтожая элементъ виновности, устраняю этимъ элементъ наказуемости. На это я отвѣтилъ такъ: утверждая невмѣняемость человѣку въ вину его дѣйствій вообще, я считаю одинаково невиновнымъ въ дѣяніи и преступника, и наказующую его власть; но преступленія, какъ зла, я не оправдываю; различныхъ степеней испорченности преступниковъ и ихъ непригодности къ жизни на свободѣ я не отрицаю; слѣдовательно, признаю за властью право ограждать общество отъ зла.

По возвращеніи въ 1863 году въ Петербургъ я началъ вести осѣдлую жизнь (сталъ, должно быть, богаче): нашелъ чистенькую квартиру изъ трехъ комнатъ, обзавелся нехитрымъ хозяйствомъ, обѣдалъ дома и сталъ даже изрѣдка зазывать пріятелей на вечера, которые въ шутку назывались «балами», такъ какъ, кромѣ освѣщенія комнатъ а giorno и чая со сластями отъ неизбѣжнаго въ то время для всѣхъ обитателей Литейной части Бабикова [1]), ничего не полагалось. У Боткина же къ этому времени устроились извѣстныя изъ описанія его друга Н. А. Бѣлоголоваго субботы. У насъ обоихъ завязались новыя знакомства, и жизнь потекла на долгіе годы такъ, какъ она идетъ у всѣхъ рабочихъ вообще—недѣля за дѣломъ, а тамъ отдыхъ въ кружкѣ пріятелей. Пріятели наши того времени были все люди хорошіе, работники какъ мы, не нуждающіеся ни въ какихъ особенныхъ прикрасахъ къ послѣ-недѣльному

[1]) Да и въ этомъ скромномъ угощеніи случались прорѣхи, которыя, по молодости публики, служили однако потѣхой, а не огорченіемъ. Дѣло въ томъ, что главный приказчикъ Бабикова былъ купецъ стараго закала и при всякомъ удобномъ случаѣ норовилъ подсунуть въ хорошее что-нибудь негодное и на укоры покупателя отвѣчалъ обыкновенно совершенно спокойно: „наше дѣло продать-съ, ваше дѣло смотрѣть-съ". Все это было, конечно, извѣстно и моимъ гостямъ.

отдыху, кромѣ простой дружеской бесѣды. За всѣ послѣдующія семь лѣтъ я помню только два вечера съ танцами—одинъ, устроенный по подпискѣ въ залѣ гостиницы Клея, и другой на дому у Боткина.

Изъ новыхъ пріятелей я особенно близко зналъ Груберовъ, мужа и жену, и опишу эту оригинальную пару прежде всего.

Въ свою бытность профессоромъ медицинской академіи Пироговъ выписалъ изъ Праги ассистента Гиртля, Грубера, и опредѣлилъ его прозекторомъ анатоміи при медицинской академіи. Безъ языка и знанія обычаевъ и уставовъ академической среды (довольно-таки темной въ то время), при этомъ въ высшей степени непрактичный въ обыденной жизни, Груберъ долженъ былъ нерѣдко дѣлать промахи, дѣйствуя и говоря не въ тонъ окружающимъ, и вынесъ изъ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Россіи такое впечатлѣніе, словно онъ былъ окруженъ врагами. Если мои справедливыя требованія и исполнялись время отъ времени, говоритъ онъ, то всегда съ прибавкой: «ахъ, этотъ проклятый нѣмецъ!» Прибавка эта была, конечно, во многихъ случаяхъ шутливая, а онъ принималъ ее въ серьезъ. Удержали Грубера въ Россіи его беззавѣтная любовь къ анатоміи и такое богатство поступавшаго въ его руки анатомическаго матеріала, о которомъ онъ и мечтать не могъ за границей. Зналъ онъ одну анатомію, считалъ ее однимъ изъ китовъ, на которыхъ стоитъ вселенная, и съ утра до ночи занимался такими вещами (аномаліями строенія тѣла), которыя требовали громаднаго матеріала, такъ какъ ему, по смыслу дѣла, приходилось не только находить сравнительно рѣдкія аномаліи, но и вести имъ статистику, т.-е. опредѣлять численное отношеніе аномалій къ нормѣ. Въ этомъ отношеніи ежегодныя занятія сотенъ студентовъ въ анатомическомъ театрѣ были для него кладомъ. Онъ съ первыхъ же лѣтъ завелъ книгу, въ которой записывалось число всѣхъ выданныхъ въ теченіе года препаратовъ и число замѣченныхъ въ нихъ (имъ самимъ, его ассистентами и даже натасканнымъ на эти поиски фельдшеромъ) аномалій. Съ теченіемъ времени книга эта достигла, разумѣется, колоссальныхъ размѣровъ и была сокровищемъ, храненіе котораго поручалось лишь главному или наиболѣе любимому изъ ассистентовъ. Если таковой впадалъ къ нему въ немилость, то сокровище отъ него отбиралось [1]). Чувство долга, вытекающее изъ

---

[1]) Подобный же, но еще болѣе оригинальный случай любви къ записной книжкѣ я слышалъ отъ Людвига. Дѣло происходило въ Гейдельбергѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія. У извѣстнаго химика и гофрата Тидемана были: записная книжка, въ которую вносились ежедневно всѣ впечатлѣнія и приходившія въ голову мысли, молоденькая дочка въ возрастѣ невѣсты и молодой ассистентъ, будущій извѣстный

сознанія, что онъ поставленъ быть разсадителемъ анатомическихъ знаній, и чувство справедливости были развиты въ Груберѣ до непостижимой для насъ, русскихъ, степени. Такъ, экзаменуя ежегодно сотни лицъ (при сдачѣ препаратовъ студентами, докторантами и прикомандировывавшимися къ академіи военными врачами), онъ прогонялъ неудачниковъ *до пяти разъ,* не допуская лишь до шестого. Такимъ образомъ, вся его жизнь проходила въ непрерывныхъ экзаменахъ и описываніи аномалій. Въ одинъ особенно счастливый годъ онъ съ гордостью говорилъ намъ, стукнувъ кулакомъ по столу, что написалъ въ этомъ году hundertundvierzig Abhandlungen! Вирховъ сначала помѣщалъ въ своемъ журналѣ его статьи, но когда онѣ посыпались какъ дождь, отказался, и Груберъ печаталъ ихъ уже отдѣльными оттисками. Считая себя человѣкомъ, заслуживающимъ почета, онъ крайне любилъ свои юбилеи, приготовлялъ къ нимъ пламенныя рѣчи и самъ описывалъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ (описанія эти были, кажется, изданы Браумюллеромъ въ Вѣнѣ). Добрый въ душѣ, онъ держалъ себя очень сурово въ анатомическомъ театрѣ, отрывисто командуя своими подчиненными. Требовалъ даже, чтобы они являлись встрѣчать его на вокзалъ, когда онъ послѣ каникулъ возвращался изъ-за границы въ Петербургъ. Эти черты онъ заимствовалъ отъ своего учителя Гиртля, передъ которымъ трепеталъ въ былыя времена самъ, и вообще считалъ себя неограниченнымъ повелителемъ въ анатомическомъ театрѣ (студенты звали его выборгскимъ императоромъ). Мнѣ стоило одинъ разъ большого труда убѣдить его въ томъ, что онъ не имѣетъ права прогнать отъ себя назначеннаго къ нему начальствомъ ассистента. Вѣчно занятый своей анатоміей и аномаліями, онъ на все остальное смотрѣлъ словно вскользь и, схватывая въ окружающихъ людяхъ лишь наиболѣе выдающіяся черты, дѣлилъ ихъ на слѣдующія категоріи: alte Esel — это были всѣ прежніе старые профессора академіи, со включеніемъ, впрочемъ, въ эту категорію и одного настоящаго академика; Schweinsköpfe — всѣ недоброжелатели анатомическаго театра; Lausbuben—не нравящіеся молодые люди; gute Kerle—пріятели перваго разряда, и pfiffige Kerle — любимцы Грубера, къ которымъ онъ причислялъ Пирогова и Боткина. Первый заслужилъ

Бишоффъ. Дочка и ассистентъ полюбили другъ друга и долго боялись суровости гофрата, но наконецъ Бишоффъ рѣшился просить у него руки дочери. Разумѣется, онъ былъ прогнанъ, какъ „Lausbub“, возмечтавшій о дочери гофрата. Думали, гадали влюбленные, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ нашли средство. У гофрата пропала записная книжка; онъ метался нѣсколько дней какъ угорѣлый и, прозрѣвъ наконецъ истину, сказалъ уже безъ злобы ассистенту: „ну, бери дочь и отдай мнѣ книжку“, что, конечно, и совершилось.

это названіе своими насмѣшками надъ архаическими порядками ненавистной Груберу академіи стараго времени, а второй — веселыми небылицами, которыми онъ любилъ угощать Грубера, зная его вкусы.

Въ жены этому чудаку Богъ послалъ женщину, съ виду тоже немного чудачку, но въ сущности самыхъ высокихъ душевныхъ качествъ. Своему «Мутцерлю» (такъ она звала мужа) она была предана столь же беззавѣтно, какъ тотъ анатоміи, была его нянькой, зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы ничто не мѣшало его занятіямъ, помогала ему въ нихъ насколько умѣла [1]) и нерѣдко просиживала цѣлые вечера въ анатомическомъ театрѣ съ чулкомъ въ рукахъ, чтобы не оставлять однимъ своего дитятка. Чистая душой, искренняя, пылкая и храбрая—послѣднее она доказала на дѣлѣ, спасая не однажды студентовъ отъ опасности — она называла всѣ вещи своимъ именемъ, бранила, не стѣсняясь, всякую кривду и, наоборотъ, готова была цѣловать стараго и малаго за всякое доброе дѣло. Увѣренъ, что въ случаѣ нужды она стала бы защищать своего Мутцерля съ опасностью для жизни. А онъ хотя и любилъ ее, но словно не замѣчалъ, что вся жизнь бѣдной женщины уходитъ на служеніе ему, и довелъ ее своимъ безсознательнымъ эгоизмомъ до того, что она, наконецъ, не понимала, какъ можно ей одной, безъ мужа, ѣхать въ театръ или въ гости. Лично ей болѣе чѣмъ сорокалѣтняя жизнь въ Россіи не принесла никакихъ радостей, но ея честная душа не могла не полюбить молодежь за ея часто необдуманные, но всегда честные порывы къ добру; какъ жена Грубера, она полюбила и академію за почетъ, оказываемый ея мужу, и, умирая, завѣщала едва ли не все свое состояніе медицинской академіи на стипендіи студентамъ. Большой пріятель Груберовъ и мой, Евг. Венц. Пеликанъ, дослужившійся уже въ то время до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и директорства въ медицинскомъ департаментѣ, слѣдовательно видавшій на своемъ вѣку много видовъ, говорилъ мнѣ, собираясь къ Груберамъ въ гости, не иначе какъ «поѣдемте къ младенцамъ». Воспитанный на сладкой ѣдѣ и начинавшій уже тяжелѣть, онъ непритворно восхищался вѣнскими шницелями M-me Груберъ, которая въ дѣвичествѣ училась поваренному искусству въ Прагѣ у повара какого-то чешскаго магната и любила угощать Пеликана, какъ настоящаго цѣнителя ея искусства.

---

[1]) Разъ, напр., весной понадобился Груберу заяцъ. Густи (такъ онъ называлъ жену) обѣгала чуть не всѣ рынки и, наконецъ, на Сѣнной наткнулась на смѣтливаго въ купеческомъ смыслѣ рассейца, который и продалъ ей гнилого зайца за шесть рублей. Это разсказывала она сама, ругая при этомъ любовно своего Мутцерля за его ученыя прихоти.

По субботамъ у Боткина собиралась обыкновенно мужская компанія, и Груберъ былъ завсегдатаемъ субботъ. Я же въ семьѣ Груберовъ игралъ роль истолкователя всего, чего они не понимали въ русской жизни, поэтому и здѣсь Груберъ садился подлѣ меня, чтобы, въ случаѣ чего-нибудь непонятнаго въ разговорѣ, прибѣгнуть къ моей помощи. Если съ нимъ случалась такая заминка, я получалъ толчокъ въ бокъ, со словомъ «Sie!» и уже зналъ, что дѣлать.

О Пеликанѣ, какимъ онъ былъ до знакомства съ нашимъ кружкомъ, я знаю лишь по слухамъ и очень бѣгло. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастливцевъ, которые проводятъ молодость въ холѣ, съ сильной рукой за спиной, и, будучи мягки по природѣ, даютъ этой рукѣ волю вести себя по пути житейскаго благополучія. Такъ, по окончаніи медицинской школы его вводятъ въ аристократическій кругъ — назначаютъ полковымъ врачомъ въ конногвардейскій полкъ, который служилъ и въ то еще время питомникомъ государственныхъ людей. Отсюда Пеликанъ вынесъ между прочимъ убѣжденіе, что будущіе государственные мужи черпали свою мудрость изъ романовъ Дюма-отца. Представленный этому кружку въ достаточной мѣрѣ, онъ покидаетъ его, ѣдетъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и дѣлается профессоромъ судебной медицины, съ тѣмъ чтобы при первомъ удобномъ случаѣ промѣнять ученую карьеру на чиновническую. Въ какой мѣрѣ играли въ послѣднемъ превращеніи его личные или навязанные ему извнѣ вкусы, я не знаю, но къ нашему пріѣзду, будучи уже крупнымъ чиновникомъ, онъ не имѣлъ въ себѣ ничего чиновническаго. Встрѣтивъ насъ словно старыхъ знакомыхъ, пріѣхавшихъ изъ-за границы съ интересными новостями, онъ тотчасъ же сблизился и сталъ на равную ногу съ нами. Выше было уже сказано, что по пріѣздѣ въ Петербургъ я засталъ его, директора департамента, за лекціями въ очень скромной аудиторіи Пассажа. Въ первые же годы нашей жизни въ Петербургѣ онъ основалъ, подъ редакціей Ловцова, журналъ «Судебно-Медицинскій Вѣстникъ»: значитъ, любовь его къ научному дѣлу была еще налицо. Имѣть въ молодости за спиной сильную руку, конечно, удобно и, можетъ быть, даже очень полезно, если она толкнетъ молодого человѣка на настоящую дорогу, но въ данномъ случаѣ послѣдняго, я думаю, не случилось. На своемъ пути онъ долженъ былъ встрѣчать не мало искушеній; не будучи бойцомъ, былъ, вѣроятно, вынужденъ дѣлать по временамъ уступки, и превратился въ типъ усмиреннаго жизненной практикой человѣка, сохранившаго однако способность различать истинное добро отъ офиціальнаго. Мнѣ былъ извѣстенъ его настоящій

образъ мыслей; рыцарски честный д-ръ Ловцовъ, членъ Боткинскаго кружка [1]), имѣвшій съ Пеликаномъ много дѣла по редакціи журнала, былъ преданъ ему всей душой и всегда отзывался о немъ, какъ о превосходномъ человѣкѣ; наконецъ, его любила чуткая ко всему доброму M-me Груберъ, хотя и знала за нимъ изъ прошлаго нѣкоторые грѣхи по женской части. Случайно Пеликанъ сыгралъ нѣкоторую роль и въ моей судьбѣ. Когда я вышелъ изъ медицинской академіи (объ этомъ рѣчь ниже), вскорѣ за этимъ Одесскій университетъ выбралъ меня профессоромъ физіологіи на физико-математическій факультетъ, но Ив. Дав. Деляновъ, замѣщавшій тогда находившагося въ отпуску графа Толстого, не рѣшился или не хотѣлъ дать дѣлу ходъ въ теченіе почти полугода, съ осени 1870 по весну 1871 г. Весной 71-го года въ Константинополѣ имѣла собраться международная комиссія по противохолерному вопросу, и Пеликанъ отправился туда делегатомъ русскаго правительства. Проѣздомъ черезъ Одессу онъ встрѣтился съ тамошнимъ попечителемъ округа Голубцовымъ, и между ними произошелъ разговоръ на мой счетъ. При этомъ нужно замѣтить, что Голубцовъ былъ медикъ, и Пеликанъ, какъ крупное лицо въ медицинскомъ мірѣ, имѣлъ въ его глазахъ большое значеніе. Зная по слухамъ, что онъ лично знакомъ со мною, Голубцовъ поинтересовался узнать, дѣйствительно ли я очень опасный и вредный человѣкъ для молодежи, и прибавилъ, что это обстоятельство мѣшаетъ моему назначенію въ университетъ. Пеликанъ на это даже разсмѣялся и настолько увѣрилъ Голубцова въ моей безвредности, что тотъ взялъ мое назначеніе на свой страхъ, и я былъ утвержденъ. Всю эту исторію я слышалъ отъ самого Пеликана.

Хотѣлось бы помянуть добрымъ словомъ еще одного близкаго пріятеля того времени, умнаго, живого, даровитаго Владиміра Ковалевскаго, который къ сожалѣнію кончилъ слишкомъ рано, потому что жилъ слишкомъ быстро. Нарисовать его портретъ мнѣ однако не подъ силу—ужъ слишкомъ былъ онъ подвиженъ и разностороненъ, поэтому ограничусь перечисленіемъ его титуловъ, съ маленькой иллюстраціей къ нимъ. Вотъ его титулы въ историческомъ порядкѣ: правовѣдъ по школѣ, любитель естествознанія по выходѣ изъ нея, переводчикъ, крупный издатель, преимущественно естественно-историческихъ сочиненій (напр., «Жизни животныхъ» Брема), безкорыстный освободитель Софьи Васильевны Круковской отъ мнимаго родительскаго ига, что́ однако дало ей возможность сдѣ-

[1]) Гдѣ его называли „послѣднимъ изъ маркизовъ“ за тонкость манеръ и рыцарскія понятія о чести.

латься знаменитымъ математикомъ, нѣмецкій студентъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вернувшійся изъ-за границы геологомъ, неудачный для своего кармана строитель домовъ и профессоръ геологіи, не успѣвшій отдохнуть въ этой тихой пристани. А вотъ и иллюстраціи къ его титуламъ. Живой какъ ртуть, съ головой, полной широкихъ замысловъ, онъ не могъ жить, не пускаясь въ какія-нибудь предпріятія, и дѣлалъ это не съ корыстными цѣлями, а по неугомонности природы, неудержимо толкавшей его въ сторону господствовавшихъ въ обществѣ теченій. Въ тѣ времена была мода на естественныя науки, и спросъ на книги этого рода былъ очень живой. Какъ любитель естествознанія, Ковалевскій дѣлается переводчикомъ и втягивается мало-по-малу въ издательскую дѣятельность. Начинаетъ онъ съ грошами въ карманѣ и увлекается первыми успѣхами; но замыслы растутъ много быстрѣе доходовъ, и Ковалевскій начинаетъ кипѣть: бьется какъ рыба объ ледъ, добывая средства, работаетъ день и ночь и живетъ годы чуть не впроголодь, но не унывая. Бросаетъ онъ издательскую дѣятельность не потому, чтобы продолжать ее было невозможно, а потому, что ѣдетъ съ женой за границу учиться. Дѣла свои онъ передаетъ другой издательской фирмѣ въ очень запутанномъ видѣ, потому что велъ ихъ на широкую ногу, въ одиночку, безъ помощниковъ и пренебрегалъ бухгалтерской стороной предпріятія. Когда дѣла были распутаны, оказалось, что издано было имъ болѣе чѣмъ на 100.000 и онъ могъ бы получать большой доходъ, если бы велъ дѣла правильно. Кто не знаетъ изъ біографическихъ данныхъ Софьи Васильевны, какую безкорыстную роль игралъ Ковалевскій въ ея замужествѣ. Это было съ той и другой стороны увлеченіе тогдашними теченіями въ обществѣ. За границей жена училась математикѣ, а мужъ—естественнымъ наукамъ. Прожили они тамъ, я думаю, лѣтъ пять, и ему слѣдовало бы отдохнуть отъ угара издательской дѣятельности. Но онъ, къ сожалѣнію, вынесъ изъ нея не совсѣмъ вѣрную мысль, что можно дѣлать большія дѣла съ небольшими средствами. Плодомъ этой мысли былъ періодъ домостроительства въ Петербургѣ, кончившійся крахомъ. Чтó онъ, бѣдный мечтатель-практикъ, выстрадалъ за это время, и сказать нельзя. Очутился наконецъ у тихой пристани профессорства, но уже поздно—слишкомъ сильно кипѣлъ въ жизни.

Ковалевскій не принадлежалъ къ Боткинскому кружку. Съ нимъ я познакомился въ началѣ его издательской дѣятельности, когда моя будущая жена—мой неизмѣнный другъ до смерти—и я стали заниматься переводами, что началось съ 1863 года.

Въ этомъ году входъ въ медицинскую академію былъ закрытъ

для женщинъ, и обѣ мои ученицы, продолжая горѣть желаніемъ жить самостоятельнымъ трудомъ и служить человѣчеству, чуть было не обрекли себя на жизнь въ Киргизскихъ степяхъ. Дѣло въ томъ, что тогда уже было заявлено начальствомъ Оренбургскаго края о желательности имѣть для степного магометанскаго населенія женщинъ-медиковъ, въ виду того, что женщины магометанки упорно уклоняются отъ помощи медиковъ-мужчинъ. Слыша объ этомъ, обѣ молодыя энтузіастки рѣшились дать начальству подписку въ томъ, что онѣ отправляются въ степи, лишь бы имъ позволили учиться въ академіи.

Въ это время онѣ уже имѣли въ карманѣ свидѣтельства о выдержаніи ими экзамена изъ мужского гимназическаго курса. У меня не хватило тогда разсудка понять, что двѣ молодыя женщины, отправляясь въ дикія степи съ полуторамилліоннымъ населеніемъ, обрекаютъ себя на погибель безъ существенной пользы дѣлу, и я подалъ, въ желаемомъ ими смыслѣ, докладную записку тогдашнему директору канцеляріи военнаго министра (впослѣдствіи туркестанскому губернатору) Кауфману. Къ счастію, на эту записку не послѣдовало никакого отвѣта, и мои пріятельницы избавились отъ грозившей имъ бѣды. Говорю это серьезно, потому что, зная ихъ образъ мыслей и настроеніе, увѣренъ, что онѣ отправились бы въ степи, разъ имъ было дано формальное обѣщаніе. За симъ одна изъ нихъ отправилась черезъ годъ учиться медицинѣ заграницу, а другая временно осталась дома и сѣла за переводы, благо была разносторонне образована, знала языки и умѣла писать по-русски.

Между происшествіями 1864 года у меня врѣзалось въ памяти слѣдующее событіе.

Въ Литвѣ въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ польскихъ повстанцевъ оказался подпоручикъ русской службы Малевичъ (или Малевскій, не помню), контуженный во время стычки въ голову и привезенный въ Вильну въ безсознательномъ состояніи. По распоряженію Муравьева онъ былъ подвергнутъ въ госпиталѣ цѣлому ряду испытаній на притворство; а когда пробы не дали яснаго отвѣта, то вся исторія испытаній была прислана Муравьевымъ въ медицинскую академію на разсмотрѣніе и заключеніе. Разсмотрѣніе всего дѣла академія поручила Балинскому, Боткину и мнѣ.

По доставленному намъ журналу испытаній они заключались въ слѣдующемъ.

За дверью комнаты, гдѣ лежалъ больной, денно и нощно дежурили посмѣнно фельдшера, наблюдая за нимъ черезъ маленькое отверстіе въ двери.

Больной не просилъ ѣсть—и его не кормили.

Больной не выпускалъ мочи—и его не катетеризовали три дня, такъ что пузырь растянулся до пупка.

Больного неожиданно окачивали ледяной водой—ежился, дрожалъ, но не просыпался.

Ему подводили подъ верхнее вѣко закрытыхъ глазъ иголку и щекотали ею поверхность глаза—спазматически жмурился, текли слезы, но не просыпался.

На голое тѣло капали расплавленнымъ сургучомъ—отдергивалъ руку, но не просыпался.

Не довольствуясь этимъ, Муравьевъ выписалъ изъ Кёнигсберга тамошняго профессора хирургіи Бурова на консультацію съ госпитальными докторами. Профессоръ нашелъ, что вопросъ можетъ быть только рѣшенъ трепанацией черепа въ мѣстѣ контузіи.

Не знаю, почему нашъ знаменитый государственный мужъ, удостоившійся даже памятника въ Вильнѣ, не рѣшился на эту пробу; не знаю также, какое значеніе было придано имъ нашему рѣшенію, и послалъ ли Богъ смерть больному Малевичу въ госпиталѣ или онъ выздоровѣлъ и былъ повѣшенъ по выздоровленіи.

Въ годы съ 1863—67 я перевелъ съ своей ученицей учебникъ физіологіи Германа и учебникъ физіологической химіи Кюне, написалъ въ трехъ выпускахъ «Физіологію нервной системы» (Петербургъ, 1866) и сидѣлъ то въ одиночку, то съ своими учениками (Маткевичъ, Пашутинъ, Ворошиловъ, Тархановъ, Литвиновъ и Спиро) исключительно за нервной системой лягушки (единственнымъ исключеніемъ была работа Ворошилова надъ азотнымъ обмѣномъ въ тѣлѣ при употребленіи въ пищу бобовыхъ растеній). Лично мнѣ принадлежали за это время: анализъ явленія Броунъ-Секара, топографія спинно-мозговыхъ центровъ переднихъ конечностей лягушки, межцентральныя связи между спинно-мозговыми центрами переднихъ и заднихъ ногъ, локализація собирательныхъ центровъ для конечностей лягушки въ головномъ мозгу и отношеніе ихъ къ рефлексамъ между передними и задними ногами. Опыты эти были въ свое время помѣщаемы въ нѣмецкихъ журналахъ и подробно описаны въ моей «Физіологіи нервной системы», въ главахъ III и IV. Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится слѣдующее: «Написать физіологію нервной системы побудило меня главнѣйшимъ образомъ то обстоятельство, что во всѣхъ, даже лучшихъ, учебникахъ физіологіи въ основу частнаго описанія нервныхъ явленій кладется чисто-анатомическое начало..., я же съ перваго года преподаванія нервной системы сталъ слѣдовать другому пути, именно описывалъ на лекціяхъ нервные акты такъ, какъ они происходятъ въ дѣйствительно-

сти. Эта попытка удалась, и теперь я представляю попытку на судъ публики въ формѣ книги». Думаю и по сіе время, что былъ правъ, описывая нервныя явленія въ частности такъ, какъ они описывались въ этой книгѣ.

Весной 1863 г. я отправился съ цѣлымъ обществомъ къ роднымъ въ Симбирскую губернію. Ѣхали со мной: прелестнѣйшая старушка-нѣмка Анна Христіановна, тетка мужа моей сестры, выѣзжавшая во второй разъ въ своей жизни изъ Петербурга; порученная ей и только что кончившая курсъ институтка; только что кончившій курсъ медикъ-хирургъ, вызвавшійся заняться лѣтомъ деревенской практикой, и большой черный водолазъ Дружокъ, котораго я везъ въ подарокъ брату Андрею, большому любителю собакъ. Въ Твери мы сѣли на пароходъ и проѣхали по Волгѣ до Васильсурска. Восхищеніямъ Анны Христіановны не было конца, да и я впервые любовался красотами Волги въ Костромской губерніи. Пріѣхавшій со мной и поселившійся у насъ въ домѣ молодой хирургъ, будучи студентомъ 5-го курса, прославился тѣмъ, что успѣшно вылущилъ у больного руку съ лопаткой. Въ нашей глухой мѣстности не было поблизости хирурга, и едва онъ появился и началъ практику, какъ къ нему стали стекаться массы народа. Смѣлости онъ былъ непомѣрной; несмотря на то, что только что сошелъ со школьной скамейки, брался за все: снялъ катаракту у одной старой помѣщицы; вырѣзалъ моему брату геморроидальныя шишки и сдѣлалъ ему же операцію фистулы; сдѣлалъ удачно двѣ литотоміи; пережегъ и перерѣзалъ множество опухолей и, ободренный успѣхами, зарвался до того, что рѣшился на слѣдующій безумный опытъ (я узналъ объ этомъ лишь послѣ того, какъ опытъ былъ сдѣланъ, иначе, конечно, отговорилъ бы его). Пріѣхала къ нему дьячиха съ огромнѣйшимъ животомъ; сдѣлалъ ли онъ ей пробный проколъ или нѣтъ, не знаю, но во всякомъ случаѣ поступилъ безумно, впрыснувъ ей въ животъ іодной настойки, словно имѣлъ дѣло съ водянкой яичка. Съ недѣлю корчилась бѣдная дьячиха отъ мукъ и уѣхала съ такимъ же животомъ, съ какимъ пріѣхала. Жалостливъ онъ тоже не былъ: у молоденькой гувернантки моей племянницы была бородавка на пальцѣ, и она, конечно, пожелала избавиться отъ нея; на его предупрежденіе, что будетъ больно, она храбро отвѣтила, что стерпитъ, и дѣйствительно вытерпѣла со слезами на глазахъ, когда онъ пропустилъ подъ основаніе бородавки двѣ булавки накрестъ и перетянулъ ее подъ булавками ниткой. Какъ бы то ни было, но сдѣлалъ онъ не мало добра.

Лѣто 1864 года я жилъ на дачѣ на берегу Невы и началъ

писать «Физіологію нервной системы». Въ свободныя минуты сталъ было заниматься сложными глазами насѣкомыхъ (на огромныхъ глазахъ стрекозъ), но новаго ничего не нашелъ: видѣлъ только, до какой степени ничтожно измѣняются сопряженныя фокусныя длины корнеальныхъ фасетокъ съ значительными измѣненіями отстояній предметовъ отъ глаза да еще абсолютную неизмѣняемость кривизны всей поверхности сложнаго глаза при электрическомъ раздраженіи.

Въ каникулы слѣдующаго года (1865) мы отправились съ женой за границу, черезъ Швейцарію въ Италію. Выѣхали въ началѣ нашей весны, когда деревья только что зазеленѣли; Германія была въ цвѣту; на вершинѣ перевала черезъ С.-Готардъ 16 мая была снѣжная метель, а черезъ нѣсколько часовъ за переваломъ зрѣла уже пшеница, и на Комскомъ озерѣ мы ѣли восхитительныя вишни. Побывали, конечно, и на Lago magiore; а потомъ изъ Генуи отправились моремъ прямо въ Неаполь. Помню, что когда мы стояли въ Чивитавеккіи, на пароходъ сѣли трое туристовъ-нѣмцевъ, ѣхавшихъ изъ Рима въ Неаполь. Одинъ изъ нихъ, здоровый, плотный мужчина, съ букетомъ цвѣтовъ въ петлицѣ, очевидно руководитель остальныхъ товарищей, какъ только вошелъ на пароходъ, началъ ораторствовать съ большимъ одушевленіемъ о чудесахъ Рима. Но едва пароходъ вышелъ изъ гавани и начало его покачивать, нельзя было не замѣтить, что, какъ ни крѣпился ораторъ, тонъ его сталъ ослабѣвать и рѣчь вдругъ оборвалась — благо онъ сидѣлъ около борта, готоваго къ услугамъ тѣхъ, кто не выноситъ качки. Моя бѣдная жена жестоко страдала отъ морской болѣзни и почти всю дорогу пролежала въ постели. Изъ прогулокъ по окрестностямъ Неаполя особенно памятно мнѣ восхожденіе на Везувій. Изъ Портичи мы доѣхали верхами почти до основанія пепельнаго конуса. Тутъ привязались къ намъ съ услугами проводники, но М. А. рѣшительно отвергла ихъ помощь. День былъ солнечный, жаркій, и мы, я помню, отдыхали черезъ каждые пять шаговъ, увязая ногами въ пеплѣ. Она все-таки вынесла эту муку безъ посторонней помощи, взбираясь, я думаю, цѣлый часъ. Везувій въ это время стрѣлялъ ежеминутно, выбрасывая камни и столбы дыма. Мы имѣли возможность подойти къ самому краю стараго кратера и видѣть образованіе на его днѣ новаго конуса, изъ котораго и вылетали камни съ дымомъ. Сбѣжали мы съ вершины до подножія конуса минутъ въ 10-ть. Были, конечно, и на Капри въ Лазоревомъ гротѣ. Изъ Неаполя переселились на всю остальную часть лѣта въ Сорренто. Жили, конечно, очень тихо, работая—я за нервной физіологіей, жена за переводами; катались по морю въ лодкѣ, ѣздили

на ослахъ по окрестностямъ и только. За все лѣто въ Сорренто было два шумныхъ праздника: чествованіе мѣстной Мадонны и національный праздникъ освобожденія Неаполя отъ Бурбоновъ. Чествованіе Мадонны заключалось въ томъ, что во время церковной службы шла непрерывная стрѣльба петардъ; послѣ обѣдни образъ Мадонны вынесли наружу и помѣстили въ стѣнной нишѣ церкви; засимъ появился хоръ музыкантовъ и началъ, стоя передъ Мадонной, давать ей серенаду не въ видѣ какой-либо церковной кантаты, а утѣшать ее веселыми аріями. Другой праздникъ, или, по крайней мѣрѣ, часть его, происходилъ на городской площади, куда были вынесены портреты Виктора Эммануила и Гарибальди. Хоръ музыкантовъ заигралъ гимнъ Гарибальди, а публика въ сотни голосовъ стала вторить. По окончаніи — громъ рукоплесканій.

Помню какъ теперь изъ жизни въ Сорренто апельсинный садъ вокругъ домика (villa Grehan), въ которомъ мы жили, и его террасу, на которой въ одинъ прекрасный день появились два очень молодыхъ человѣка знакомиться съ нами. Это были—будущая гордость Россіи Илья Ильичъ Мечниковъ и Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій. Помню, что я тогда только что кончилъ писать иннервацію дыхательныхъ движеній и почему-то прочелъ имъ этотъ отрывокъ. Съ обоими я потомъ часто встрѣчался въ жизни и буду еще имѣть случай говорить о нихъ, а теперь знакомство наше продолжалось лишь нѣсколько дней. На обратномъ пути въ Россію мы побывали въ Римѣ и во Флоренціи.

Писательская дѣятельность и работы по нервной системѣ потребовали сидѣнья въ теченіе трехъ лѣтъ, притомъ сидѣнья въ лабораторіи надъ погребомъ (чего я не зналъ), и настолько расшатали мое здоровье, что я, со свойственною мнѣ мнительностью, сталъ воображать Богъ знаетъ что и началъ пріучать себя къ мысли, что, вѣроятно, приходится оставить профессорство, такъ какъ занимать мѣсто съ красными ушами не хотѣлъ. Мысленно намѣтилъ себѣ даже преемника въ лицѣ одного молодого человѣка, напечатавшаго въ это время двѣ очень хорошенькихъ работы за границей, котораго однако я лично не зналъ. Судьба, какъ нарочно, доставила случай познакомиться съ нимъ при его возвращеніи на родину черезъ Петербургъ. Мысль о немъ, какъ преемникѣ, была оставлена, другого подходящаго въ то время налицо не было, и я попробовалъ вылѣчить себя отдыхомъ и водами по совѣту Боткина. Денегъ отъ продажи изданій у меня было довольно, и я получилъ весной 1867 г. годовой отпускъ за границу. Начало лѣта провелъ въ Карлсбадѣ, поправился благодаря ежедневнымъ длиннымъ про-

гулкамъ на воздухѣ и отправился въ Грацъ къ профессорствовавшему тамъ старому другу Роллету. Туда же пріѣхала только что кончившая ученье въ Цюрихѣ моя бывшая ученица Суслова, съ цѣлью выработать при моемъ содѣйствіи докторскую диссертацію. Тема ей была дана такая, что она могла работать у себя на квартирѣ, и какъ разъ по вопросу для тонкихъ женскихъ рукъ—надъ крошечными лимфатическими сердцами лягушки. Получила она очень хорошіе результаты, установивъ несомнѣннымъ образомъ рядъ аналогій между нервнымъ аппаратомъ сердецъ и рефлекторными кожно-мышечными снарядами, именно—возбудимость остановившихся сердецъ съ кожи и діастолическую остановку ихъ при томъ самомъ раздраженіи среднихъ частей головного мозга, которое вызываетъ угнетеніе спинно-мозговыхъ рефлексовъ. Будучи свидѣтелемъ этихъ опытовъ, я испробовалъ вліяніе этого раздраженія на кровяное сердце и получилъ діастолическую остановку онаго. Значитъ, при раздраженіи зрительныхъ чертоговъ получаются одновременно три эффекта: угнетеніе рефлексовъ, угнетеніе дѣятельности сердца и угнетеніе дѣятельности четырехъ лимфатическихъ сердецъ. Знаю, что Ад. Фикъ, тогдашній профессоръ физіологіи въ Цюрихѣ, очень одобрилъ эту диссертацію. Она была переведена по-русски. Въ началѣ 1868 г. пріѣхала навѣстить меня М. А., а весной отправилась въ Цюрихъ доучиваться медицинѣ.

Я съ своей стороны тоже не сидѣлъ сложа руки.

Между критиками моей работы съ угнетеніемъ рефлексовъ едва ли не самымъ рѣшительнымъ былъ ученикъ Шиффа, Г. Не отрицая вѣрности моихъ фактовъ, онъ, на основаніи собственныхъ опытовъ, утверждалъ, что никакихъ задерживательныхъ механизмовъ тутъ нѣтъ, а дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что, когда нервной системѣ причиняется сильное потрясеніе, она, конечно, перестаетъ реагировать на слабое раздраженіе кожи—отъ сильнаго удара по головѣ и животное и человѣкъ теряютъ сознаніе, чувствительность и подвижность. Принципіально это возраженіе было невѣрно: употребленное мною химическое раздраженіе мозга съ поперечныхъ разрѣзовъ было не настолько сильно, чтобы производить параличи чувствительности; приложенное къ гемисферамъ, оно не производило никакого эффекта, а въ частяхъ близъ продолговатаго мозга вызывало признаки боли и бѣгство животнаго словно со страха. Но въ его опытахъ съ сильнымъ (и очень грубымъ по способу) раздраженіемъ нервныхъ стволовъ были намеки, что угнетеніе рефлексовъ можно вызвать и этимъ путемъ. Кстати систематическихъ опытовъ съ раздраженіемъ чувствующихъ нервовъ не существовало, и я рѣшилъ предпринять ихъ. Работа, сдѣланная и напечатанная

въ Грацѣ [1]), оказалась крайне благодарной. Съ чувствующаго нерва возбуждались параллельно другъ къ другу отражательные центры спинного мозга (на обезглавленныхъ лягушкахъ) и локомоторные головного (на животныхъ съ удаленными гемисферами). Послѣдніе оказались вообще болѣе чувствительными. Отдѣльные индукціонные удары, даже сильные, даютъ лишь одиночныя вздрагиванья, а ряды даже слабыхъ — координированныя движенія; при прочихъ равныхъ условіяхъ послѣднія наступаютъ тѣмъ легче, чѣмъ чаще рядъ ударовъ или чѣмъ продолжительнѣе каждый изъ нихъ; тетанизація нервовъ вызываетъ два эффекта — координированныя движенія и угнетенное состояніе нервныхъ центровъ; при слабой тетанизаціи преобладаетъ движеніе, при сильной—угнетеніе; прекращеніе тетанизаціи вызываетъ мгновенно сильныя движенія. Химическое раздраженіе нервовъ производитъ въ сущности то же, что слабая и сильная тетанизація. Угнетенное состояніе нервныхъ центровъ при химическомъ раздраженіи нерва оказывается особенно рѣзко въ слѣдующей формѣ опыта: лягушка съ отрѣзанными гемисферами выноситъ неподвижно (сидя свободно) химическое раздраженіе нерва поваренною солью въ теченіе 3—4′. Въ это время угнетеніе развивается такъ сильно, что даже сильное щипанье лапокъ не вызываетъ движеній; но какъ только отстригается раздражаемый конецъ нерва, животное дѣлаетъ скачокъ, иногда даже съ крикомъ, и чувствительность лапокъ мгновенно возстановляется [2]).

По возвращеніи въ Россію, въ зиму 1868 года, я читалъ въ Художественномъ клубѣ публичныя лекціи, и на одну изъ нихъ пришелъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ему, какъ почетному гостю, отвели мѣсто съ боку каѳедры. Читалъ я въ этотъ вечеръ о пространственномъ видѣніи, и когда рѣчь дошла до вліянія степени сведенія глазъ на кажущуюся величину предметовъ—факта, видимаго лишь въ стереоскопъ при сдвиганіи и раздвиганіи стереоско-

---

[1]) Ueber d. elektr. u. chem. Reiz. d. sensibl. Rückenmarksnerven d. Frosch. Graz, 1868.

[2]) По поводу этого опыта я невольно вспоминаю ближайшихъ друзей Роллета—Томашека, проф. нѣмецкой литературы, и Пёбаля, проф. химіи, съ которыми я водилъ компанію и которые заходили иногда въ лабораторію. Пёбаль былъ большой шутникъ и, будучи разъ свидѣтелемъ только что описаннаго опыта, замѣтилъ: „Какъ же послѣ этого не вѣрить дѣтямъ, когда они утверждаютъ, что воробья можно поймать, посыпавъ ему на хвостъ соли“. Дѣло въ томъ, что въ этомъ опытѣ лягушка сидитъ съ поджатой подъ себя цѣлой ногой, а вмѣсто другой изъ ея туловища торчитъ въ видѣ тонкаго хвоста отпрепарированный нервъ, конецъ котораго посыпается солью. Этотъ бѣдный шутникъ погибъ черезъ нѣсколько лѣтъ трагически: его зарѣзалъ днемъ на улицѣ бывшій лабораторный служитель, въ отместку за то, что Пёбаль уволилъ его за неисправности и пьянство.

пическихъ рисунковъ,— Иванъ Сергѣевичъ былъ такъ любезенъ, что согласился засвидѣтельствовать передъ публикой справедливость факта, посмотрѣлъ въ зеркальный стереоскопъ Уитстона, стоявшій на каѳедрѣ, и заявилъ громкимъ голосомъ, что дѣйствительно видѣлъ измѣненіе величинъ образовъ въ сказанномъ направленіи.

Должно быть, къ этому же году или къ слѣдующему относится моя полемика съ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ по поводу его книги «Задачи психологіи». «Замѣчанія» на эту книгу я писалъ, не зная лично Константина Дмитріевича, ни его благороднаго образа мыслей, ни его заслугъ, какъ ученаго. Зная все это, я не написалъ бы своихъ «Замѣчаній» и, конечно, ограничился бы позднѣйшей статьей «Кому и какъ разрабатывать психологію», потому что въ ней косвенно заключались всѣ существенныя возраженія противъ основныхъ положеній книги, дѣлавшія прямой разборъ ихъ излишнимъ. Говорю это потому, что мнѣ было очень непріятно думать о своихъ «Замѣчаніяхъ», когда я лично познакомился съ Константиномъ Дмитріевичемъ и нашелъ въ немъ человѣка, относившагося ко мнѣ съ первыхъ встрѣчъ самымъ дружелюбнымъ образомъ. Въ этомъ, къ счастію единственномъ, случаѣ моей жизни я отступилъ отъ правила, которому слѣдовалъ Людвигъ и которое мнѣ было извѣстно изъ его словъ: «отвѣчать на нападенія не иначе какъ дѣломъ». Въ книгѣ Константина Дмитріевича были существенныя нападки на мою психологическую вѣру, и я зарвался въ первый и послѣдній разъ въ жизни.

Въ эти же годы ко мнѣ вернулась прежняя хворь, общая слабость съ головокруженіями, не располагавшая ни къ дѣятельности, ни къ веселому настроенію духа. Академическіе годы 1868—69 были самыми непроизводительными въ моей жизни и, можетъ быть, благодаря этому я относился къ положенію дѣлъ въ академіи болѣе мрачно (можетъ быть, даже не совсѣмъ справедливо), чѣмъ бы слѣдовало. Это настроеніе кончилось въ 70-мъ году выходомъ изъ академіи, и я считаю небезполезнымъ остановиться нѣсколько на побудительныхъ причинахъ, приведшихъ меня къ такому финалу.

Въ животноводствѣ для поддержанія расы признается необходимымъ подновлять время отъ времени кровь внесеніемъ въ породу постороннихъ элементовъ, иначе «порода родственниковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе» вырождается. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ законъ приложимъ и къ небольшимъ группамъ людей, вынужденныхъ въ теченіе очень долгаго времени родниться между собой. Въ какой мѣрѣ тотъ же законъ можетъ быть перенесенъ и въ умственную сферу людей, живущихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе одними и тѣми же интересами и руководящихся установившимися

въ кружкѣ правилами и вкусами, рѣшать я не берусь, но думаю, что и здѣсь введеніе въ кружокъ членовъ съ нѣсколько иными взглядами и вкусами будетъ скорѣе полезно, чѣмъ вредно, противодѣйствуя образованію въ кружкѣ рутины, т.-е. его застоя. Съ этой точки зрѣнія манера, усвоенная германскими университетами,—приглашать въ свою среду чужихъ, если они достойнѣе собственныхъ учениковъ,—считается, я думаю, по справедливости правиломъ, поддерживающимъ процвѣтаніе университетовъ. Съ этой же точки зрѣнія, учрежденіе при медицинской академіи профессорскаго пансіона, предшествовавшее нашему поступленію въ академію (т.-е. Боткина, Беккерса и меня), постоянно казалось мнѣ дѣломъ несправедливымъ относительно русскихъ университетовъ и могущимъ послужить во вредъ даже самой академіи. По уставу этого учрежденія въ немъ пребываютъ постоянно десять избранныхъ учениковъ академіи, кончившихъ курсъ, и двое изъ нихъ ежегодно отправляются за границу для усовершенствованія въ наукахъ, послѣ двухлѣтняго усовершенствованія въ нихъ въ пансіонѣ. Въ какомъ же университетѣ оставляются на такихъ правахъ при одномъ только медицинскомъ факультетѣ десять человѣкъ, и можно ли утверждать, что ежегодно только два воспитанника академіи достойны по своимъ трудамъ посылки за границу, а на другихъ медицинскихъ факультетахъ таковыхъ не обрѣтается? Если же принять во вниманіе, что командировка за границу очень часто—я думаю, болѣе чѣмъ наполовину посылаемыхъ—кончается профессурой, то становится понятнымъ, что какъ только открывается мѣсто при академіи, ближайшимъ кандидатомъ на него является воспитанникъ пансіона: его знаетъ и начальство и профессора, онъ свой человѣкъ. Воспитаниковъ педагоги вѣдь часто любятъ какъ родныхъ; а воспитанникъ пансіона, сдѣлавшійся профессоромъ, относится къ воспитаннику того же пансіона, кандидату на каѳедру, какъ къ однокашнику. Все это въ порядкѣ вещей. Но выигрываетъ ли отъ этого академія?

Въ 1870 году въ нее поступило изъ пансіона пять новыхъ профессоровъ, изъ которыхъ одинъ былъ дѣйствительно человѣкъ очень способный, а остальные четверо—можетъ быть, и знающіе свое дѣло люди—ничѣмъ не содѣйствовали украшенію академіи. Злосчастнаго университетскаго устава г. Делянова тогда еще не существовало и въ университетахъ лекціи любимыхъ профессоровъ все еще продолжали посѣщаться не одними только слушателями своего факультета, да и товарищеское общеніе между студентами разныхъ факультетовъ было еще свободно. Такъ было въ мое студенчество, и я зналъ не одинъ примѣръ, что въ голову студента-

медика попадало много добраго съ чужихъ каѳедръ. Тотъ, кто умѣлъ воспользоваться этимъ благомъ университетской жизни, имѣлъ, очевидно, шансы выйти изъ университета болѣе образованнымъ человѣкомъ, чѣмъ его товарищъ, питавшійся пять лѣтъ одной медициной. Признаюсь откровенно, воспитанниковъ академіи я считалъ лишенными одного изъ существующихъ благъ университетской жизни, и тѣмъ несправедливѣе казалась мнѣ та привилегія, которою они пользовались. Свои мысли о профессорскомъ пансіонѣ я не держалъ въ секретѣ и, конечно, не возбуждалъ къ себѣ добрыхъ чувствъ ни въ начальствѣ, ни въ бывшихъ воспитанникахъ пансіона, ни въ профессорахъ, считавшихъ его благомъ для академіи. Онѣ не могли, конечно, нравиться и тѣмъ изъ студентовъ, которые имѣли виды на пансіонъ. Отъ одного изъ моихъ учениковъ, достигшаго впослѣдствіи степеней извѣстныхъ, я получилъ даже сильное ругательное письмо въ отвѣтъ на мой совѣтъ не поступать по окончаніи курса въ пансіонъ, а ѣхать прямо на отцовскій счетъ за границу. Такимъ образомъ я, по своей винѣ, не принадлежалъ къ числу любимцевъ въ профессорской средѣ (за исключеніемъ, конечно, Боткина и Грубера, съ которыми только и видѣлся), и, разумѣется, чувствовалъ это, но продолжалъ коснѣть. Признаюсь дальше, очень была мнѣ не по вкусу перемѣна тона въ высшихъ слояхъ академіи съ тѣхъ поръ, какъ не стало истинно доброжелательнаго къ академіи Дубовицкаго, какъ ушелъ замѣстившій его временно добрый старикъ Нарановичъ и ушелъ изъ академіи Н. Н. Зининъ.

Въ такихъ-то обстоятельствахъ осенью 70-го года имѣли быть выборы двухъ профессоровъ — на каѳедру зоологіи, съ уходомъ старика-академика Брандта, и на вновь открывающуюся каѳедру гистологіи. У меня въ предметѣ имѣлись два кандидата на обѣ каѳедры. И. И. Мечниковъ, имѣвшій уже въ то время большое имя въ зоологіи, не могъ пристроиться къ Петербургскому университету за неимѣніемъ тамъ профессорскаго мѣста, и уѣхалъ профессоромъ въ Одессу, но продолжалъ тяготѣть къ Петербургу и, списавшись со мной, охотно соглашался поступить на мѣсто Брандта. Что касается второго кандидата, то прежде всего нужно замѣтить, что въ тѣ отдаленныя времена медиковъ-гистологовъ въ Россіи не было [1]), и таковымъ я зналъ одного лишь А. Е. Голубева, работавшаго одновременно со мной въ лабораторіи Роллета, сильно увлекавшагося гистологіей (Роллетъ, какъ ученикъ Брюкке, былъ наполо-

[1]) Якубовичъ и Овсянниковъ не идутъ въ счетъ — одинъ былъ профессоромъ физіологіи, а другой — членомъ академіи наукъ. Были, можетъ быть, гистологи въ Дерптѣ, но о таковыхъ ничего не было слышно.

вину гистологъ) и сдѣлавшаго на моихъ глазахъ совершенно самостоятельно очень хорошую работу съ вліяніемъ электрическаго раздраженія на стѣнки волосныхъ сосудовъ. Кромѣ того, мнѣ было извѣстно, что Роллетъ очень цѣнилъ его какъ умѣлаго и строгаго (даже черезчуръ строгаго) работника.

Итакъ, когда наступили выборы, я, по уставу академіи, имѣлъ право выставить — и выставилъ — обоихъ кандидатовъ. Человѣка, выставленнаго противъ Мечникова, было бы смѣшно сравнивать съ послѣднимъ по заслугамъ въ наукѣ; и этого противная партія умѣла, какъ увидимъ, избѣгнуть. Что же касается до выставленнаго противной стороной гистолога (ихъ товарища по академіи), то у него была гистологическая работа болѣе крупная, чѣмъ у моего, но вышедшая изъ лабораторіи Людвига въ печать подъ общимъ именемъ Людвига и ихъ кандидата, притомъ по одному изъ наиболѣе интересныхъ для Людвига вопросовъ — о строеніи почки, такъ какъ онъ много занимался въ свою жизнь изслѣдованіемъ отдѣленія мочи. Это и было выставлено мною какъ аргументъ противъ самостоятельности работы ихъ кандидата. Къ сожалѣнію, я забылъ тогда о письмѣ ко мнѣ Людвига, писавшаго въ ноябрѣ 1863 г., гдѣ говорилось объ этой работѣ [1]), и я могъ привести контръ-аргументъ лишь въ общемъ видѣ. На это мнѣ замѣтили не безъ ехидства, что я, какъ человѣкъ, не занимавшійся гистологіей, едва ли могу быть компетентнымъ судьей въ гистологическихъ работахъ и въ вопросѣ, что́ въ данномъ случаѣ принадлежитъ тому или другому изслѣдователю. Важно дескать то, что работа подписана именемъ нашего кандидата, значитъ онъ участвовалъ въ работѣ и въ результатахъ. Такимъ образомъ, первый мой кандидатъ былъ проваленъ. Передъ баллотировкой одинъ изъ стариковъ не удержался, чтобы не сказать: «зачѣмъ намъ нужно чужого, когда свой есть». Когда же очередь дошла до баллотировки Мечникова, одинъ изъ профессоровъ всталъ и сказалъ слѣдующее: «По научнымъ заслугамъ Мечниковъ достоинъ быть не только профессоромъ у насъ въ академіи, но даже членомъ академіи наукъ. Пригласить его можно только ординарнымъ профессоромъ; но зачѣмъ же намъ ор-

---

[1]) Теперь, перебирая старую переписку, я нашелъ это письмо Людвига и выписываю изъ него дословно все касающееся этого вопроса:

„Mit der Nierenanatomie bin ich, nur soweit es das Schwein betrifft, im Reinen und ich werde Ihnen, wenn die Abhandlung gedruckt ist, Nachricht geben. Wenn ich wüsste wo Z (ихъ кандидатъ) steckte, von dem ich seit seiner Abreise nichts weiter gehört habe, *so würde ich ihm wissen lassen inwiefern das, was unter seinem und meinem Namen gedruckt wird, von dem abweicht, was wir schon gemeinsam herausgebracht*". Подчеркнуты строки мною. Оригиналъ письма будетъ храниться въ моихъ бумагахъ.

динарнаго профессора на второстепенную въ академіи каѳедру, когда предстоитъ еще замѣщеніе такихъ важныхъ каѳедръ, какъ накожныя, сифилитическія и ушныя болѣзни. На это мѣсто намъ достаточно экстра-ординарнаго профессора; поэтому я кладу Мечникову черный шаръ». Большинство послѣдовало этому вѣроисповѣданію, Мечниковъ былъ проваленъ, и я въ тотъ же или на другой день подалъ въ отставку изъ академіи. Остаться меня, конечно, не просили. Да это было бы и безполезно. Вскорѣ затѣмъ, стараніями Мечникова, я былъ выбранъ въ Одесскій университетъ, но выборъ не былъ утверждаемъ (какъ сказано было выше) г. Деляновымъ вплоть до весны слѣдующаго года. Въ эти мѣсяцы я отправился въ лабораторію Дм. Ив. Менделѣева; онъ далъ мнѣ тему, разсказавъ, какъ приготовлять вещество, азотистометиловый эѳиръ, что дѣлать съ нимъ, далъ мнѣ комнату, посуду, матеріалы, и я съ великимъ удовольствіемъ принялся за работу, тѣмъ болѣе что не имѣлъ до того въ рукахъ веществъ, кипящихъ при низкихъ температурахъ, а это кипѣло при 12° С. Результаты этой ученической работы описалъ самъ Дм. Ив. Быть ученикомъ такого учителя какъ Менделѣевъ было, конечно, и пріятно и полезно, но я ужъ слишкомъ много вкусилъ отъ физіологіи, чтобы измѣнить ей, и химикомъ не сдѣлался.

Знаю достовѣрно, что о моемъ долго не приходившемъ утвержденіи въ Одессу хлопотала, безъ моего вѣдома, графиня Шувалова, первая жена бывшаго впослѣдствіи посланника въ Берлинѣ. С. П. Боткинъ лѣчилъ эту семью и находился съ нею въ дружескихъ отношеніяхъ. Черезъ него графиня (лично я ея не зналъ, но много слышалъ о ея высокихъ душевныхъ качествахъ) узнала о моемъ дѣлѣ и сильно атаковала Ивана Давыдовича, но тотъ не сдался. Все это я узналъ отъ С. П. уже послѣ неудавшейся атаки. Нѣсколько позже мнѣ представился случай заручиться еще болѣе сильнымъ голосомъ въ мою пользу, но этимъ я не хотѣлъ воспользоваться. У меня въ академической лабораторіи, въ послѣдній годъ пребыванія въ ней, работалъ очень милый и очень бѣдный студентъ Дроздовъ, сынъ сельскаго священника въ захолустьи Вологодской губерніи [1]). Очень сокрушала этого Дроздова судьба его подраставшей единственной сестренки, дѣвочки, по его словамъ, очень умной и способной, но лишенной въ глуши всякихъ средствъ къ образованію. Думали мы съ нимъ, гадали, какъ пособить горю, и нашли наконецъ средство. Я попросилъ похлопотать объ этомъ

[1]) Онъ сдѣлалъ очень интересное наблюденіе—исчезаніе изъ крови лягушки бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ при отравленіи кураре.

товарища по академіи, профессора Эйхвальда; дѣло сладилось, и дѣвочка была принята въ институтъ, когда я уже вышелъ изъ академіи. Эйхвальдъ хлопоталъ отъ моего имени, и мнѣ пришлось такимъ образомъ благодарить высокую особу за оказанное милостивое вниманіе къ моей просьбѣ. Пошелъ я съ единственною мыслью—благодарить, и первыми моими словами было, конечно, изъявленіе благодарности, но затѣмъ меня спросили о нѣмецкихъ профессорахъ, у которыхъ я учился, спеціально о Брюкке; замѣтили мимоходомъ, что я напрасно напечаталъ «Рефлексы головного мозга», на что я отвѣтилъ (разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ): «man muss doch die Courage haben seine Ueberzeugungen auszudrücken». А въ заключеніе я былъ спрошенъ, знаю ли лично г. Делянова и въ какомъ положеніи находится вопросъ о моемъ переселеніи въ Одессу. Высокія лица, конечно, привыкли къ тому, что къ нимъ приходятъ очень часто съ просьбами, если не въ карманѣ, то на душѣ, и этотъ вопросъ былъ, вѣроятно, сдѣланъ съ доброжелательною цѣлью—облегчить выходъ затаенной въ душѣ просьбѣ наружу. Но мнѣ и въ голову не приходило просить о полученіи мѣста, и на этотъ вопросъ я отвѣтилъ: «ich gedenke mich in dieser Angelegenheit ganz neutral zu verhalten». Тѣмъ свиданіе и кончилось. Выше было уже сказано, что мое утвержденіе въ концѣ-концовъ состоялось и какимъ именно образомъ.

О жизни въ Одессѣ, этомъ миломъ полу-европейскомъ городѣ, у меня сохранились по сіе время самыя пріятныя воспоминанія.

Профессорство въ Одесскомъ университетѣ.

(1870—1876 г.)

Переселившись въ Одессу, я рѣшилъ заниматься абсорпціометрически вопросомъ о состояніи CO_2 въ крови; поэтому первымъ долгомъ пришлось устраивать абсорпціометръ, по извѣстному уже изъ прежняго описанія плану, и рядъ неизбѣжныхъ для такихъ опытовъ придаточныхъ снарядовъ изъ стекла. По счастію при университетѣ былъ механикъ, сумѣвшій приготовить, по моимъ указаніямъ, металлическія части снаряда; а стекло пришлось оборудовать самому, такъ какъ дульщика стекла въ Одессѣ не было, я же немного мараковалъ въ этомъ искусствѣ [1]) и умѣлъ дѣлать трубки. Помѣщеніе подъ лабораторію я получилъ очень хорошее, но нисколько не приспособленное къ работѣ; поэтому пришлось не мало похлопотать и въ этомъ направленіи. При этомъ не могу не вспомнить съ благодарностью о дружеской любезности профессора химіи А. А. Вериго, оказавшаго мнѣ не мало услугъ по мелочному устройству лабораторіи. Всѣми новыми товарищами я былъ принятъ очень радушно; но въ это время единственно близкаго мнѣ И. И. Мечникова не было—онъ былъ въ годовомъ отпуску, а два другіе выдающіеся ученые, служившіе украшеніемъ естественнаго факультета, химикъ Н. Н. Соколовъ и ботаникъ Ценковскій, покидали университетъ, и сблизиться съ ними я не могъ. Поэтому въ первый годъ пребыванія въ Одессѣ мою компанію составляли: А. А. Вериго, очень оригинальный и милый консерваторъ зоологическаго музея Видгальмъ и мой ассистентъ П. А. Спиро, переѣхавшій со мною изъ медицинской академіи въ Одессу—

---

[1]) Уже будучи профессоромъ въ медицинской академіи, въ одну изъ поѣздокъ въ Берлинъ я бралъ уроки дутья у тамошнаго дульщика Гейсслера, преисполнившагося важности преподаваемаго предмета и бравшаго съ меня по этой причинѣ фридрихсдоръ за урокъ (больше 5 р.) Дорого заплатилъ за ученье, но зато получилъ возможность работать въ Одессѣ.

тамъ былъ ученикомъ, а здѣсь сталъ ассистентомъ. Въ медицинской академіи всѣ мои ученики работали обыкновенно въ одной комнатѣ со мною и за работой всѣ, кто изъ насъ умѣлъ пѣть, часто пѣвали хоромъ, благо лабораторія наша стояла особнякомъ и нашимъ пѣніемъ не нарушалось благочиніе учебнаго заведенія. Между нами, пѣвцами, Спиро всегда признавался наиболѣе искуснымъ; но его пѣвческіе таланты обнаружились лишь въ Одессѣ, когда онъ получилъ казенную квартиру—комнату чуть не въ танцовальную залу величиной, съ превосходнымъ резонансомъ—и обзавелся инструментомъ. Не пройдя никакой школы, онъ пѣлъ однако такъ, что умѣлъ вызывать слезы (я былъ свидѣтелемъ этого); пѣлъ съ итальянскимъ пошибомъ и превосходно передразнивалъ Тамберлика. Не попалъ онъ, бѣдный, на свою настоящую дорогу, а теперь сворачивать на нее было уже поздно—слишкомъ долго онъ пренебрегалъ даннымъ ему отъ Бога талантомъ.

Поздней весной 1871 г. жена защищала въ Цюрихѣ докторскую диссертацію, и я поѣхалъ въ Швейцарію праздновать окончаніе ею курса. Желая на радостяхъ доставить удовольствіе своей подругѣ по университету, тогда еще студенткѣ, миссъ Іокеръ, она пригласила ее прокатиться по Швейцаріи, и мы втроемъ отправились черезъ Рагацъ (гдѣ, конечно, не преминули полюбоваться дикимъ ущельемъ Тамины (Taminaschlucht) по Via mala. Съ вершины перевала Іокеръ отправилась обратно, а мы поѣхали въ Италію, сѣли въ Генуѣ на скверненькій маленькій пароходъ, съ громкимъ именемъ Risorgimento, ходившій между этимъ городомъ и Спеціей почти безъ балласта, и докачались-таки при спокойномъ морѣ въ 8 часовъ до Спеціи, а отсюда на лодкѣ въ деревушку San Terenzo на берегу моря. Поселились тамъ какъ разъ подлѣ того историческаго дома, гдѣ жили Байронъ и Шелли, утонувшій въ заливѣ San Terenzo. Желѣзной дороги по берегу моря между Генуей и Спеціей еще не было, иначе мы побывали бы въ тѣхъ восхитительныхъ мѣстахъ, которыя составляютъ теперь такъ называемую итальянскую Ривьеру и гдѣ мы были съ женой весною 1903 года. Но, какъ сказано, итальянская Ривьера тогда не существовала; пріѣхали мы въ простенькое, дешевое San Terenzo насладиться моремъ; оно было у нашихъ ногъ, и мы имъ дѣйствительно наслаждались, пробывъ тамъ мѣсяца полтора. Жили, конечно, очень тихо, занимаясь переводами; купались и гуляли по окрестностямъ. На возвратномъ пути были во Флоренціи, Венеціи и Вѣнѣ. Въ послѣднемъ городѣ разстались: жена поѣхала въ Петербургъ держать экзамены на право практики (право это она получила въ декабрѣ 1871 г.), а я—въ Одессу. На Рождествѣ этого года я

побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь мы познакомились съ офталмологомъ Ивановымъ, профессоромъ Кіевскаго университета, который предложилъ М. А. ассистентство въ его клиникѣ. Она однако имѣла въ виду ѣхать въ Вѣну доучиваться, и уѣхала въ январѣ 1872 года.

Какъ прошла для меня зима 1881 г., было уже сказано. Въ слѣдующемъ году началъ формироваться тотъ настоящій дружескій кружокъ, изъ-за котораго я люблю Одессу и по сіе время. Вернулся изъ-за границы И. И. Мечниковъ. Пріѣхалъ изъ Москвы на каѳедру математической физики совсѣмъ еще молодой человѣкъ, Н. А. Умовъ, произведшій большое впечатлѣніе своей вступительной лекціей. Поступилъ на каѳедру римскаго права другой москвичъ, Дювернуа, и прочелъ очаровательную вступительную лекцію. А еще черезъ годъ привезъ въ Одессу Н. А. Умовъ свою моломоденькую жену, мою будущую милую, дорогую куму; и кружокъ былъ въ комплектѣ—составилъ ядро, къ которому примкнулъ позднѣе Кондаковъ съ женой. Елена Леонардовна Умова имѣла тогда видъ молоденькой дѣвушки, съ двумя самыми привлекательными чертами неиспорченной юности—искренностью и порывистостью. Въ новомъ для нея положеніи она то плакала по покинутой Москвѣ, то сіяла и радовалась настоящему. Да и въ мужья ей далъ Богъ добраго, деликатнаго и любящаго человѣка, умѣвшаго утѣшать свою Леночку въ ея наивныхъ горестяхъ. Для дружескаго кружка трудящихся семейный домъ столько же необходимъ, какъ теплый уютный уголъ для усталаго. Только въ семейномъ домѣ, съ привѣтливой улыбкой и ласковымъ словомъ хозяйки, собраніе пріятелей отдыхаетъ душевно и принимаетъ тотъ характеръ порядочности и сердечности, который нѣмцы выражаютъ словомъ Gemüthlichkeit. Такимъ соединительнымъ звеномъ-салономъ кружка стала квартира Умовыхъ. Хозяинъ, кромѣ утонченной любезности, оказался завзятымъ хлѣбосоломъ; хозяйка представляла элементъ сердечности; я имѣлъ значеніе еще не совсѣмъ состарѣвшагося дядюшки, а душою кружка былъ И. И. Мечниковъ. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ я знавалъ, болѣе увлекательнаго, чѣмъ молодой И. И., по подвижности ума, неистощимому остроумію и разностороннему образованію, я не встрѣчалъ въ жизни. Насколько онъ былъ серьезенъ и продуктивенъ въ наукѣ—уже тогда онъ произвелъ въ зоологіи очень много и имѣлъ въ ней большое имя,—настолько же живъ, занимателенъ и разнообразенъ въ дружескомъ обществѣ. Одною изъ утѣхъ для кружка была его способность ловко подмѣчать комическую сторону въ текущихъ событіяхъ и смѣшныя черты въ характерѣ лицъ, съ удивительнымъ умѣньемъ подражать ихъ голосу,

движеніямъ и манерѣ говорить. Кто изъ насъ, одесситовъ того времени, можетъ забыть, напр., нарисованный имъ образъ хромого астронома, какъ онъ въ халатѣ и ночномъ колпакѣ глядитъ чрезъ открытое окно своей спальни на звѣздное небо, дѣлая такимъ образомъ астрономическія наблюденія; или ботаника съ павлиньимъ голосомъ, выкрикивающаго съ одушевленіемъ и гордостью длинный рядъ иностранныхъ названій растительныхъ пигментовъ; или, наконецъ, пищаніе одного маленькаго забитаго субъинспектора, который при всякомъ новомъ знакомствѣ рекомендовалъ себя племянникомъ генералъ-фельдцейхмейстера австрійской службы. Все это Мечниковъ дѣлалъ безъ малѣйшей злобы, не будучи нисколько насмѣшникомъ. Да и сердце у него стояло въ отношеніи близкихъ на уровнѣ его талантовъ—безъ всякихъ побочныхъ средствъ, съ однимъ профессорскимъ жалованьемъ, онъ отвезъ свою первую больную жену на Мадеру, думая спасти ее, а самъ въ это время отказывалъ себѣ во многомъ и ни разу не проронилъ объ этомъ ни слова. Былъ большой любитель музыки и умѣлъ напѣвать множество классическихъ вещей; любилъ театръ, но не любилъ ходить на трагедіи, потому что неудержимо плакалъ.

Съ Алекс. Онуфр. Ковалевскимъ, нашимъ знаменитымъ зоологомъ, до его пріѣзда изъ Кіева въ Одессу, я встрѣчался мелькомъ два раза: въ Соренто (было уже сказано выше) и въ Петербургѣ, въ моей лабораторіи медицинской академіи. Сюда онъ пришелъ за рѣшеніемъ двухъ вопросовъ: какъ реагируютъ нервы рака на возбужденіе въ электродвигательномъ отношеніи и проводитъ ли нервная цѣпочка рака возбужденіе по длинѣ. Съ этой цѣлью ему былъ предоставленъ гальванометръ, и онъ въ теченіе двухъ-трехъ сеансовъ могъ убѣдиться изъ собственныхъ опытовъ, что въ первомъ случаѣ разницы между рачьими и лягушечьими нервами нѣтъ и что перерывъ цѣпочки узлами не препятствуетъ распространенію по ея длинѣ эффекта тетанизаціи, т.-е. отрицательнаго колебанія тока. Въ Одессу онъ пріѣхалъ, кажется, за годъ до моего возвращенія оттуда въ Петербургъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался членомъ нашего кружка, но въ первый годъ, будучи семейнымъ человѣкомъ и немного бирюкомъ, не сразу сошелся съ нашей компаніей; поэтому я не успѣлъ узнать его, какъ члена оной, но успѣлъ узнать и оцѣнить, какъ профессора. Очень оригинально было его вступленіе. Въ первые годы моего пребыванія на мѣстѣ профессора богословія при университетѣ доживалъ свой вѣкъ очень умный и заслуженный протоіерей, не вмѣшивавшійся въ университетскія дѣла. Свой постъ онъ оставилъ по преклонности лѣтъ, а на его мѣсто поступилъ молодой священникъ, понявшій свое назначеніе, должно быть, такъ,

что ему надлежитъ слѣдить за преподаваніемъ наукъ въ университетѣ, насколько оно соотвѣтствуетъ православію. Съ такими мыслями въ головѣ онъ, конечно, не преминулъ посѣтить вступительную лекцію новаго профессора, А. О. Ковалевскаго, для ознакомленія съ его образомъ мыслей. Къ вящшему его смущенію новый профессоръ оказался на лекціи еретикомъ—завзятымъ дарвинистомъ. Батюшка нашъ всталъ на дыбы и, по словамъ профессора Богдановскаго, замышлялъ послать министру громовое донесеніе на лектора и его ученіе; насилу его убѣдили, что дарвиновской ересью настолько заражены всѣ зоологи, что найти свободнаго отъ оной невозможно. Извѣстно, что А. О., какъ работникъ-изслѣдователь, обладалъ необычайной энергіей, таковъ же былъ онъ, вѣроятно, и какъ учитель, судя по тому, чему я былъ свидѣтелемъ. Въ Одесскомъ университетѣ каѳедры гистологіи не было, а А. О., будучи спеціалистомъ по исторіи развитія, былъ по необходимости гистологомъ. Что же онъ дѣлаетъ? По собственному почину, безъ всякаго обязательства преподавать гистологію, онъ засаживаетъ своихъ слушателей за микроскопы и начинаетъ обучать ихъ микроскопіи. Насколько серьезно онъ относился къ этому дѣлу, я испыталъ, такъ сказать, на собственной шкурѣ. Комната, гдѣ онъ давалъ курсъ гистологіи, находилась какъ разъ надъ моей лабораторіей, и я, по какому-то пустячному дѣлу пошелъ къ нему наверхъ. Прихожу. За столами съ микроскопами сидятъ студенты, а онъ молча, съ серьезнымъ лицомъ ходитъ по комнатѣ; подхожу къ нему развязно, по-пріятельски; но не успѣлъ выговорить и слова, какъ онъ извинился самымъ серьезнымъ образомъ, что, къ сожалѣнію, занятъ и вступать въ разговоры не можетъ. Нужно замѣтить, что онъ не считалъ меня пустымъ, нестоящимъ вниманія человѣкомъ и былъ расположенъ ко мнѣ самымъ дружескимъ образомъ.

Профессоръ Дювернуа мнѣ очень нравился, какъ умный, крайне благовоспитанный и хорошій, честный человѣкъ; бывалъ у насъ частымъ гостемъ, не будучи завсегдатаемъ кружка. Нельзя не помянуть добрымъ словомъ еще троихъ профессоровъ: Головкинскаго, извѣстнаго геолога, и двухъ очень ученыхъ чудаковъ—слависта Григоровича и археолога. Эти двое были не отъ міра сего, особенно Григоровичъ, считавшій едва ли не самымъ главнымъ дѣломъ своей жизни то, что ему удалось украсть въ одномъ изъ аѳонскихъ монастырей какую-то очень важную рукопись и обнародовать ее. Въ Одессѣ же онъ прославился тѣмъ, что сумѣлъ отрекомендовать на открывшуюся каѳедру своего дѣйствительно достойнаго кандидата такимъ образомъ, что на нее попалъ не его кандидатъ, а другой, однофамилецъ послѣдняго.

Кружокъ нашъ составлялъ партію въ университетѣ лишь въ слѣдующемъ отношеніи: мы не искали ни деканства, ни ректорства, не старались пристроить къ университету своихъ родственниковъ и не ходили ни съ жалобами, ни съ просьбами о покровительствѣ къ попечителю, чѣмъ занимались довольно многіе въ университетѣ. Увы! былъ въ профессорской средѣ даже такой господинъ, который сдѣлалъ доносъ мѣстному цензору (надворному совѣтнику, фамиліи котораго не помню) на своего товарища, редактора университетскихъ записокъ, будто тотъ фальсифицируетъ протоколы засѣданій. Я былъ въ засѣданіи совѣта, когда обвиненный въ фальсификаціи профессоръ каноническаго права Павловъ публично, громкимъ голосомъ, въ присутствіи доносчика произнесъ: «На меня г... донесъ г. цензору (имя рекъ), будто я фальсифицирую протоколы засѣданій; поэтому прошу нарядить слѣдствіе...». Доносчикъ не пикнулъ. Онъ, кажется, пребываетъ и по сіе время въ почетѣ.

Жили мы тихо,—утро за дѣломъ въ лабораторіи, а вечеромъ большею частью въ нашемъ салонѣ, за дружеской бесѣдой и нерѣдко за картами. Грѣшный человѣкъ, карточную игру, но безденежную, ввелъ я, и, какъ любитель оной, яростно нападалъ на нашу милую хозяйку, когда она дѣлала ошибки [1]). Помимо этихъ вспышекъ, велъ я себя смирно: не совратилъ съ пути за два года ни единаго студента, не вызвалъ ни единаго бунта, не строилъ баррикадъ, и привелъ всѣмъ этимъ взявшаго меня на поруки попечителя въ такой восторгъ, что въ Святую 1873 г. онъ сдѣлалъ меня дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и даже самолично пріѣхалъ ко мнѣ на квартиру поздравить съ этой радостью. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что онъ продолжалъ свидѣтельствовать передъ высшимъ начальствомъ о моей благонадежности и въ послѣдующіе годы.

Весной 72-го года я отправился въ Вѣну, гдѣ жена кончила свое ученье. Имѣлось въ виду съѣздить въ Парижъ и Лондонъ. Но прежде всего нужно было отдохнуть въ какомъ-нибудь тихомъ уголкѣ отъ экзаменныхъ треволненій въ Петербургѣ и ежедневной бѣготни по клиникамъ въ Вѣнѣ. Такимъ уголкомъ мы выбрали тихій и красивый Гмунденъ, гдѣ и поселились въ меблированныхъ комнатахъ на берегу озера. Отдыхали дней пять, не ожидая никакой напасти, а она стояла у дверей. Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю М. А. стала сильно лихорадить, на лицѣ показалась сыпь, и она вспомнила, что наканунѣ выѣзда изъ Вѣны ей пришлось выслуши-

[1]) У Мечникова была наслѣдственная страсть къ картамъ, но онъ боялся играть даже безъ денегъ; садился подлѣ насъ, когда мы играли, и даже въ качествѣ зрителя волновался и краснѣлъ, слѣдя за перипетіями нашей борьбы.

вать въ дѣтской больницѣ двухъ дѣтей — одного въ оспѣ, другого въ кори. Сначала опредѣлила у себя корь, но потомъ стала сомнѣваться, и мы были вынуждены пригласить туземнаго доктора. Этотъ опредѣлилъ оспу и сказалъ, что больную необходимо отправить въ больницу при общинѣ сестеръ милосердія, которая обязана принимать въ больницу заразныхъ больныхъ. Легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ я пошелъ къ начальницѣ общины заявить о случившемся. Она видимо испугалась, но конечно отвѣтила, что больная будетъ принята, только не сегодня, потому что нужно приготовить помѣщеніе, а завтра, и что за больной будутъ присланы носилки. Остальная часть этого памятнаго дня и ночь были самыми скверными часами въ моей жизни. Къ утру я задремалъ и вдругъ слышу веселый голосъ изъ сосѣдней комнаты: «а вѣдь у меня не оспа, а корь». Вскакиваю. Больная сидитъ въ постели съ зеркаломъ въ рукахъ и смѣется... Раннимъ утромъ тотъ же докторъ, согласно данному обѣщанію, пришелъ къ намъ и въ свою очередь убѣдился, что это корь. Носилки и переселеніе въ больницу были, конечно, отмѣнены, и за большимъ горемъ послѣдовали счастливые дни. Изъ-за этого пришлось однако прожить въ Гмунденѣ недѣли двѣ лишнихъ. Въ Парижѣ мы пробыли, должно быть, съ мѣсяцъ. Перебывали во всѣхъ музеяхъ, паркахъ и садахъ, были въ С.-Клу и Версали, видѣли въ Comédie Française восхитительнаго актера Fo (въ пьесѣ «Le gendre de M. Poirrier»), слышали прелестнаго тенора въ Opéra comique, побывали и въ Палерояльскомъ театрѣ, избѣгали множество улицъ въ день національнаго праздника (14 іюля), любуясь веселыми танцами парижанъ на открытомъ воздухѣ,—словомъ, прожили въ Парижѣ пріятнѣйшимъ образомъ, несмотря на нестерпимую жару того лѣта. Въ концѣ іюля переѣхали въ Лондонъ. Здѣсь М. А., помимо посѣщенія достопримѣчательностей, стала ходитъ въ глазныя больницы, а я, за краткостью времени (могъ остаться только недѣли три) и по неумѣнію говорить по-англійски, не могъ извлечь пользы изъ пребыванія въ Англіи и въ половинѣ августа отправился прямо въ Одессу. М. А. осталась еще на нѣсколько времени въ Лондонѣ, гдѣ въ это время былъ и нашъ пріятель Влад. Ковалевскій. На возвратномъ пути черезъ Утрехтъ и Вѣну она пріѣхала въ Одессу, а оттуда въ Кіевъ, въ клинику проф. Иванова. Рождество мы прожили вмѣстѣ въ Одессѣ, а лѣто 1873 г.— въ Тверской губерніи, въ деревнѣ матери М. А.

Зима 73-го и начало 74-го года я былъ по уши въ работѣ. Лѣто мы провели въ Крыму.

Зимой 1875 г. прибыла въ Одессу компанія трехъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, съ тайнымъ совѣтникомъ во главѣ,

объѣзжавшая всѣ россійскіе университеты съ оригинальной миссіей— спросить всѣхъ русскихъ профессоровъ, и именно каждаго въ отдѣльности, что они думаютъ объ имѣвшемся въ виду, и конечно уже заранѣе рѣшенномъ, введеніи у насъ, по примѣру Германіи, государственныхъ экзаменовъ. Зачѣмъ понадобилось утруждать сановниковъ и не поступить проще—разослать тотъ же вопросъ циркулярно по всѣмъ университетамъ для обсужденія его въ факультетахъ и совѣтахъ? Вѣдь отзывы коллегій были бы во всякомъ случаѣ болѣе цѣнны, чѣмъ отвѣты отдѣльныхъ лицъ въ разговорахъ, длившихся для каждаго не часы, а минуты (разговоръ со мной, напр., длился не болѣе двухъ минутъ). Это былъ первый актъ недовѣрія къ университетскимъ коллегіямъ, а можетъ быть и опасеніе, что онѣ найдутъ эту мѣру для Россіи неудобной (что и оказалось на дѣлѣ), и отзывъ ихъ спрятать подъ сукно будетъ менѣе удобно, чѣмъ изустные отвѣты, записываемые самой комиссіей безконтрольно. Можетъ быть, даже комиссіи надлежало познакомиться попутно съ образомъ мыслей профессоровъ не только по этому вопросу, но и по университетскимъ дѣламъ вообще.—Въ то время какъ я пришелъ въ назначенный часъ въ квартиру тайнаго совѣтника, исповѣдь моего предшественника К. (Мечниковъ очень удачно сравнивалъ его съ гнилымъ орѣхомъ—съ виду ничего, а внутри негодная труха) еще не кончилась, и до моего слуха (я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ) долетали взрывы веселаго смѣха. Едва ли дѣло шло только о двухъ главныхъ вопросахъ—нужны ли государственные экзамены и какъ ихъ устроить. Интересно было бы знать, во что обошлась эта оригинальная прогулка особъ, если, паче чаянія, каждый изъ нихъ получалъ по чину прогоны на 12 лошадей, проѣхалъ около 3000 верстъ и находился въ путешествіи около двухъ мѣсяцевъ, получая суточныя, конечно, рублей по десять. Но это была только прелюдія къ тому грандіозному фарсу, который не сходитъ со сцены русской жизни лѣтъ двадцать подъ именемъ государственныхъ экзаменовъ и оплачивается для шести только университетовъ (не считая Варшавскаго, Дерптскаго, медицинской академіи и двухъ технологическихъ институтовъ) слѣдующимъ образомъ: ежегодно въ двадцать два факультета посылаются двадцать два предсѣдателя экзаменаціонной комиссіи съ вознагражденіемъ въ 1000 руб. каждому; половина этой суммы идетъ, вѣроятно, на вознагражденіе его помощника и экзаменаторовъ, да львиная доля въ пользу верховнаго предсѣдателя всѣхъ комиссій (каковымъ былъ г. Г., прославившійся любовью къ сыну). Такимъ образомъ, эта комедія обошлась казнѣ за двадцать лѣтъ болѣе чѣмъ въ 600.000 руб., а между тѣмъ это комедія не въ фигуральномъ, а истинномъ смыслѣ

слова. Выпускныхъ экзаменуютъ попрежнему ихъ учителя, руководствуясь, конечно, не казенными экзаменаціонными программами, а тѣмъ, что читали сами; да и со стороны снисходительности къ познаніямъ будущихъ чиновниковъ существенной перемѣны не произошло—кто былъ строгъ на прежнихъ не-государственныхъ экзаменахъ, тотъ остается такимъ же и теперь, и наоборотъ.

Въ то самое время, какъ насъ исповѣдывала комиссія г. Делянова, Одессу посѣтилъ самъ министръ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, объѣзжавшій учебныя заведенія южной Россіи. Въ Одессу онъ пріѣхалъ изъ Ѳеодосіи. Желая побесѣдовать съ профессорами объ университетскихъ дѣлахъ, онъ приглашалъ насъ къ себѣ на квартиру пофакультетно—сначала филологовъ, потомъ юристовъ и въ послѣднюю очередь насъ, естественниковъ. При этомъ пріемѣ присутствовалъ, конечно, попечитель, представляя министру каждаго изъ насъ поименно. Когда очередь дошла до меня, онъ очень любезно сказалъ слѣдующее: «Въ Ѳеодосіи я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ вашей племянницей, она при мнѣ превосходно отвѣчала изъ исторіи». Столь же любезно онъ выслушалъ мое заявленіе, что напрасно изъ біологическаго отдѣленія факультета изгнана математика; а слова Мечникова, что въ Германіи систематикой растеній и животныхъ занимаются гимназисты, а у насъ приходится учиться этому студентамъ, онъ выслушалъ разсѣянно, чуть не зѣвая. Вотъ что сдѣлали ежегодныя благопріятныя донесенія о моемъ поведеніи попечителя, близкаго ему человѣка! Но это не все.

Незадолго до того съ естественнаго факультета Петербургскаго университета ушелъ г. Ціонъ, бывшій тамъ экстра-ординарнымъ, и университетъ, желая получить меня на его мѣсто безъ разжалованія въ экстра-ординарные, справлялся въ министерствѣ, возможно ли это. Министръ, будучи въ Одессѣ, очевидно зналъ объ этомъ. Передъ его пріѣздомъ одесская дума, хлопотавшая получить политехническій институтъ, давала въ честь министра обѣдъ, на который приглашены были и всѣ профессора университета. Прощаясь съ нами послѣ этого обѣда, министръ спросилъ меня, желаю ли я быть переведеннымъ въ Петербургъ, и, получивъ въ отвѣтъ согласіе и благодарность, перевелъ меня весной слѣдующаго года. По поводу моего двойного переселенія—изъ медицинской академіи въ Одессу, а изъ Одессы въ Петербургскій университетъ—кто-то не безъ остроумія замѣтилъ: «Сѣченовъ употребилъ пять лѣтъ на переходъ съ Выборгской стороны на Васильевскій островъ».

Описавъ такимъ образомъ внѣлабораторную жизнь въ Одессѣ, перехожу къ описанію того, что дѣлалось мною въ лабораторіи.

Почти пять лѣтъ я занимался здѣсь вопросомъ о состояніи CO_2 въ крови, и этотъ, съ виду простенькій, вопросъ потребовалъ для своего рѣшенія не только опытовъ со всѣми главными составными частями крови порознь и въ различныхъ сочетаніяхъ другъ съ другомъ, но въ еще большей мѣрѣ опытовъ съ длиннымъ рядомъ соляныхъ растворовъ.

Опыты эти я описывать, конечно, не буду и остановлюсь лишь на смыслѣ предпринятой мною задачи и средствахъ къ ея выполненію.

Процессъ, называемый въ физіологіи дыхательнымъ обмѣномъ угольной кислоты, заключается въ томъ, что кровь, протекая по тканямъ тѣла, беретъ развивающуюся въ нихъ угольную кислоту и, протекая по легкому, отдаетъ ее въ воздушную полость послѣдняго. Если вообразить себѣ на минуту, что по нашимъ жиламъ течетъ вмѣсто крови вода, то при способности послѣдней растворять угольную кислоту и отдавать ее путемъ диффузіи въ атмосферный воздухъ она могла бы, повидимому, замѣнить кровь съ успѣхомъ. Если вообразить себѣ далѣе кровь замѣненной слабымъ растворомъ углекислаго натра, не вполнѣ насыщеннаго угольной кислотой до образованія бикарбоната, то и эта жидкость могла бы, повидимому, дѣйствовать успѣшно—черпать CO_2 въ тканяхъ до насыщенія и отдавать зачерпнутый избытокъ въ легкомъ, такъ какъ бикарбонатъ на воздухѣ теряетъ CO_2. Соотвѣтственно послѣднему, въ крови, при щелочной реакціи ея жидкой части, было доказано присутствіе Na_2CO_2, несовершенно превращеннаго въ бикарбонатъ, и такимъ образомъ дѣятельность крови въ дѣлѣ освобожденія тѣла отъ угольной кислоты сводилась въ сущности на присутствіе въ ней углекислой соли. Кромѣ того, было найдено, что нѣкоторая часть CO_2 содержится и въ красныхъ шарикахъ, но въ какомъ состояніи, неизвѣстно. Наконецъ, было доказано опытами, что въ жидкой части крови нѣтъ веществъ, способныхъ разлагать въ пустотѣ углекислыя щелочи.

Такимъ образомъ очевидно, что важный вопросъ объ освобожденіи тѣла отъ CO_2 дыханіемъ (въ сутки человѣкъ выдыхаетъ около двухъ фунтовъ CO_2) стоитъ въ прямой связи съ вопросомъ о состояніи CO_2 въ крови.

Состояніе газа, поглощеннаго жидкостями, можно вообще изучать двоякимъ образомъ: наблюдая различныя условія выдѣленія его изъ жидкости или, наоборотъ, изучая условія его поглощенія жидкостями, и второй несомнѣнно болѣе плодотворный, чѣмъ первый, потому что въ его прямыхъ показаніяхъ заключаются и показанія обратныя — въ условіяхъ поглощенія газа и условія для

его выхожденія. Оба эти способа были пущены въ ходъ моими предшественниками, дали много цѣнныхъ отдѣльныхъ результатовъ, но по основному вопросу не пошли далѣе того, что было сказано выше.

Принявъ на себя задачу изучать состояніе CO_2 въ жидкой части крови и въ кровяныхъ шарикахъ, я пошелъ вторымъ путемъ, съ каковой цѣлью мнѣ пришлось устроить при скудныхъ условіяхъ мастерскихъ Одесскаго университета абсорпціометръ.

Кто знаетъ, какъ трудно налаживается новое дѣло, требующее многихъ приспособленій, тотъ пойметъ, сколько времени и труда было потрачено на одни приготовленія; а затѣмъ предстояло работать съ такою сложною жидкостью, какъ кровь. Съ первыхъ же шаговъ оказалось, что хотя Na_2CO_3 и играетъ существенную роль въ поглощеніи CO_2 жидкой частью крови, но поглощаетъ ее въ крови иначе, чѣмъ въ чистомъ водномъ растворѣ. Это обстоятельство вынудило меня познакомиться вообще съ характеромъ поглощенія CO_2 растворами солей, образованныхъ слабыми кислотами. Вступивъ въ эту область, никѣмъ еще не извѣданную абсорпціометрически, я не могъ не увлечься сравнительною легкостью полученія вѣрныхъ результатовъ, и такимъ образомъ работа моя распалась на двѣ части—съ кровью и растворами солей. Дѣло черезъ это сильно затянулось, но раскаиваться повода не было, потому что опыты съ солями дали сами по себѣ цѣнные результаты и во всякомъ случаѣ помогли разобраться въ явленіяхъ, представляемыхъ кровью.

Опыты начались съ жидкой части крови (съ сыворотки), и прежде всего пришлось убѣдиться анализами на ея щелочность и прямыми опытами, насколько абсорпціометрическія свойства этой жидкости постоянны и долго ли они сохраняются. Затѣмъ пошла длинная исторія установки общаго характера поглощенія CO_2 этой жидкостью, и когда все это было продѣлано, получился результатъ, заставившій меня отклониться въ сторону солей. Благодаря этому отклоненію было найдено вѣрное средство опредѣлять величины химическаго поглощенія на сывороткѣ и получилась возможность установить общій характеръ химическаго поглощенія CO_2 сывороткой, какъ случай химическаго соединенія этого газа съ щелочью болѣе слабою, чѣмъ соединеніе CO_2 съ Na_2CO_3 въ водныхъ растворахъ послѣдняго. Значеніе этого факта можно выразить такъ:

жидкая часть крови устроена, въ дѣлѣ выполненія своей дыхательной функціи, лучше, чѣмъ вода, и лучше, чѣмъ водный растворъ углекислой щелочи,—она черпаетъ CO_2 въ тканяхъ сильнѣе воды и отдаетъ ее въ полость легкаго легче, чѣмъ бикарбонатъ.

Такая находка могла быть объяснена только тѣмъ, что щелочь въ жидкой части крови несвободна и соединена съ тѣломъ кислотнаго характера, ограничивающимъ соединенiе щелочи съ угольной кислотой по величинѣ и придающимъ этому соединенiю наблюдавшуюся степень подвижности. Соотвѣтственно этому, дальнѣйшiе опыты были направлены къ отысканiю такого тѣла въ сывороткѣ, но получить его въ отдѣльности не удалось. Единственный намекъ на то, что этимъ тѣломъ могутъ быть глобулины, далъ опытъ подсаливанiя сыворотки $MgSO_4$—остающаяся по выпаденiи глобулиновъ жидкость являетъ лишь крайне слабые признаки слабаго химическаго поглощенiя CO_2.

Опыты съ растворами красныхъ кровяныхъ шариковъ вышли, сверхъ ожиданiя, гораздо проще, благодаря тому, что у меня была подъ рукой лошадиная кровь. Дѣло въ томъ, что изъ нея удается получить путемъ лишь повторительнаго замораживанiя и отстаиванiя (жидкости изъ размятаго кровяного сгустка) массу кристалловъ гемоглобина, осѣдающаго изъ жидкости (при стоянiи во льду) въ видѣ густой каши, черезъ что получается возможность сравнивать между собой абсорпцiометрически цѣльный растворъ шариковъ, жидкость, остающуюся по выпаденiи гемоглобина, и самый гемоглобинъ. Результатъ получился настолько неожиданный, что Гоппе-Зейлеръ усомнился въ вѣрности моихъ опытовъ (это я узналъ отъ д-ра Дроздова, которому Гоппе-Зейлеръ выразилъ свои сомнѣнiя), опираясь на то, что по его собственнымъ опытамъ CO_2 не измѣняетъ спектра гемоглобина. Тѣмъ не менѣе ошибки въ моихъ опытахъ не было, да и быть не могло, въ виду того обстоятельства, что абсорпцiометрическiй характеръ химическаго поглощенiя CO_2 гемоглобиномъ выступалъ, при громадной величинѣ поглощенiя, съ величайшею ясностью. Рядомъ съ этимъ опыты показали, что соединенiе гемоглобина съ CO_2 принадлежитъ къ разряду слабыхъ, т.-е. зависящихъ по величинѣ отъ давленiя. При температурѣ 37° C. зависимость эта доходитъ до того, что поглощенiе происходитъ почти по закону Дальтона. При этомъ важно замѣтить, что химическая связь между гемоглобиномъ и CO_2 вообще гораздо слабѣе его связи съ O_2, особенно же при температурѣ животнаго тѣла, слѣдовательно вытѣсненiе CO_2 изъ гемоглобина кислородомъ при дыханiи происходитъ съ большой легкостью. Съ другой стороны, громадность поглощенiя CO_2 густыми растворами кровяныхъ шариковъ объясняетъ до извѣстной степени выгоду устройства крови изъ щелочной жидкости и плавающихъ въ ней мельчайшихъ пылинокъ съ густымъ содержанiемъ гемоглобина. Благодаря тому, что главная масса вдыхаемаго O_2 можетъ соединяться только съ гемо-

глобиномъ, шарики давно считаются передатчиками O_2 отъ внѣшней атмосферы къ тканямъ, но тѣ же шарики, благодаря ихъ сильной поглощательной способности относительно CO_2, можно считать передатчиками CO_2 отъ тканей во внѣшнюю воздушную среду животнаго. Дыхательный обмѣнъ между кровью и тканями происходитъ, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ: кровяные шарики, теряя здѣсь O_2, дѣлаются черезъ это болѣе способными притягивать CO_2, наибольшая масса этого газа поступаетъ изъ тканей, конечно, въ жидкую часть крови, но поелику соединенiе ея съ послѣдней тоже принадлежитъ къ разряду слабо-химическихъ, слѣдовательно часть зачерпнутой ею угольной кислоты не можетъ не переноситься на кровяные шарики,—и не только часть раствореннаго, но и химически связаннаго газа. Переходъ этотъ долженъ совершаться во время протеканiя крови по венамъ, и тутъ мелкая раздробленность кровяныхъ шариковъ, какъ громадное увеличенiе поверхности ихъ соприкосновенiя съ жидкостью, представляетъ для такого перехода очень выгодное условiе. Такое участiе кровяныхъ шариковъ въ дѣлѣ выведенiя изъ тѣла CO_2 имѣетъ, вѣроятно, тѣмъ большее жизненное значенiе, чѣмъ больше развивается CO_2 въ тканяхъ или чѣмъ больше поступаетъ ея въ тѣло съ вдыхаемымъ воздухомъ, потому что поглощательная способность на CO_2 возрастаетъ въ шарикахъ съ увеличенiемъ давленiя несравненно быстрѣе, чѣмъ въ жидкой части крови.

Одесскую работу съ солями будетъ удобнѣе описать въ связи съ ея продолженiемъ и концомъ въ лабораторiи Петербургскаго университета.

Изъ Одессы въ Петербургъ я переѣхалъ въ началѣ мая 1876 г. и пробылъ въ Петербургскомъ университетѣ двѣнадцать лѣтъ . .

. . . .

(Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, прошло почти два мѣсяца — сначала болѣзнь, потомъ война съ Японiей. Бѣда быть уже ни на что негоднымъ старикомъ въ такое тяжелое время—мучаешься тревожными ожиданiями, и опускаются безполезныя руки. Попробую опять бѣжать отъ настоящаго въ прошлое.)

Профессорство въ Петербургскомъ университетѣ.

(1876–1888 г.)

Пріѣздъ изъ Одессы въ Петербургъ памятенъ мнѣ тѣмъ, что на другой день по пріѣздѣ былъ тотъ единственный майскій морозъ въ 6^0 по всей Россіи, до Кавказа и Крыма включительно, которымъ задержалась древесная растительность чуть ли не до половины лѣта. Пріѣхалъ я съ юга, конечно, въ лѣтнемъ платьѣ, остановился у зятя Михайловскаго и, имѣя на другой день представиться министру, принужденъ былъ ѣхать туда въ енотовой шубѣ зятя. Университетское начальство приняло меня любезно и дало отпускъ на каникулярное время. Лѣто я прожилъ въ имѣніи жены, и съ этихъ поръ наша семейная жизнь стала наконецъ осѣдлой, безъ временныхъ разлукъ и переѣздовъ съ мѣста на мѣсто. Поселились мы на Васильевскомъ островѣ, этой милой университетской части города, благо всѣ наши родные и друзья (между ними и Софья Васильевна Ковалевская съ мужемъ) жили тамъ же.

Къ Петербургскому университету того времени и къ его физико-математическому факультету въ особенности я преисполненъ по сіе время великаго уваженія. Не говоря о томъ, что сидѣть рядомъ съ такими людьми, какъ Чебышевъ, Менделѣевъ и Бутлеровъ, было для меня большою честью,— университетская коллегія того времени представляла поразительный примѣръ дружнаго единодушія по всѣмъ насущнымъ вопросамъ университетской жизни. Посѣщая аккуратно засѣданія факультета и совѣта, я за всѣ одиннадцать лѣтъ не былъ свидѣтелемъ ни тамъ, ни здѣсь ни единаго враждебнаго столкновенія, ни единаго грубаго слова. А между тѣмъ университетъ переживалъ тогда очень трудныя времена и ему приходилось заниматься иногда очень щекотливыми вопросами. Извѣстно, что въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка правительственная реакція противъ анархистскаго террора достигла апогея и выразилась между прочимъ цѣлымъ рядомъ крайне суровыхъ административно-полицей-

скихъ воздѣйствій на бытъ студентовъ. Дошло до того, что студентовъ, замѣшанныхъ въ университетскихъ безпорядкахъ, лишали, по окончаніи курса, правъ поступать на государственную службу, т.-е. лишали правъ за дисциплинарные проступки. Несчастнаго устава г. Делянова, отдѣлившаго студентовъ отъ профессоровъ пропастью тогда еще, не существовало, и петербургская профессорская коллегія не сочла себя въ правѣ молчать. По предложенію нѣкоторыхъ профессоровъ была образована комиссія для разсмотрѣнія дѣла и составленія защитительной докладной записки министру, что и было сдѣлано. Въ совѣтѣ нашлось только два человѣка, не подписавшихъ этой записки—С. и В. (послѣдній, вѣроятно, за этотъ подвигъ былъ сдѣланъ потомъ ректоромъ). Кончилось, конечно, ничѣмъ—министръ отвѣтилъ выговоромъ коллегіи и замѣчаніемъ, что забота о судьбѣ студентовъ предоставлена начальству, а не профессорамъ.

Другой поводъ вспоминать этотъ періодъ петербургской жизни съ любовью и уваженіемъ—это Бестужевскіе женскіе курсы, гдѣ я былъ преподавателемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и могъ убѣдиться на дѣлѣ въ серьезномъ значеніи этого истинно-благороднаго учрежденія. Это былъ женскій университетъ о двухъ факультетахъ въ настоящемъ смыслѣ слова, возникшій изъ частной иниціативы и поддерживавшійся почти исключительно своими средствами. Это было въ то же время крайне оригинальное учебное заведеніе, въ которомъ начальница—хорошая, добрая, честная Надежда Васильевна Стасова—и ея помощницы работали даромъ, вкладывая въ дѣло не только всю свою душу, но и собственные карманы, и поддерживали дисциплину въ заведеніи не строгостями и наказаніями, а любовнымъ отношеніемъ къ воспитанницамъ, уговоромъ и лаской. Что это былъ университетъ, доказательствомъ служитъ систематичность 4-лѣтняго курса, читавшагося профессорами, доцентами университета и даже нѣкоторыми академиками. Я читалъ на курсахъ то же самое и въ томъ же объемѣ, что въ университетѣ, и, экзаменуя ежегодно и тамъ и здѣсь изъ прочитаннаго, находилъ въ результатѣ, что одинъ годъ экзаменуются лучше студенты, а другой — студентки. Помню даже, что за все мое болѣе чѣмъ сорокалѣтнее профессорство самый лучшій экзаменъ держала у меня студентка, а не студентъ, — дочь отъ перваго брака знаменитаго нѣмецкаго раскопщика греческихъ древностей. Да, это была заря высшаго женскаго образованія въ Россіи, и студентки учились прямо-таки съ увлеченіемъ — я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онѣ занимались въ стѣнахъ своего университета (зданіе курсовъ въ 10-ой линіи Васильевскаго острова) въ послѣобѣденное

время. Да и могло ли быть иначе: немногія шли туда отъ скуки или изъ моды, а большинство стремилось сознательно и безкорыстно къ образованію, какъ высшему благу,—говорю «безкорыстно» потому, что оно не давало тогда курсисткамъ никакихъ правъ, а впослѣдствіи даже лишало ихъ таковыхъ. Кто зналъ добрую, кроткую начальницу заведенія, для того было напередъ ясно, что тутъ царствовалъ духъ любви и снисхожденія; а между тѣмъ жизнь на курсахъ протекала болѣе мирно, чѣмъ въ заведеніяхъ съ строгостями и наказаніями. За всѣ мои года профессорства на курсахъ тамъ произошло лишь одинъ разъ волненіе, обратившее на себя вниманіе высшаго начальства. Курсистки почуяли—справедливо или нѣтъ, не знаю—въ одной изъ своихъ товарокъ шпіонку и стали сильно волноваться, настаивая на ея удаленіи съ курсовъ. Слухъ объ этомъ достигъ до главнаго начальника оныхъ, попечителя округа, и онъ явился къ Надеждѣ Васильевнѣ съ требованіемъ, чтобы она усмирила бунтъ и защитила виновницу (можетъ быть, и невинную) скандала, замѣтивъ, что въ заведеніяхъ шпіоны необходимы—тогдашній попечитель былъ генералъ и отличался большою наивностью. Защитить виновницу скандала Над. Вас. взялась, но не изъ-за полезности той спеціальности, которая приписывалась ей курсистками, потому что «мой отецъ, генералъ,—говорила Надежда Васильевна,—училъ насъ считать шпіонство вещью непотребною». Это я лично слышалъ отъ Надежды Васильевны. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ смутныя времена бывали случаи обнаруженнаго участія отдѣльныхъ курсистокъ въ болѣе или менѣе важныхъ политическихъ провинностяхъ, и это обстоятельство, при тогдашнемъ огульномъ подозрѣваніи учащейся молодежи въ политической неблагонадежности, отразилось на слушательницахъ Бестужевскихъ курсовъ слѣдующимъ образомъ. До начальства дошло, что бестужевки, выходя изъ заведенія со свидѣтельствами объ окончаніи курса, пользуются для полученія мѣстъ не этими свидѣтельствами [1]), а аттестатами изъ среднихъ учебныхъ заведеній, полученными до поступленія на курсы (безъ такихъ аттестатовъ на курсы не принимались). Поэтому въ одно прекрасное утро петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Грессеръ вытребовалъ съ курсовъ аттестаты средне-учебныхъ заведеній всѣхъ учащихся бестужевокъ и вернулъ ихъ черезъ нѣкоторое время съ приложеніемъ къ нимъ нарочито изготовленныхъ печатей, въ которыхъ значилось, что предъявительница есть бестужевка. Понятно, что рядомъ съ этимъ было сдѣлано распоряженіе о недопущеніи къ учитель-

[1]) Что понятно само собою, такъ какъ свидѣтельства эти не давали никакихъ правъ.

ству лицъ съ такими печатями. Въ это время преподавателемъ богословія на курсахъ былъ ректоръ петербургской семинаріи, протоіерей Розановъ,—даже и онъ въ разговорѣ со мной находилъ эту мѣру нѣсколько преувеличенной. Не менѣе оригинальна была позднѣйшая реабилитація бестужевокъ въ глазахъ начальства. Незадолго до распоряженія о закрытіи курсовъ г. Деляновъ находитъ это заведеніе вредоноснымъ даже въ нравственномъ отношеніи; но какъ только эти самые курсы остались помимо него существовать и въ главу ихъ былъ поставленъ коронный директоръ съ 3.000 жалованья и такая же инспектриса съ помощницами (платить жалованье всѣмъ этимъ лицамъ, 8.000 руб., должны были сами курсы), заведеніе оказалось и благоприличнымъ, и добропорядочнымъ.

Во всякомъ случаѣ Бестужевскіе курсы перваго періода ихъ существованія представляютъ назидательный примѣръ того, что могла бы сдѣлать въ Россіи частная инициатива, если бы ей давали просторъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ жить въ Петербургѣ, да еще въ университетскихъ кварталахъ города, было не особенно пріятно: улицы кишѣли «гороховыми пальто» для наблюденія за обывателями внѣ домовъ, а внутри домовъ жильцы были отданы подъ присмотръ дворниковъ и черезъ нихъ подъ присмотръ прислуги. Въ самые смутные годы этого тяжелаго времени мы жили съ женой въ 4-й линіи, почти на углу Большого проспекта, и одно время прямо противъ насъ въ 5-й линіи былъ, должно быть, очень подозрительный для полиціи домъ. Наша тогдашняя прислуга, очень добрая и хорошая женщина, относилась не безъ участія къ трудностямъ службы «агентовъ», ежедневно дежурившихъ днемъ и ночью на углу нашей улицы и Большого просп., признавая въ то же время, что они получаютъ хорошее вознагражденіе, 50 руб. въ мѣсяцъ. На ночь, по ея словамъ, одинъ изъ агентовъ получалъ отъ нашего дворника стулъ и, поселившись на чердакѣ нашего дома, наблюдалъ за верхними этажами противоположнаго. По счастію, прислуга наша не имѣла предательской наклонности подслушивать за дверьми, и лично мы пережили смутное время благополучно. Однако мнѣ все-таки довелось придти случайно въ прикосновеніе съ исторіей, возникшей по доносу прислуги. Въ тѣ годы одинъ изъ моихъ учениковъ, В., наиболѣе способный изъ всѣхъ работавшихъ въ моей лабораторіи, жилъ съ двумя родными сестрами по-семейному, т.-е. они нанимали общую квартиру, держали кухарку и стряпали дома. Братъ кончалъ курсъ въ университетѣ, старшая сестра училась на медицинскихъ курсахъ, а млад-

шая была бестужевка, составляла лекціи по физикѣ и литографировала ихъ, вслѣдствіе чего на квартирѣ было множество исписанной бумаги и корректурныхъ листовъ. Обстоятельство это показалось кухаркѣ подозрительнымъ, и по ея доносу въ одну прекрасную ночь всѣхъ троихъ взяли послѣ тщательнѣйшаго обыска мебели, постельныхъ тюфяковъ и даже стѣнъ (это я узналъ отъ арестованныхъ). Узналъ я о постигшей ихъ судьбѣ отъ одного изъ пріятелей В. на другой же день ихъ ареста и узналъ отъ него же, что арестъ былъ произведенъ не тайной, а явной полиціей.

Зная В. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ какъ человѣка, занимающагося со страстью и съ успѣхомъ научными вопросами—нервами, а не политикой (въ то время онъ уже напечаталъ въ нѣмецкомъ Архивѣ Пфлюгера превосходную работу), и увѣренный поэтому въ его политической невинности, я написалъ о немъ пространную докладную записку и явился съ ней въ обычные пріемные часы къ оберъ-полицеймейстеру Грессеру. Онъ сначала сталъ было отнѣкиваться, когда я заявилъ, что В. арестованъ его полиціей, но наконецъ смиловался, навелъ справку и, убѣдившись въ справедливости моего заявленія, просилъ придти къ нему за отвѣтомъ дня черезъ два, что я, конечно, и сдѣлалъ. При моемъ появленіи въ кабинетѣ онъ распорядился, чтобы привели арестованныхъ, и отпустилъ ихъ на волю съ наставленіемъ быть осторожными въ такія времена (не считая, конечно, такой необходимости для своихъ агентовъ), а меня, по ихъ уходѣ, отпустилъ съ заявленіемъ, что довѣряться теперешней молодежи невозможно.

Въ Петербургѣ жила тогда большая компанія родныхъ: моя старшая сестра Анна Михайловна (любимица моей жены) съ мужемъ Н. А. Михайловскимъ; братъ Рафаилъ съ женой Екат. Вас. (урожденной Ляпуновой) и дочкой Наташей; два брата студента Ляпуновы (племянники Екат. Вас.), которыхъ я зналъ еще дѣтьми, и семья Крыловыхъ: мужъ (Ник. Александр.), жена Софья Викторовна, сынъ Алексѣй (будущій морякъ), свояченица Алекс. Викт. и маленькій воспитанникъ-французъ Викторъ Анри. Все это были простые, превосходные люди. Старики мирно доживали свой вѣкъ, а молодежь училась съ такимъ рвеніемъ и успѣхомъ, что всѣ четверо стали извѣстными дѣятелями науки. Въ настоящее время Алекс. Мих. Ляпуновъ—выдающійся математикъ и академикъ; братъ его Борисъ Мих.—профессоръ въ Одессѣ и ученѣйшій славистъ; Алексѣй Крыловъ—математикъ-изобрѣтатель и кораблестроитель; Викторъ Анри—извѣстный физіолого-психологъ. Изъ товарищей по университету я сошелся всего ближе съ милымъ, добрымъ Дм. Конст. Бобылевымъ, водилъ знакомство съ семьей Анд. Ник.

Бекетова, бывалъ у Дм. Ив. Менделѣева, Ѳед. Ѳом. Петрушевскаго и проф. Поссе. Кромѣ того, познакомился съ семьями Ал. Ник. Пыпина и Над. Вас. Стасовой.

Понятно, что моя внѣ-университетская жизнь протекала преимущественно дома и въ кругу родныхъ за невиннымъ бездѣльемъ въ видѣ безденежнаго винта, чтенія литературныхъ новостей и даже хорового пѣнія, благо старшій Крыловъ зналъ множество веселыхъ русскихъ пѣсенъ, а братъ Рафаилъ былъ большой любитель пѣнія. Не далѣе какъ еще въ прошломъ году (1903) Никол. Алекс. Крыловъ, проѣздомъ черезъ Москву, соблазнялъ меня пріѣхать въ Петербургъ на пѣвческій вечеръ.

Вспоминая эту жизнь въ кругу родныхъ, не могу не вспомнить слѣдующаго обстоятельства. Въ молодости въ инженерномъ училищѣ я усердно занимался математикой, но по выходѣ изъ него совсѣмъ забросилъ ее — сначала изъ-за медицины, изученіе которой длилось $9^1/_2$ лѣтъ (6 лѣтъ въ университетѣ и $3^1/_2$ года за границей), потомъ изъ-за ежедневныхъ физіологическихъ работъ, не требовавшихъ ничего, кромѣ самыхъ элементарныхъ математическихъ знаній. Тѣмъ не менѣе время отъ времени на душѣ появлялось сожалѣніе, что все, что пріобрѣталось нѣкогда въ молодости такъ легко, давнымъ-давно заглохло. Въ годъ, когда Алекс. Мих. Ляпуновъ кончалъ курсъ на математическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, я соблазнился, наконецъ, возможностью вспомнить, при его помощи, давно забытое и сталъ брать у него уроки, занимаясь рядомъ съ этимъ самостоятельно по учебникамъ Шлёмильха. Въ годъ я одолѣлъ учебникъ Шлёмильха по высшему анализу, но дальше не пошелъ—опять засосали физіологическія работы, а можетъ быть, и потому еще, что былъ уже старъ для движенія по новымъ рельсамъ.

Изъ другихъ событій этого періода петербургской жизни приведу еще два: исторію съ академіей наукъ и исторію съ званіемъ заслуженнаго профессора.

Выше было сказано, что, благодаря рекомендаціи одесскаго попечителя Голубцова, Дм. Андр. Толстой отнесся ко мнѣ очень дружелюбно и перевелъ меня въ Петербургъ. Здѣсь въ первые годы его благорасположеніе очевидно продолжалось, потому что разъ я удостоился вмѣстѣ съ проф. Орестомъ Мюллеромъ чести быть приглашеннымъ къ нему на обѣдъ, гдѣ мы оба имѣли, впрочемъ, видъ не дорогихъ гостей, а оглашенныхъ, такъ какъ хозяйка дома [1]), кивнувъ намъ издалека головой, во весь обѣдъ не удостоила насъ

---

[1]) Дочь знаменитаго кіевскаго сатрапа Бибикова.

ни взгляда, ни слова. Вѣроятно, благорасположеніе Дм. Андр. ко мнѣ продолжалось и долѣе, когда онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ академіи наукъ, потому что нежданно, негадано для меня Ягичъ (тогда профессоръ въ университетѣ и академикъ) обратился ко мнѣ съ вопросомъ, пойду ли я въ академію, если меня выберутъ. Въ этотъ разъ мнѣ нечего было бояться «красныхъ ушей», и я далъ согласіе. Вслѣдъ за этимъ Овсянниковъ попросилъ у меня списокъ моихъ работъ; дѣло представленія пошло, и мнѣ стало извѣстно, что въ отдѣленіи я избранъ. Вскорѣ затѣмъ на мое счастье [1]) случилось слѣдующее обстоятельство. Дѣло было весной, въ утро праздника Вознесенія; иду я по Васильеостровской набережной въ лабораторію и недалеко отъ университета, вѣроятно задумавшись, прохожу мимо идущаго навстрѣчу господина, не узнавая его въ лицо; но, пройдя мимо, узнаю, что это былъ Дм. Андр. Узнай я его въ минуту встрѣчи, я, конечно, не преминулъ бы поклониться ему; но теперь возвращаться назадъ съ извиненіемъ было поздно, и я не вернулся. Черезъ нѣсколько дней мнѣ сообщили, что президентъ академіи положилъ на мое избраніе veto, и я не былъ допущенъ до баллотировки въ общемъ собраніи.

Возможно, что въ нѣкоторой связи съ этимъ академическимъ инцидентомъ стояло и другое мое фіаско, хотя дѣятелемъ здѣсь былъ другой графъ—Иванъ Давыдовичъ. Не помню, какимъ образомъ, самъ ли я догадался, или кто меня надоумилъ, но только въ 1887 г. я вспомнилъ, что профессорствую уже 27 лѣтъ, а за вычетомъ года отставки между медицинской академіей и Одесскимъ университетомъ—болѣе 26. Когда я заявилъ объ этомъ въ университетской канцеляріи, поднялось дѣло о моемъ представленіи въ званіе заслуженнаго профессора. Много ли, мало ли прошло затѣмъ времени, но разъ сижу я въ совѣтѣ и прочитывается между прочимъ бумага отъ министра, въ которой заявляется отказъ на представленіе, потому дескать, что изъ 26 лѣтъ слѣдуетъ вычесть 10 лѣтъ, проведенныхъ мною профессоромъ въ медицинской академіи. Нужно замѣтить, что на меня перваго обрушилась буква закона, по которому званіе заслуженнаго получаютъ лишь лица, профессорствовавшія 25 лѣтъ въ университетѣ, потому что еще за годъ до того профессору статистики были зачтены въ университетскую службу годы профессорства въ Горыгорѣцкомъ институтѣ. Это было тѣмъ болѣе непослѣдовательно, что медицинская академія, какъ медицинскій факультетъ, совершенно равнозначна университетскимъ факуль-

[1]) Ниже будетъ показано, почему я сказалъ здѣсь не „на бѣду", а „на счастье".

тетамъ. На этомъ основанiи, по прочтенiи министерской записки, ректоръ (Андр. Ник. Бекетовъ) обратился къ совѣту съ вопросомъ, не найдетъ ли онъ нужнымъ обратиться къ г. министру съ просьбой отмѣнить выслушанное рѣшенiе. Но прежде чѣмъ совѣтъ могъ высказаться, я съ своей стороны обратился къ нему съ просьбой не дѣлать этого, такъ какъ уступка со стороны г. министра имѣла бы значенiе оказанной мнѣ милости, а милость я могу принимать только отъ государя, но никакъ не отъ министра. Много лѣтъ спустя, уже въ Москвѣ, къ немалому моему огорченiю и, конечно, безъ вѣдома съ моей стороны меня все-таки произвели въ заслуженные, и я такимъ образомъ лишился желаннаго мною оригинальнаго званiя «незаслуженнаго профессора», несмотря на 40 лѣтъ профессорства.

Изъ внѣ-университетскихъ событiй за время моего пребыванiя въ Петербургѣ слѣдуетъ отмѣтить послѣднiй юбилей Грубера, 25-лѣтнiй юбилей С. П. Боткина и банкетъ въ честь генерала Радецкаго по окончанiи послѣдней турецкой войны.

У насъ, въ Россiи, Груберъ вполнѣ заслуживалъ юбилеевъ рѣдкимъ въ нашей странѣ трудолюбiемъ и примѣрнымъ выполненiемъ принятыхъ на себя обязанностей. Имѣя, кромѣ того, наивность измѣрять свои ученыя заслуги числомъ находимыхъ имъ ежегодно аномалiй, онъ считалъ юбилеи заслуженною данью его учености и страстно любилъ эти праздники съ ихъ хвалебными рѣчами и подношенiями. Зная за нимъ эту слабость, друзья и почитатели устроили ему за 45 лѣтъ его профессорства въ Россiи три юбилея, и всѣ три, со всѣми документами, онъ описалъ самъ на нѣмецкомъ языкѣ и издалъ въ Вѣнѣ. Юбилеи Грубера начинались привѣтствiями подчиненныхъ въ анатомическомъ театрѣ; за ними слѣдовалъ прiемъ депутацiй въ одной изъ залъ медицинской академiи; отсюда праздникъ переносился для друзей на его квартиру и заканчивался юбилейнымъ обѣдомъ, на который онъ являлся торжественно, подъ ручку съ своей вѣрной Густи, которая шла счастливая, съ букетомъ въ рукахъ, сiяньемъ на лицѣ и слезами на глазахъ. Счастье честнаго труженика Грубера и его милой вѣрной жены было прямо-таки трогательно.

Юбилей Боткина носилъ иной характеръ и былъ, по моему мнѣнiю, испорченъ извѣстной пышностью и тѣмъ, что празднику былъ приданъ характеръ чествованiя юбиляра не столько ученымъ сословiемъ, сколько городомъ и его представителемъ, городскимъ головой, словно званiе Боткина, какъ гласнаго думы, шло впереди его ученыхъ заслугъ. Праздникъ въ залѣ городской думы начался музыкальной кантатой, сочиненной на этотъ случай Балакиревымъ,

какъ только юбиляръ показался въ залѣ, встрѣченный громомъ аплодисментовъ. Для него и всѣхъ его близкихъ была устроена настолько возвышенная надъ присутствующими эстрада, что говорившимъ рѣчи приходилось сильно поднимать голову къ лицу стоявшаго на эстрадѣ Боткина. Въ заключеніе всего въ рѣчи городского головы упоминалось имя Ньютона. Такое пересаливанье, хотя и обычное въ русскихъ юбилеяхъ, мнѣ очень не нравилось; нѣкоторые изъ приближенныхъ замѣтили это и сочли, кажется, завистью съ моей стороны; но завидовать, право, было нечему: положеніе именинника мнѣ всегда казалось нѣсколько глупымъ, и я всю мою жизнь избѣгалъ именинъ и чествованій; да и самъ Боткинъ заявилъ мнѣ послѣ всѣхъ своихъ праздниковъ, что выносить юбилейныя торжества—непріятная обязанность.

Генерала Радецкаго, какъ бывшаго воспитанника инженернаго училища, петербургскіе инженеры чествовали по окончаніи послѣдней турецкой войны торжественнымъ обѣдомъ. Меня пригласилъ на этотъ обѣдъ гостемъ генералъ Александръ Ивановичъ Савельевъ, бывшій въ мое кондукторство дежурнымъ офицеромъ. За главнымъ столомъ насупротивъ генерала Радецкаго сидѣли: предсѣдатель банкета генералъ Кауфманъ и два главныхъ гостя—Достоевскій и Григоровичъ (оба воспитанники училища), а за отдѣльнымъ столикомъ, противъ середины почетнаго стола,—Александръ Ивановичъ Савельевъ, мой товарищъ по училищу (годомъ моложе меня) генералъ Лееръ, извѣстный стратегъ и впослѣдствіи начальникъ академіи генеральнаго штаба, Эвальдъ, бывшій въ мое кондукторство учителемъ физики въ училищѣ, и я. Первую рѣчь военнаго содержанія говорилъ Лееръ; за нимъ очень весело и бойко описалъ старые порядки въ училищѣ Григоровичъ (Достоевскій почему-то молчалъ); послѣ этого сказалъ нѣсколько очень ловкихъ словъ Эвальдъ, а затѣмъ потребовали, чтобы говорилъ и я. Если бы я зналъ, что это случится, то приготовился бы; а теперь приходилось говорить экспромптомъ. Къ счастію, еще въ памяти сохранились главные эпизоды войны, съ которыми было связано имя Радецкаго: переходъ его первымъ черезъ Дунай, защита Шипки и послѣднее сраженіе за Балканами, которымъ кончилась война. Все это было упомянуто мною, но въ такой неважной формѣ, что рѣчь не имѣла успѣха. Въ печати же она вышла очень красивой благодаря тому, что черезъ день или два послѣ банкета ко мнѣ пришелъ, кажется, адъютантъ Радецкаго и принесъ показать якобы записанную имъ мою рѣчь, но въ сущности имъ самимъ очень складно сочиненный перечень тѣхъ фактовъ, о которыхъ я упоминалъ нескладно. Какъ Радецкій отвѣчалъ на тосты, не помню; но знаю, что онъ предло-

жилъ тостъ за русскаго солдата. Вслѣдъ за этимъ публика начала вставать изъ-за стола. Достоевскій шепнулъ мнѣ, чтобы я потребовалъ тостъ за отцовъ и матерей русскаго солдата, т.-е. за русскій народъ, и этимъ тостомъ обѣдъ закончился. Послѣ обѣда встрѣча съ нѣкоторыми изъ моихъ прежнихъ учителей, теперь сѣдыми генералами (между ними былъ Паукеръ — поручикъ во время моего кондукторства, а теперь чуть не наканунѣ назначенія министромъ путей сообщенія), и нѣкоторыми изъ товарищей была для меня большой радостью. Отъ этихъ встрѣчъ невольно пахнуло молодостью, и онѣ оставили на душѣ очень сладкое воспоминаніе. Изъ товарищей встрѣтилъ между прочимъ генерала Зейме, разжалованнаго нѣкогда изъ фельдфебелей въ рядовые. Онъ съ улыбкой вспомнилъ наши прошлыя неудачи.

Перехожу теперь къ жизни въ петербургской лабораторіи.

Обстановка была болѣе чѣмъ скромная. Лабораторія состояла всего изъ двухъ комнатъ—одной для профессора, другой для ассистента; инструментальныхъ пособій было очень мало, бюджетъ маленькій, и ко всему этому первые два-три года, пока не выработались изъ новыхъ учениковъ два дѣльныхъ ассистента, пришлось пробыть безъ надлежащаго помощника. Тѣмъ не менѣе я работалъ здѣсь очень удачно и качественно сдѣлалъ въ сущности больше, чѣмъ въ какой-либо изъ прежнихъ лабораторій. Одною изъ работъ завершились всѣ мои прежнія изслѣдованія съ поглощеніемъ CO_2 соляными растворами, а другою — опыты съ тормозящими вліяніями въ сферѣ нервной системы. Однако рядомъ съ удачами, принесшими не мало хорошихъ минутъ въ жизни, было не мало и огорченій, принесенныхъ въ двухъ случаяхъ собственными промахами и въ одномъ — временною неспособностью довести работу многихъ лѣтъ до конца. Въ своемъ мѣстѣ все это будетъ описано.

Чтобы не сидѣть при первомъ обзаведеніи на новомъ мѣстѣ безъ дѣла, я пріѣхалъ въ Петербургъ съ готовымъ планомъ продолжать одесскіе опыты съ растворами солей. Съ этою цѣлью тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ (въ началѣ мая) мною былъ заказанъ извѣстному превосходному механику [1]) (фамилію его забылъ) абсорпціометръ, съ тѣмъ чтобы онъ былъ готовъ къ сентябрю и удовлетворялъ ряду выговоренныхъ напередъ условій. Опредѣлить при заказѣ даже приблизительную цѣну инструмента онъ отказался, ссылаясь на невозможность указать заранѣе, сколько аппаратъ

[1]) Онъ былъ старшимъ механикомъ при Пулковской обсерваторіи, не ужился съ новымъ директоромъ оной и имѣлъ несчастіе переселиться въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы завести тутъ мастерскую. Несмотря на то, что это былъ мастеръ первой руки, дѣла пошли у него плохо, и онъ кончилъ трагически.

возьметъ у него времени, такъ какъ подобныхъ инструментовъ онъ никогда не дѣлалъ; но механикъ былъ извѣстенъ какъ крайне добросовѣстный человѣкъ, и я уѣхалъ на лѣто въ деревню безъ всякихъ предчувствій. Въ сентябрѣ инструментъ былъ готовъ и удовлетворялъ всѣмъ выговореннымъ условіямъ на славу; но когда мнѣ была объявлена его стоимость—500 руб., вмѣсто ожидаемыхъ 150—200, я обомлѣлъ, потому что плата равнялась двумъ мѣсяцамъ жалованья, а я жилъ почти исключительно на жалованье. Тѣмъ не менѣе механикъ былъ правъ, потому что воспитался на работѣ астрономическихъ инструментовъ, требовавшихъ чуть не математической точности, привыкъ работать съ величайшей тщательностью и справедливо цѣнилъ такую работу очень высоко. Плата, не совсѣмъ по карману, была, разумѣется, вскорѣ забыта, и затѣмъ мнѣ пришлось лишь радоваться инструменту, дававшему возможность подмѣчать съ увѣренностью болѣе тонкія вещи, чѣмъ инструментъ, съ которымъ я работалъ въ Одессѣ.

Выше, при описаніи одесской работы съ кровью, было уже вскользь упомянуто, почему я отъ крови отступилъ въ сторону соляныхъ растворовъ, а теперь опишу весь ходъ мысли, вызвавшей это отступленіе, длившееся годы.

Какъ только опытами была установлена для сыворотки значительная зависимость химическаго поглощенія отъ давленія, я думалъ, что для объясненія факта достаточно будетъ продѣлать болѣе подробно опыты моихъ предшественниковъ въ этой области (Ферне и Л. Мейера съ Гейденгайномъ) съ растворами Na_2CO_3 и Na_2HPO_4, и это было сдѣлано; но полученные результаты факта не объяснили, и это обстоятельство заставило меня искать возможнаго отвѣта въ поглощеніи CO_2 растворами другихъ солей, способныхъ связывать CO_2 химически. Очень возможно, что отступленіе въ эту сторону кончилось бы очень скоро, если бы я не напалъ въ своихъ исканіяхъ на растворы уксуснокислаго натра. Полученные съ этою солью результаты были такъ неожиданны и интересны, что остановиться на этихъ опытахъ не было возможности, тѣмъ болѣе что область, въ которую меня бросила судьба, была никѣмъ еще не извѣдана. Нельзя было не идти впередъ, и къ уже собранному матеріалу прибавились опыты съ тремя новыми солями. Когда же вслѣдъ за этимъ всѣ опыты съ семью различными солями были сопоставлены другъ съ другомъ, въ порядкѣ нарастающихъ по силѣ кислотъ, то оказалось, что въ рукахъ имѣется уже достаточный матеріалъ для установленія общаго характера *слабаго химическаго поглощенія* CO_2 соляными растворами. Во главѣ ряда стояли двѣ соли почти равныхъ по силѣ кислотъ, CO_2 и NaH_2PO_4, и растворы

ихъ отличались тѣмъ, что при достаточной степени разжиженія соль реагировала съ CO_2 всей своей массой и именно такъ, что CO_2 отнимала отъ растворенной соли въ свою сторону половину ея основанія, тогда какъ въ густыхъ растворахъ величина химическаго поглощенія отставала отъ этого предѣла тѣмъ больше, чѣмъ гуще былъ растворъ. За этими солями стояли такія, въ которыхъ химическая реакція не достигала вышеозначеннаго предѣла ни при какихъ степеняхъ разжиженія, хотя и здѣсь, какъ въ предшествующихъ случаяхъ, относительная величина химическаго поглощенія увеличивалась по мѣрѣ разжиженія растворовъ. Къ третьей группѣ принадлежали соли, составлявшія уже переходъ отъ предшествующихъ къ солямъ, образованнымъ сильными минеральными кислотами. Въ одной изъ нихъ были еще ясны признаки незначительнаго химическаго поглощенія CO_2, т.-е. признаки того, что CO_2 отнимала отъ растворенной соли въ свою сторону незначительную часть ея основанія, а въ растворахъ другой соли эти признаки почти исчезали и поглощеніе происходило уже по закону Дальтона—раствоpенія газовъ въ жидкостяхъ. Какъ же было не вывести отсюда слѣдующихъ двухъ заключеній:

1) характеръ химической реакціи съ растворами солей вездѣ одинъ и тотъ же—повсюду CO_2 отнимаетъ отъ растворенной соли часть ея основанія, и при прочихъ равныхъ условіяхъ тѣмъ меньшую, чѣмъ сильнѣе кислота соли, и тѣмъ бóльшую, чѣмъ сильнѣе разжиженъ ея растворъ, и

2) сила минеральныхъ кислотъ не безконечно велика сравнительно съ силой CO_2, слѣдовательно и для растворовъ солей, образованныхъ минеральными кислотами, должны существовать степени разжиженія, при которыхъ химическая реакція становится явственной.

Устоять противъ соблазнительности второго вывода было очень трудно, и я втянулся въ опыты по этому вопросу, окончившіеся неудачей. Удача послѣдовала много лѣтъ спустя въ Петербургѣ.

Здѣсь я могъ бы, конечно, остановиться, потому что соли съ сильными кислотами ничего не обѣщали для химическаго поглощенія CO_2 кровью; но если принять во вниманіе, что абсорпціометрическій опытъ совсѣмъ еще не касался этой области и сулилъ много новаго, то дѣлается понятнымъ, что остановиться я не могъ. Опыты съ кровью пошли своимъ чередомъ, а рядомъ съ ними пошла разработка вопроса, нельзя ли привести растворы солей индиферентныхъ къ CO_2 въ опредѣленную систему, подобно тому какъ это удалось для солей, растворы которыхъ поглощаютъ CO_2 химически.

Соотвѣтственно этому, прежде всего нужно было рѣшить, какъ слѣдуетъ дозировать растворы солей для сравненія ихъ другъ съ другомъ со стороны поглощательной способности. При этомъ я руководствовался слѣдующимъ соображеніемъ: если для такого дозированья существуетъ общій вѣрный критерій, то его можно найти лишь при слѣдующемъ условіи: если равныя или эквивалентныя количества солей—и конечно скорѣе всего близко-родственныхъ,—растворенныя *одинаковымъ образомъ* въ водѣ, даютъ растворы равной поглощательной способности. Къ счастію, отыскивать такой критерій пришлось не долго [1]). *Нужно брать для сравненія не равныя, а эквивалентныя количества солей въ равныхъ объемахъ растворовъ.* При этомъ условіи близко-родственныя соли въ слабыхъ и средней крѣпости растворахъ даютъ одинаковые коэффиціенты поглощенія CO_2.

Но почему же такое дозированіе можетъ служить общимъ критеріемъ для сравненія растворовъ? По слѣдующимъ двумъ причинамъ: соляной растворъ можно разсматривать какъ низшую ступень соединенія соли съ водою, послѣдующую за соединеніемъ соли съ кристаллизаціонной водой; отзвукомъ этого родства и является то обстоятельство, что сравнимы между собой только растворы съ эквивалентными количествами солей. Понятенъ смыслъ и второго пункта: законъ Дальтона, которому слѣдуетъ поглощеніе CO_2 всѣми вообще индиферентными къ этому газу жидкостями, каковы и наши соляные растворы, относитъ величины поглощенія къ объемамъ жидкостей. Рядомъ съ этимъ раствореніе до равныхъ объемовъ обозначаетъ равную степень раздвиганія соляной частицы—равенство механическихъ условій диссоціаціи соли водою.

Сравненіе приготовленныхъ такимъ образомъ растворовъ показало:

слабые и средней крѣпости растворы родственныхъ солей поглощаютъ равныя количества CO_2;

при одинаковыхъ основаніяхъ: сульфаты [2]) обладаютъ наименьшею поглощательною способностью, за ними слѣдуютъ хлориды, и больше всѣхъ поглощаютъ нитраты;

при одинаковыхъ кислотахъ: меньше всего поглощаютъ соли натрія, за ними идутъ соли калія, и больше всего поглощаютъ соли аммонія.

---

[1]) Благодаря тому, что я для первой пробы взялъ слабые растворы двухъ столь близкихъ другъ къ другу солей, какъ $MgSO_4$ и $ZnSO_4$.

[2]) Для сравненія съ солями одноосновныхъ кислотъ брались, конечно, половинные паи сульфата.

Такому распорядку солей съ различной поглощательной способностью соотвѣтствуетъ различная степень диссоціируемости ихъ водою, или, въ обратномъ смыслѣ, различная степень жадности солей къ водѣ; поэтому *общимъ классификаціоннымъ принципомъ для приведенія солей* (по отношенію ихъ растворовъ къ CO_2) *въ систему можетъ быть только отношеніе ихъ къ водѣ.*

Эти же результаты, въ связи съ показанной выше возможностью смотрѣть на соляные растворы какъ на очень слабыя соединенія соли съ водой, давали поводъ думать, что CO_2 поглощается собственно водою соляного раствора, а соль лишь ограничиваетъ величину поглощенія газа, притягивая въ свою сторону воду.

На этомъ оборвалась моя одесская работа съ солями и продолжалась она уже въ Петербургѣ.

Во всѣхъ описанныхъ доселѣ опытахъ растворителемъ соли служила одна вода, и роль ея въ явленіяхъ сводилась въ сущности лишь на то, что, раздвигая соль при раствореніи на большій объемъ, она приводитъ ее въ состояніе большей или меньшей степени диссоціаціи. Вопросъ же, не играетъ ли роли въ явленіяхъ и качество растворителя, оставался незатронутымъ — недоставало опытовъ съ растворами солей въ другихъ растворителяхъ, кромѣ воды. Такіе опыты, помимо прямого интереса, были необходимы какъ естественное продолженіе и конецъ предшествующихъ, гдѣ былъ выясненъ вопросъ объ участіи въ явленіяхъ состава соли. Итакъ, предстояло сравнивать между собою абсорпціометрически растворы одной и той же соли, конечно взятой въ одномъ и томъ же количествѣ, въ разныхъ растворителяхъ (напр.: въ водѣ, спиртѣ, глицеринѣ и т. п.). При этомъ, основываясь на показаніи предшествовавшихъ опытовъ, что сравниваемые между собою растворы должны быть одинаковаго объема, мнѣ слѣдовало бы прямо растворять одинаковыя количества соли въ разныхъ растворителяхъ до равныхъ результирующихъ объемовъ; но я думалъ, что результаты получатся болѣе простые, если соль будетъ дѣйствовать на равные объемы растворителей. Къ счастію, этотъ промахъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій и вскорѣ былъ исправленъ; выборъ же, для сравненія съ водою, другого растворителя былъ, наоборотъ, крайне удаченъ. Сначала хотѣлось взять спиртъ, такъ какъ коэффиціенты растворенія CO_2 въ немъ даны опытами Бунзена; но для опытовъ со спиртомъ пришлось бы многое передѣлывать въ абсорпціометрѣ, и я рѣшилъ вмѣсто спирта взять водный растворъ соли. Такимъ образомъ первая проба заключалась въ сравненіи слѣдующихъ двухъ растворовъ:

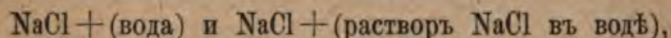
$NaCl +$ (вода) и $NaCl +$ (растворъ $NaNO_3$ въ водѣ),

въ которыхъ растворителями одного и того же количества NaCl служили равные объемы жидкостей, имена которыхъ заключены въ скобки.

Удача выбора растворителемъ воднаго раствора $NaNO_3$ сказалась тотчасъ же послѣ того, какъ изъ сравненія приведенныхъ растворовъ оказалось, что соль, прибавленная къ разнымъ растворителямъ, уменьшаетъ поглощательную способность послѣднихъ въ одинаковой степени,—что получается, другими словами, слѣдующее простое отношеніе между коэффиціентами растворовъ a и b, и коэффиціентами растворителей α и β:

$$a : b = \alpha : \beta.$$

Именно, послѣ этого явилась возможность провѣрить, не получится ли такое же отношеніе между коэффиціентами слѣдующихъ двухъ растворовъ:

NaCl + (вода) и NaCl + (растворъ NaCl въ водѣ),

изъ которыхъ во второмъ растворителемъ (въ скобкахъ) служитъ стоящій слѣва растворъ NaCl и гдѣ поэтому въ жидкости содержится, при равенствѣ объемовъ, вдвое больше NaCl. Ожиданіе оправдалось и для этихъ растворовъ: если коэффиціентъ лѣваго обозначить черезъ a, праваго—черезъ c и коэффиціентъ воды—черезъ α, то коэффиціентъ растворителя въ правомъ растворѣ будетъ a, и мы получимъ:

$$a : c = \alpha : a,$$

$$\text{откуда } c = \frac{a^2}{\alpha}$$

$$\text{или при } \alpha = 1 \quad c = a^2$$

Дальнѣйшіе опыты были направлены къ провѣркѣ этого простого отношенія между коэффиціентами растворовъ NaCl, когда, при равенствѣ объемовъ, содержаніе въ нихъ соли возрастаетъ отъ 1 къ 3, 4, 5, и результаты соотвѣтствовали ожиданію.

Такимъ образомъ получился двойной результатъ: съ одной стороны, было доказано, что

> *одно и то же количество соли, будучи растворено до равныхъ объемовъ въ разныхъ растворителяхъ, даетъ растворы, коэффиціенты которыхъ относятся другъ къ другу, какъ коэффиціенты растворителей;*

съ другой стороны, получился

> *опредѣленный числовой законъ измѣненія коэффиціентовъ раствора съ измѣненіемъ его концентраціи или разжиженія по объемамъ.*

Въ первомъ изъ этихъ результатовъ содержалось уже ясное указаніе на роль растворителя въ нашихъ явленіяхъ: *поглощательная способность всякаго даннаго соляного раствора стоитъ въ прямой зависимости отъ поглощательной способности растворителя, и соль въ растворѣ имѣетъ значеніе лишь фактора, ограничивающаго величину поглощенія газа, соотвѣтственно степени ея жадности къ водѣ.*

Послѣ того какъ законъ былъ установленъ на нѣсколькихъ растворахъ, его пришлось провѣрить на многихъ другихъ примѣрахъ; при этомъ въ кривыхъ поглощенія открылись несомнѣнные признаки химической реакціи CO_2 съ диссоціированными водою солями—признаки тѣмъ болѣе явственные, чѣмъ жиже растворъ. Другими словами, здѣсь на опытѣ подтвердилась наконецъ мысль, возникшая въ самомъ началѣ моей работы съ соляными растворами,—что и соли минеральныхъ кислотъ въ растворахъ должны химически реагировать съ CO_2, такъ какъ сила ихъ не безконечно велика сравнительно съ силой CO_2.

Такимъ образомъ, *абсорпціометрія связала воедино всѣ вообще соли отъ явственно разлагаемыхъ въ растворахъ угольной кислотой до такихъ, которыя считались индиферентными къ этому газу, доказавъ, что реакція CO_2 съ растворами ихъ повсюду одинакова и повсюду заключается въ двойственномъ соперничаньи CO_2 и соли изъ-за основанія послѣдней и изъ-за воды.* Такой результатъ достигнутъ абсорпціометріей благодаря лишь тому, что она даетъ съ вѣрностью почти тысячныя доли миллиграмма.

Работа съ солями и CO_2 длилась въ Петербургѣ, съ двумя большими перерывами, лѣтъ десять и принесла мнѣ, рядомъ со многими счастливыми минутами, очень много огорченій. Нѣкоторые біологи упрекали меня въ томъ, что я, физіологъ, отдаю слишкомъ много времени и силъ рѣшенію не-физіологическихъ вопросовъ; и я, конечно, сознавалъ основательность этихъ упрековъ, но оторваться отъ выяснявшейся постепенно заманчивой возможности найти ключъ къ обширному и никѣмъ еще неизвѣданному классу явленій не было силъ. Два раза я прерывалъ опыты съ CO_2, разрабатывая иные вопросы, но затѣмъ опять возвращался къ ней. Благодаря этому въ одномъ кружкѣ даже сложилась такая стереотипная фраза: «И. М. Сѣченовъ только и дѣлаетъ, что качаетъ CO_2» [1]. Еще болѣе огорчало меня, опять-таки до извѣстной степени справедливое, отношеніе химиковъ къ моей работѣ. Полученные мною результаты они признавали и считали ихъ

[1]) Слово „качать" произошло изъ того, что при опытахъ мнѣ приходилось выкачивать изъ жидкости газы, а потомъ качать въ воздухѣ пріемникъ съ жидкостью.

достойными вниманія, но находили, что мнѣ бы слѣдовало подкрѣпить ихъ опытами съ другими газами, кромѣ вѣчной CO_2. Говорить это было легко, но каково было выполнить такія предложенія. CO_2 была выбрана для опытовъ потому, что она поглощается соляными растворами въ сравнительно большихъ количествахъ, а всѣ другіе сподручные газы—O_2, H, N—растворяются такъ слабо, что о нихъ нечего было и думать.

Такимъ образомъ, трудъ многихъ лѣтъ терялъ его главное значеніе—ключа къ обширному классу явленій. Съ этой занозой въ сердцѣ я оставался до конца моего пребыванія въ Петербургѣ; пробовалъ искать утѣшенія за границей, въ Лейпцигѣ и Парижѣ, но маленькое утѣшеніе нашелъ только у моего дорогого учителя Людвига. Ему я сообщилъ всѣ свои прежніе результаты съ солями слабыхъ кислотъ и новые съ солями сильныхъ; онъ взглянулъ на нихъ со стороны ихъ абсорпціометрической законченности, понялъ, что достичь такихъ результатовъ можно было лишь долгимъ упорнымъ трудомъ, и видимо остался доволенъ сдѣланнымъ. Къ Оствальду я пришелъ съ рукописнымъ резюме работы; давалъ ему, въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ химиковъ, разъясненія по поводу этого резюме; возраженій онъ не дѣлалъ, рукопись для напечатанія принялъ (она появилась въ его журналѣ подъ именемъ «Üb. Konstit. d. Salzlös. auf Grund ihres Verh. zu Kohlens.»), но когда я заявилъ, что желалъ бы отдать дальнѣйшую разработку этихъ вопросовъ въ руки болѣе компетентныхъ химиковъ, то на обращеніе Оствальда къ присутствовавшимъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ никто не выразилъ согласія. Въ Парижъ я ѣхалъ съ мыслью напечатать петербургскую часть работы на французскомъ языкѣ, и это мнѣ удалось при посредствѣ Дюкло. Но по отъѣздѣ я узналъ изъ письма Мечникова, что работу считаютъ важной, но находятъ, что она плохо написана. Позже, когда я уже былъ въ Москвѣ, мнѣ удалось укрѣпить за работой то значеніе, котораго я добивался; но объ этомъ послѣ.

Въ 1879 г., то ли я усталъ, или мнѣ надоѣло «качать угольную кислоту», но только работа съ нею была оставлена, и я занялся размышленіями, отчего бы могли задохнуться воздухоплаватели «Зенита» на высотѣ $^1/_3$ атмосферы, т.-е. занялся расчетомъ, въ какой мѣрѣ былъ недостаточенъ для дыханія приходъ O_2 въ теченіе каждаго дыхательнаго періода, на основаніи имѣющихся по этому предмету физіологическихъ данныхъ. Норму часового потребленія O_2—30 grm.—я принялъ правильно, но, переводя величину дыханія въ куб. см. на 1′, сдѣлалъ ариѳметическую ошибку—принялъ 700 к. см. вмѣсто 350 и 50 к. см. на дыхательный пе-

ріодъ вмѣсто 25. Понятно, что на основаніи такого расчета выводъ былъ ошибочный—воздухоплаватели должны были задохнуться на высотѣ ½ атмосферы. Конечно, я былъ очень огорченъ, когда изъ-за границы получилъ письмо отъ Цунтца, въ которомъ указывалось на ошибку и ошибочность вывода; но это горе вскорѣ замѣнилось радостью. Въ слѣдующемъ же году ошибка была заглажена съ лихвою статьей «Ueb. d. O-Spannung in d. Lungenluft unt. versch. Beding.», напечатанной въ Пфлюгеровскомъ Архивѣ (Bd. XXIII). Здѣсь при расчетѣ нормальнаго потребленія O_2 были приняты во вниманіе три обстоятельства: то, что кровь черпаетъ O_2 изъ воздуха легочныхъ пузырьковъ, что потери кислорода возмѣщаются не кислородомъ же, а атмосфернымъ воздухомъ и что изъ вдохнутаго объема воздуха въ легочные пузырьки попадаетъ лишь болѣе или менѣе значительная часть. Если при этомъ принять, что дыханіе во всѣхъ отношеніяхъ совершается съ механическою правильностью, то оказывается, что каково бы ни было исходное содержаніе O_2 въ легочномъ воздухѣ, количество его, какъ величина, зависящая отъ величины періодическаго потребленія O_2 и періодическаго же поступленія въ пузырьки извѣстнаго объема воздуха, становится (въ промежутки между выдыханіями и послѣдующими вдыханіями) болѣе или менѣе быстро стаціонарнымъ. Понятно, что дыханіе на различныхъ высотахъ, при неизмѣнности потребленія тѣломъ O_2 и при постоянномъ уменьшеніи количества притекающаго въ легкое воздуха (такъ какъ объемъ вдыханія остается постояннымъ, а вдыхаемый воздухъ разрѣженъ), ведетъ за собою постоянное уменьшеніе стаціонарнаго количества O_2 въ легкомъ, и какъ только послѣднее настолько понизится, что парціальное напряженіе пойдетъ книзу отъ 20 мм., наступаютъ условія для задыханія.

Послѣ того какъ промахъ былъ такимъ образомъ заглаженъ, естественно было распространить послужившія къ этому разсужденія на другія составныя части легочнаго воздуха и расширить рамку условій, могущихъ вліять на стаціонарное состояніе каждаго изъ трехъ составныхъ газовъ легочнаго воздуха. Такимъ образомъ въ Пфлюгеровскомъ Архивѣ слѣдующаго года (Bd. XXIV, 1881) появилась статья подъ заглавіемъ «Die Theorie der Lungenluftzusammensetzung». Здѣсь были разобраны слѣдующія условія, вліяющія на стаціонарные объемы легочныхъ газовъ: вмѣстимость легкаго и объемъ вдыханій; сжатіе и разрѣженіе воздуха отъ 10 атм. до 0,3 атм.; составъ вдыхаемаго воздуха со стороны CO_2 и O_2, въ процентахъ того и другого газа, со включеніемъ случая дыханія чистымъ кислородомъ; колебанія въ потребленіи O_2 и производ-

ствѣ CO_2, со включеніемъ случая такого колебанія при мышечной работѣ (когда объемъ образуемой CO_2 превышаетъ объемъ потребляемаго кислорода).

Другой, еще болѣе длинный, перерывъ «качанія CO_2» ушелъ на работу съ электрическими явленіями на спинномъ и продолговатомъ мозгу лягушки. Работа эта—«Galvan. Ersch. an d. verläng. Marke d. Frosch.»—появилась въ Пфлюгеровскомъ Архивѣ 1882 г. (Bd. XXVII). Здѣсь впервые были констатированы на выдѣленной изъ тѣла спинно-мозговой оси лягушки всѣ три формы электродвигательныхъ явленій, извѣстныя дотолѣ на нервѣ: покоящіеся токи, электротонъ и отрицательныя колебанія. Сверхъ того—и это были главные пункты изслѣдованія—были найдены: *a*) гальваническіе эффекты самопроизвольно родящихся въ продолговатомъ мозгу двигательныхъ импульсовъ, въ видѣ спонтанныхъ отрицательныхъ колебаній тока; *b*) угнетеніе этихъ колебаній, resp. импульсовъ, сильной тетанизаціей сѣдалищныхъ нервовъ въ центростремительномъ направленіи; *c*) угнетеніе при томъ же условіи возбудимости спинного мозга на прямое раздраженіе, и, наконецъ, *d*) усиленіе колебаній, resp. импульсовъ, вслѣдъ за прекращеніемъ тетанизаціи.

Значеніе всѣхъ этихъ фактовъ вытекаетъ изъ слѣдующаго:

a) Развитіе въ продолговатомъ мозгу спонтанныхъ колебаній тока вполнѣ аналогично съ давно извѣстнымъ развитіемъ такъ наз. насильственныхъ движеній на лягушкахъ съ перерѣзками головного мозга по верхней границѣ продолговатаго. Какова бы ни была первичная причина послѣднихъ, въ основѣ ихъ во всякомъ случаѣ лежатъ возбужденія центровъ. Значитъ, фактъ *a*) впервые устанавливаетъ нѣкоторую аналогію между процессомъ возбужденія центра и нерва, или, по крайней мѣрѣ, аналогію между внѣшними выраженіями этихъ процессовъ.

b) Угнетеніе спонтанныхъ колебаній сильной тетанизаціей чувствующихъ нервовъ, очевидно обязанное своимъ происхожденіемъ угнетенію возбудимости всей спинно-мозговой оси (это вытекаетъ изъ факта *c*), вполнѣ аналогично съ тѣмъ, что даетъ по моимъ опытамъ такая же тетанизація на лягушкахъ (съ отнятыми полушаріями и на обезглавленныхъ) въ отношеніи рефлексовъ, выражающаяся съ виду угнетеніемъ кожной чувствительности (см. выше).

c) Хотя угнетеніе возбудимости нервныхъ центровъ при сильной тетанизаціи чувствующихъ нервовъ было констатировано только на спинномъ мозгу, за невозможностью приложенія прямыхъ раздраженій къ продолговатому, но сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь эффектъ нервной тетанизаціи тотъ же, очевидно невозможно—за это говоритъ фактъ угнетенія возбуждающихъ толчковъ.

d) Фактъ послѣдующаго за прекращеніемъ тетанизаціи нарастанія спонтанныхъ колебаній, resp. возбуждающихъ толчковъ, важенъ въ трояком отношеніи, доказывая: 1) что угнетеніе этихъ колебаній не можетъ быть отнесено къ истощенію или утомленію нервныхъ центровъ; 2) что послѣдніе во время тетанизаціи должны, наоборотъ, заряжаться энергіей (иначе развитіе сильныхъ движеній по ея прекращеніи было бы непостижимо), и 3) представляя полную аналогію съ найденнымъ мною усиленіемъ рефлексовъ (на лягушкѣ) вслѣдъ за прекращеніемъ угнетающей ихъ тетанизаціи нервовъ.

Изъ фактовъ *b*) и *d*) вытекаетъ, наконецъ, съ очевидностью, что въ угнетеніи возбуждающихъ толчковъ въ продолговатомъ мозгу тетанизаціей приводящихъ нервовъ, мы имѣемъ несомнѣнную аналогію съ угнетеніемъ дѣятельности сердца раздраженіемъ *vagi*, ибо какъ здѣсь, такъ и тамъ эффектъ опредѣляется не истощеніемъ или утомленіемъ нервныхъ центровъ представляя случай такъ наз. торможенія дѣятельности органа. Аналогія эта восполнена Гейденгайномъ, повторившимъ на бродящемъ нервѣ и сердцѣ мой опытъ съ раздраженіемъ сѣдалищнаго нерва лягушки солью и послѣдующей затѣмъ отрѣзкой раздражаемаго участка: параллельно полученнымъ мною эффектамъ, угнетенію рефлексовъ и усиленію ихъ, онъ получилъ остановку сердца и усиленіе сердечной дѣятельности. Аналогія эта даетъ, наконецъ, право заключить, что и въ актѣ діастолической остановки сердца опредѣляющую роль играетъ угнетеніе возбудимости нервно-двигательныхъ механизмовъ.

Къ этому же промежутку времени относятся опыты съ усиленіемъ возбужденія нервовъ, безъ усиленія раздражающаго тока, приложеніемъ къ нерву тройныхъ электродовъ. По опытамъ Пфлюгера съ измѣненіемъ раздражительности на полюсахъ поляризующаго тока, съ прибавкой къ нимъ одного изъ наблюденій студента Петербургскаго университета, теперь одесскаго профессора физіологіи, Вериго, нервъ возбуждается раздражающимъ токомъ въ сферѣ катэлектротона всего сильнѣе при условіи, если раздражающій токъ приложенъ къ нерву такимъ образомъ, что его отрицательный полюсъ обращенъ къ отрицательному полюсу поляризующаго тока. Если поэтому взять вмѣсто двухъ электродовъ три, съ отвѣтвленіемъ отъ одного изъ нихъ, какъ показано толстыми чертами на рисункѣ (рис. 2), то приложеніе раздражающаго тока (слабаго постояннаго или индукціоннаго удара) къ нерву въ восходящемъ направленіи будетъ соотвѣтствовать вышеупомянутому условію наисильнѣйшаго возбужденія нерва. Опыты и подтвердили это предположеніе.

Упомяну еще о маленькой замѣткѣ касательно почечнаго кровообращенія, напечатанной около того же времени.

Между очистителями крови отъ неутилизируемыхъ болѣе продуктовъ распада веществъ легкія и почки стоятъ на первомъ планѣ: первыя очищаютъ кровь отъ газообразныхъ веществъ, а вторыя— главнымъ образомъ отъ растворимыхъ въ видѣ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ. Легкія по объему и мѣстоположенію устроены очень удобно для выполненія своей задачи: при очень большомъ объемѣ они лежатъ на пути всей протекающей по тѣлу крови, а почки (очищающія *всю* кровь!) лежатъ въ сторонѣ главнаго ея пути, съ боку брюшной аорты, и такъ малы, что по нимъ, судя по объему, можетъ протекать лишь очень незначительное количество крови. Сравнительно болѣе выгодныя условія въ устройствѣ легкихъ объясняются тѣмъ, что ими въ сутки выводится среднимъ числомъ 900 грм. вреднаго вещества (CO_2), а почками, если не считать безвредной воды, много-много 40 грм. Но этимъ все-таки не исчерпывается вопросъ, какимъ образомъ почки, будучи очистителями *для всей крови*, справляются съ своей задачей при маломъ объемѣ и при невыгодномъ расположеніи въ сторонѣ отъ главнаго пути крови. Справляются же онѣ очень исправно, насколько можно судить по быстротѣ, съ какою выводятся ими изъ тѣла излишки воды [1]). Легко понять, что такое явное несоотвѣтствіе между положеніемъ почки на кровяномъ пути и ея кровеочистительной функціей могло бы быть устранено или прохожденіемъ черезъ почку сравнительно (съ ея объемомъ) большихъ количествъ крови, или такимъ устройствомъ органа, которымъ создавались бы въ почкѣ условія для сильной фильтраціи воды. Извѣстно, что Людвига, построившаго фильтраціонную теорію

Рис. 2.

[1]) Прямыми опытами доказано, что маленькія почки кролика способны въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вывести болѣе 1 литра воды, вводимой искусственно въ видѣ физіологическаго раствора поваренной соли. Въ лейпцигской студенческой кнейпѣ, гдѣ я нѣкогда обѣдалъ, во время опытовъ надъ собою съ вліяніемъ алкоголя на выдѣленіе мочевины, хозяинъ обыкновенно записывалъ на черной доскѣ мѣломъ имена вечернихъ посѣтителей и число выпитыхъ каждымъ изъ нихъ кружекъ пива. Разъ на этой доскѣ я не безъ удивленія увидѣлъ фамилію „Motz" и рядомъ цифру 34. На мои разспросы хозяинъ сообщилъ, что въ предшествующій вечеръ г. Мотцъ выпилъ съ 6 ч. вечера до 12 ч. ночи 34 шопена пива безъ малѣйшаго вреда для себя. Подобный же случай я видѣлъ въ деревнѣ у родныхъ въ день престольнаго праздника. Ихъ кучеръ Семенъ выпилъ въ короткое время чуть не ведро браги, отекъ и со страху пришелъ ко мнѣ отекшій, какъ къ доктору. Узнавъ, въ чемъ дѣло, я его успокоилъ, и вечеромъ отекъ прошелъ.

мочеотдѣленія, увлекли въ эту сторону три факта, сильно говорившіе съ виду въ пользу фильтраціи: высокое давленіе крови, входящей въ почку, свободное положеніе почти голыхъ сосудовъ Мальпигіева клубочка (гдѣ выдѣляется вода) въ мочевыхъ капсулахъ и быстрый переходъ артеріи клубочковъ въ волосную сѣть. Извѣстно далѣе, что фильтраціонная теорія пала; опытами Гейденгайна было доказано, что факторомъ, опредѣляющимъ количество выводимой изъ крови воды, является не давленіе крови, а сравнительная быстрота кровяного тока по органу. Въ пользу этой мысли онъ привелъ справедливо особенно широкій просвѣтъ почечной артеріи сравнительно съ объемомъ органа, но оставилъ безъ надлежащаго вниманія самую главную особенность въ снабженіи почки кровью. По этой причинѣ и появилась моя замѣтка. Въ ней было показано, что быстрота протеканія черезъ почку сравнительно большихъ количествъ крови опредѣляется, помимо краткости почечнаго пути, больше всего огромной разницей давленій крови при входѣ ея въ почку и при выходѣ изъ послѣдней, чѣмъ въ то же время опредѣляется крутой спадъ давленій по длинѣ почечныхъ сосудовъ.

Одновременно съ этой замѣткой была напечатана мною другая— касательно выравниванія силы вертящихся индукціонныхъ токовъ, гдѣ я, по какому-то непостижимому помраченію ума, сдѣлалъ такую ошибку въ ходѣ токовъ по развѣтвленнымъ проводникамъ, которую едва ли сдѣлалъ бы гимназистъ, прослушавшій элементарный курсъ физики. Ошибка эта порядочно-таки помучила меня. Хорошо еще, что она случилась много позже того, какъ Дмитрій Андреевичъ забраковалъ меня въ академію наукъ, иначе это былъ бы скандалъ, способный истерзать душу. По этой именно причинѣ и было мною сказано выше, при описаніи моего академическаго фіаско, что я *къ счастію* не попалъ въ академію.

Итакъ, жизнь въ лабораторіи Петербургскаго университета принесла мнѣ много счастливыхъ минутъ и не мало горя. Извѣстнымъ утѣшеніемъ могли служить уже имѣвшіяся въ рукахъ доказательства, что работы дали мнѣ нѣкоторое имя на Западѣ, но могли ли они вырвать изъ души занозу, когда мнѣ въ концѣ чуть не десятилѣтней работы съ CO_2 было сказано: «все, что вы сдѣлали, очень хорошо, но это частный случай; докажите вашъ законъ вообще на другихъ газахъ».

Изъ-за положительной невозможности выполнить предлагаемое пребываніе въ петербургской лабораторіи стало казаться мнѣ безцѣльнымъ, даже непріятнымъ, и я рѣшилъ замѣнить профессорство болѣе скромнымъ приватъ-доцентствомъ въ Москвѣ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, физіологія не была въ авантажѣ. Съ этою цѣлью

въ 1888 г. я вышелъ въ отставку и уѣхалъ прежде всего отдыхать на цѣлый годъ въ деревню къ женѣ. Отсюда я списался съ моей старой пріятельницей Надеждой Ѳедоровной Шнейдеръ. Она (тогда уже вдова) была замужемъ за профессоромъ гистологіи Бредихинымъ (братомъ извѣстнаго астронома), имѣла связи въ университетѣ и могла доставить мнѣ вѣрныя свѣдѣнія, насколько мое намѣреніе приватдоцентствовать въ университетѣ можетъ не нравиться нѣкоторымъ изъ профессоровъ. Получился отвѣтъ, что моему переселенію дѣйствительно не сочувствуютъ. На это я просилъ успокоить, что никого не стѣсню и никому не стану поперекъ дороги. Тогда получился удовлетворительный отвѣтъ, и я ранней весной съѣздилъ въ Москву подать прошеніе о приватъ-доцентствѣ. Былъ у декана и ректора (филолога Иванова), но не засталъ ни того, ни другого дома; прислуга ректора мнѣ объявила, что онъ очень любитъ архіерейское служеніе и находится на таковомъ. Принялъ меня, и очень любезно, только попечитель, графъ Капнистъ, замѣтившій между прочимъ, что по новому уставу мнѣ не зачѣмъ было выходить въ отставку, чего я не зналъ и чего мнѣ не сказали въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Москву я встрѣтилъ дружеское участіе со стороны молодого профессора сравнительной анатоміи, милаго, добраго Мих. Алекс. Мензбира. Онъ далъ мнѣ въ своемъ небольшомъ помѣщеніи отдѣльную комнату, и здѣсь я прожилъ цѣлый годъ.

Не располагая никакими инструментами, кромѣ абсорпціометра, ножа и индукціоннаго снаряда, и не желая стѣснять физіологическую лабораторію, я рѣшилъ читать отдѣлъ физіологіи, не требовавшій сложныхъ инструментальныхъ пособій, именно центральную нервную систему. Плодомъ этого была написанная мною въ Москвѣ «Физіологія нервныхъ центровъ». Мою первую лекцію начальство не удостоило почему-то своимъ посѣщеніемъ; студентовъ на лекціяхъ было довольно много, но гонорара я получилъ всего 60 рублей.

Въ этомъ же году я былъ приглашенъ читать лекціи медикамъ въ помѣщеніи ихъ клуба по Большой Дмитровкѣ. Слушателей было такъ много и гонораръ такъ великъ, что у меня родилась мысль устроить въ Москвѣ маленькую лабораторію. Попечитель обѣщалъ дать мнѣ небольшое помѣщеніе, я же, по истеченіи академическаго года, поѣхалъ за границу покупать инструменты и побывалъ съ этою цѣлью въ Парижѣ. Въ этотъ именно пріѣздъ я и попытался, черезъ посредство Дюкло, вызвать у французовъ интересъ къ моей работѣ съ CO_2, о чемъ было упомянуто выше. На возвратномъ пути въ Россію заѣхалъ въ Лейпцигъ къ моему дорогому учителю Люд-

вигу. Въ виду неопредѣленности моего тогдашняго положенія онъ безъ всякаго вызова съ моей стороны сказалъ мнѣ, чтобы я имѣлъ въ виду, что, пока онъ живъ, въ его лабораторіи всегда будетъ комната для меня. Вернувшись въ Россію, я узналъ, съ большимъ огорченіемъ, что обѣщаннаго мнѣ помѣщенія нѣтъ, и почти рѣшилъ въ умѣ работать у Людвига за границей, а въ Москвѣ читать лишь лекціи. Доживаю я съ этими мыслями конецъ лѣта въ деревнѣ у жены и вдругъ получаю отъ попечителя телеграмму, въ которой значится, что, по случаю неожиданной кончины профессора физіологіи Шереметевскаго, медицинскій факультетъ и онъ, попечитель, предлагаютъ мнѣ занять эту каѳедру. Сознаніе, что на этомъ мѣстѣ я могу принести медицинскому факультету больше пользы, чѣмъ привата-доцентствомъ безъ рабочаго угла, заставило меня принять предложеніе, и въ послѣдовавшія затѣмъ десять лѣтъ профессорства (1891—1901 гг.) не было повода раскаиваться въ этомъ рѣшеніи: товарищи по медицинскому факультету приняли меня радушно; въ лабораторіи, въ лицѣ моего ближайшаго сотрудника Льва Захаровича Мороховца, я нашелъ такого дружелюбнаго товарища, что за всѣ десять лѣтъ ни разу не чувствовалъ себя пришельцемъ въ чужое гнѣздо; наконецъ, между учениками мнѣ посчастливилось найти друга, М. Н. Шатерникова, работать съ которымъ было для меня большимъ наслажденіемъ, тѣмъ болѣе что работали мы не безъ успѣха. Дружеское и крайне цѣнное для меня расположеніе я встрѣтилъ еще въ годъ приватъ-доцентства со стороны такихъ людей, какъ Климентъ Аркадьевичъ Тимирязевъ и проф. Столѣтовъ, а впослѣдствіи сошелся еще съ Александромъ Ивановичемъ Чупровымъ и Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Нужно ли говорить, что при такихъ условіяхъ жизнь протекала мирно и пріятно. А впослѣдствіи ко всему прочему присоединился переѣздъ изъ Одессы въ Москву друзей Умовыхъ, Николая Алексѣевича и Елены Леонардовны. Она и по сіе время осталась для меня другомъ, непосредственно слѣдующимъ за моимъ первымъ неизмѣннымъ другомъ — женой.

Когда я получилъ каѳедру физіологіи, Л. З. Мороховецъ состоялъ при ней, по новому уставу, прозекторомъ, и первымъ моимъ дѣломъ было выхлопотать ему званіе экстра-ординарнаго профессора. Послѣ этого намъ уже было легко подѣлиться полюбовно нашими занятіями по каѳедрѣ, какъ двумъ равноправнымъ членамъ. Онъ обладалъ большими хозяйственными талантами, я же лишенъ таковыхъ; поэтому завѣдываніе институтомъ было предоставлено ему, тѣмъ болѣе что онъ былъ устроителемъ физіологическаго института; мнѣ же, какъ болѣе опытному лектору, предоставлено было

большее число лекцій (мнѣ четыре часа въ недѣлю, ему два). Въ полное свое распоряженіе я получилъ двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ и зажилъ въ нихъ пріятнѣйшимъ образомъ съ моимъ сотрудникомъ Мих. Ник. Шатерниковымъ. Деликатности и дружелюбію Льва Захаровича я обязанъ тѣмъ, что, проживъ въ этихъ комнатахъ спокойно десять лѣтъ профессорства, живу въ нихъ спокойно и теперь, по выходѣ въ отставку. Какое это счастье, можетъ понять лишь тотъ, кто подобно мнѣ прожилъ чуть не полвѣка въ лабораторіи (съ 1856 г.) и уже неспособенъ къ иной формѣ существованія.

Не малое утѣшеніе принесло мнѣ также знакомство съ женскими курсами при обществѣ воспитательницъ и учительницъ, куда я былъ приглашенъ читать лекціи. И здѣсь, какъ въ дружной семьѣ бестужевокъ, временъ Надежды Васильевны Стасовой, чувствовались та свобода и непринужденность, въ связи съ порядочностью, которыя даются семьѣ только образованностью ея членовъ, порядочностью преслѣдуемыхъ семьей цѣлей и любовнымъ отношеніемъ старшихъ къ младшимъ. Отрадно вспоминалось въ этой средѣ былое; на лекціяхъ передъ моими глазами опять сидѣли безкорыстно стремившіяся къ знанію бестужевки съ столь знакомымъ мнѣ напряженнымъ вниманіемъ на лицахъ. Не отсутствовало и подобіе незабвенной Надежды Васильевны Стасовой въ лицѣ распорядительницы курсовъ Анны Николаевны Шереметевской, гораздо болѣе молодой, чѣмъ Надежда Васильевна, но такой же доброй и энергичной на всякое доброе дѣло. Учрежденіе это имѣло благую цѣль—дать возможность пополнить образованіе учительствующимъ и готовящимся къ учительству женщинамъ; оно не стоило правительству ни копейки, не требовало для слушательницъ никакихъ правъ и жило себѣ годы спокойно, но не пользовалось организованнымъ правительственнымъ надзоромъ (т.-е. короннымъ директоромъ и его помощниками съ жалованьемъ) и было поэтому закрыто, какъ только возникли высшіе курсы Герье. Самоуправленіе у насъ вообще не въ модѣ.

Не мало хорошихъ минутъ, помимо дружескаго общенія съ товарищами, было пережито и въ лабораторіи Московскаго университета. Въ первый же годъ моего профессорства кончились мои мученія изъ-за судьбы моей работы съ CO_2. Судьба словно сжалилась надо мной, пославъ мнѣ въ голову мысль испробовать, не оправдается ли найденный мною законъ растворенія газа въ объемноразжижаемыхъ соляныхъ растворахъ, если вмѣсто CO_2 растворять въ соляныхъ растворахъ соль индиферентную къ соли растворителя. Съ этою цѣлью я сталъ разыскивать въ литературѣ этого

вопроса случаевъ, гдѣ растворитель разжижался бы, какъ въ моихъ опытахъ съ CO_2, въ объемномъ отношеніи. Такой случай былъ найденъ въ изслѣдованіи Bodländer'a [1]), и мнѣ оставалось только подвести данныя его опытовъ подъ формулу $y = ae^{-\frac{k}{x}}$, чтобы убѣдиться въ приложимости закона къ раствореніи солей въ соляныхъ растворахъ. Нѣсколько позднѣе московскій химикъ Яковкинъ подтвердилъ своими изслѣдованіями [2]) этотъ результатъ въ болѣе общей формѣ. Такимъ образомъ я добился-таки до универсальнаго ключа къ обширному классу явленій.

До сихъ поръ я работалъ всегда въ одиночку; но какъ только получилъ въ студентѣ Шатерниковѣ возможнаго сотрудника, съ милымъ нравомъ, хорошей головой и искусными руками, сталъ работать съ нимъ. Первой нашей работой было устройство придатка къ манометру моего абсорпціометра для быстраго, точнаго и повторительнаго анализа атмосфернаго воздуха [3]).

Преимущества этого способа передъ обыкновеннымъ эвдіометрическимъ заключались, помимо быстроты, въ томъ, что отсчитываніе газовыхъ объемовъ производилось подъ водой и устранялась ошибка смачиванія стѣнокъ эвдіометра щелокомъ тѣмъ, что въ оба колѣна манометра наливались столбики щелока равной высоты.

Во второй общей работѣ планъ изслѣдованія и нѣкоторыя детали аппарата принадлежатъ мнѣ; все же остальное и приведеніе аппарата въ дѣйствіе было дѣломъ его рукъ [4]).

Основной смыслъ новаго способа измѣрять на человѣкѣ объемъ выдохнутаго воздуха и количество содержащейся въ немъ CO_2 заключался въ слѣдующемъ. Если неизвѣстный объемъ выдыхаемаго воздуха x, проходя по системѣ трубокъ, встрѣчаетъ щелокъ и теряетъ въ немъ поглощеніемъ измѣримый объемъ A угольной кислоты, то за предѣлами щелока будетъ проходить объемъ x—A. Если при этомъ извѣстенъ процентъ угольной кислоты (a) въ выдыхаемомъ воздухѣ до его прохожденія черезъ щелокъ и соотвѣтственный процентъ (b) за его предѣломъ, то все выдохнутое ко-

---

[1]) Ueber die Löslichkeit von Salzgemischen im Wasser. Zeitschr. f. physikal. Chem. Bd. VII, Heft 4.

[2]) А. А. Яковкинъ. Распредѣленіе веществъ между двумя растворителями въ примѣненіи къ изученію явленій химической статики. Ученыя Записки Моск. ун. Отд. естеств.-истор. Выпускъ 12, 1896.

[3]) M. Schaternikoff und J. Setschenow. Ein Beitrag zur Gasanalyse. Zeitschr. f. physik. Chemie. XVIII, 4, 1895.

[4]) М. Н. Шатерниковъ. Новый способъ опредѣленія на человѣкѣ количества выдыхаемаго воздуха и содержащейся въ ономъ CO_2. Диссертація на степень доктора медицины. Москва, 1899.

личество CO_2 будетъ $\frac{ax}{100}$, а количество оставшейся послѣ поглощенія щелокомъ $\frac{(x-A)b}{100}$. Отсюда

$$\frac{(x-A)b}{100} + A = \frac{ax}{100}, \text{ и}$$

$$x = A\frac{100-b}{a-b} \dots \dots (1).$$

Вмѣстѣ съ этимъ дѣлается, конечно, извѣстно и количество выдохнутой CO_2 $\left(\frac{ax}{100}\right)$. Если извѣстны, наконецъ, проценты O_2 во вдыхаемомъ и выдыхаемомъ воздухѣ, то, предполагая объемы вдохнутаго и выдохнутаго воздуха равными другъ другу, получается приблизительно вѣрное опредѣленіе количества потребленнаго кислорода [1]).

Изъ формулы (1) непосредственно видно, что пригодность способа требуетъ: 1) очень точнаго опредѣленія количества поглощенной щелокомъ угольной кислоты, потому что A множится на 100 даже въ томъ случаѣ, если бы весь щелокъ изслѣдовался на поглощенный газъ; 2) очень точнаго опредѣленія обоихъ процентовъ угольной кислоты, a и b, и 3) настолько сильнаго поглощенія CO_2 щелокомъ, чтобы знаменатель превышалъ единицу или былъ по крайней мѣрѣ равенъ ей. Сверхъ послѣдняго условія, поглощатель CO_2 долженъ былъ оказывать возможно малое сопротивленіе току выдыхаемаго воздуха.

Послѣднимъ двумъ условіямъ удовлетворяло устройство поглощателя въ формѣ низкой широкой Вульфовой склянки (съ выводной трубкой въ днѣ), вводная трубка которой кончалась на нижнемъ концѣ, погруженномъ въ щелокъ, широкимъ плоскимъ цилиндромъ со множествомъ отверстій на боковой поверхности и въ днѣ. Размѣры склянки и цилиндра были расчитаны такъ, чтобы слой потребнаго для опыта щелока поверхъ выходныхъ отверстій цилиндра не превышалъ 1 сант. Такимъ образомъ, сопротивленіе со стороны жидкости току воздуха не превышало 20 мм. воды (это показывалъ манометръ, помѣщенный передъ поглощателемъ).

[1]) Болѣе точное опредѣленіе этой величины получается по азоту выдохнутаго воздуха. Такъ какъ при дыханіи количество азота остается неизмѣннымъ, слѣдовательно, разъ опредѣлены объемъ выдохнутаго воздуха и процентное содержаніе въ немъ азота, то извѣстно и количество его во вдохнутомъ воздухѣ. Количество же это, будучи помножено на $\frac{21}{79}$, даетъ содержаніе O_2 во вдохнутомъ воздухѣ. Такъ, если объемъ выдохнутаго воздуха V, а c есть процентъ въ немъ азота, то $\frac{Vc}{100} \cdot \frac{21}{79}$ будетъ объемъ кислорода во вдохнутомъ воздухѣ.

Надъ щелокомъ помѣщалась, противъ разбрызгиванія его вырывающимся изъ отверстій воздухомъ, густая металлическая сѣтка. Впослѣдствіи этотъ поглощатель былъ значительно усовершенствованъ Шатерниковымъ.

Части выдыхаемаго воздуха для анализа на CO_2 отводились отъ главнаго пути одновременно и равномѣрно по обѣ стороны поглощателя во все продолженіе опыта. Одновременность достигалась тѣмъ, что ртуть, наполнявшая собирающіе газъ цилиндры, вытекала изъ нихъ не прямо, а черезъ посредство соединяющагося съ ними третьяго открытаго сверху цилиндра. Равномѣрность же вытеканія ртути изъ всѣхъ трехъ цилиндровъ достигалась слѣдующимъ простымъ устройствомъ. Въ простыхъ стѣнныхъ трехрублевыхъ часахъ гиря опускается равномѣрно при любой длинѣ маятника, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ онъ короче. Если, слѣдовательно, связать съ гирей такихъ часовъ свободный конецъ выводного каучуковаго рукава изъ 3-го цилиндра, помѣстивъ вытечное отверстіе рукава въ одинъ уровень съ ртутью во всѣхъ цилиндрахъ, то при ходѣ часовъ вмѣстѣ съ вытеканіемъ ртути изъ рукава будетъ происходить одновременно опусканіе уровня ртути въ цилиндрахъ и опусканіе вытечного отверстія. Для того же, чтобы ртуть въ цилиндрахъ опускалась съ такою же быстротой, какъ вытечное отверстіе (иначе опусканіе ртути въ цилиндрахъ не было бы равномѣрно), на пути ртути въ рукавѣ былъ кранъ, и предварительными пробами было установлено, насколько онъ долженъ быть открытъ, чтобы опусканіе во всѣхъ четырехъ мѣстахъ происходило съ одинаковой быстротой.

Для опредѣленія А бралась $^1/_{10}$ всего щелока; поглощенная имъ CO_2 выдѣлялась кислотой въ особо устроенномъ аппаратѣ безъ малѣйшей потери и измѣрялась волюметрически.

На долю Шатерникова выпала замѣна сомнительнаго мундштука Цунтца, съ зажимомъ на носу, очень удобной и вѣрной гуттаперчевой маской, плотно (luftdicht) прилегающей къ лицу вокругъ носа и рта и легко прилаживаемой (нагрѣваніемъ краевъ маски до размягченія гуттаперчи) къ неправильностямъ лицевой поверхности любой формы. Его же трудами установлена форма абсорпціонной трубки для волюметрическаго опредѣленія малыхъ количествъ CO_2 въ большихъ объемахъ воздуха. Имъ же были слажены всѣ части снаряда, прибавленъ къ нему регистраторъ дыхательныхъ движеній и машина пущена въ ходъ.

Составляя планъ этого способа, я думалъ провѣрять главный результатъ опытовъ — высчитанный объемъ выдохнутаго воздуха — введеніемъ въ самый конецъ системы газовыхъ часовъ; но аппаратъ этотъ оказался непригоднымъ для измѣренія газовыхъ объемовъ,

проходящихъ черезъ часы толчками. Поэтому способъ оставался непровѣреннымъ до послѣдней самостоятельной работы уже доктора Шатерникова, произведенной въ 1903—1904 г. [1]).

Ему пришлось изучать дыханіе газовыми смѣсями, большіе запасы которыхъ собирались въ газометрахъ извѣстной емкости, и черезъ это получилась возможность сравнивать высчитанные изъ опыта объемы вдохнутаго воздуха съ объемами, дѣйствительно потребленными и извѣстными изъ калибровки газометровъ. Такимъ образомъ пригодность способа доказана Шатерниковымъ.

Вслѣдъ затѣмъ какъ былъ устроенъ описанный аппаратъ для дыханія человѣка въ неподвижномъ положеніи, мы постарались придать ему портативную форму, дающую возможность измѣрять дыханіе на ходу. Легко понять, что цѣль эта могла быть безъ труда достигнута при помощи двухъ легкихъ станковъ, перекинутыхъ посредствомъ ремней черезъ плечи съ груди на спину. На грудномъ станкѣ укрѣплялся поглощатель CO_2, отводныя плоскія фляжки (вмѣсто цилиндровъ) укрѣплялись на плечахъ, а снарядъ съ понижающимся вытечнымъ отверстіемъ былъ на спинѣ. Описаніе аппарата и опыты съ нимъ помѣщены въ журналѣ Л. З. Мороховца «Physiologiste russe» [2]). Признаюсь откровенно, устройство портативной формы было для меня большой радостью, потому что изслѣдованіе дыханія на ходу было всегда моей мечтой, казавшейся притомъ же невыполнимой.

Когда въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка стали приходить изъ-за границы извѣстія о сокращеніи времени рабочаго дня до 8 часовъ, безъ урона для производства, мнѣ пришла въ голову мысль разобраться въ незатронутомъ дотолѣ вопросѣ, почему сердце и дыхательныя мышцы могутъ работать безъ устали, а человѣкъ, даже привычный къ ходьбѣ, не можетъ пройти безъ утомленія 40 верстъ привычнаго пути по совершенно ровной дорогѣ и безъ всякаго отягощенія тѣла, т.-е. при условіи, когда производимая работа не превышаетъ работы за тотъ же срокъ (10 часовъ, считая 4 версты въ часъ) сердца, т.-е. лѣваго желудочка. Причинъ этому, я думаю, двѣ: болѣе быстрый дренажъ сердца артеріальной кровью и бо́льшая продолжительность въ немъ фазъ отдыховъ работающей мышцы сравнительно съ фазами дѣятельности. Для желудочка при 75 ударахъ въ минуту отношеніе между ними какъ 3 : 5, а при ходьбѣ, въ каждой ногѣ въ отдѣльности, обѣ фазы

---

[1]) M. Schaternikoff. Zur Frage über die Abhängigkeit des O_2-Verbrauches von dem O_2-Gehalte in der einzuathmenden Luft. Engellmann's Archiv. Suppl. Bd. 1904.

[2]) Prof. J. Setschenow und Dr. M. Schaternikoff. Ein portativer Athmungsapparat. Vol. II, p. 44, 1900.

приблизительно равны, насколько равны между собою по продолжительности непрерывно перемежающіяся сокращенія сгибателей и разгибателей ноги. Съ этой точки зрѣнія неутомляемость и дыхательныхъ мышцъ объяснима тѣмъ, что minima утомленія вслѣдъ за каждымъ сокращеніемъ успѣваютъ вполнѣ изгладиться въ теченіе длинныхъ фазъ отдыха, а при ходьбѣ, вслѣдствіе краткости послѣднихъ, полнаго сглаживанія не происходитъ. Разницы въ сравнительной продолжительности фазъ дѣятельности и покоя даютъ, при такомъ взглядѣ, возможность высчитать, какъ великъ долженъ былъ бы быть дополнительный отдыхъ къ 10-тичасовой ходьбѣ для превращенія ея въ неутомляемую работу, если бы дренажъ ножныхъ мышцъ артеріальною кровью былъ столь же быстръ, какъ сердечный. Въ теченіе 10 часовъ сплошная работа желудочка (т.-е. сумма всѣхъ сокращеній) длится $3^3/_4$ часа, а сплошная фаза отдыха— $6^1/_4$ час.; въ ходьбѣ же обѣ эти величины равны 5 час. Но 5 часовъ сплошной работы сердца, безъ утомленія, потребовали бы $8^1/_3$ час. отдыха; слѣдовательно, къ 10-тичасовой ходьбѣ для сглаживанія утомленія, слѣдовало бы прибавить $3^1/_3$ часа дополнительнаго отдыха, разумѣется, сверхъ тѣхъ 8 часовъ сна, которые потребны и неусталому человѣку.

Эти соображенія были развиты мною въ одной изъ публичныхъ лекцій и послужили впослѣдствіи поводомъ къ моей послѣдней лабораторной работѣ—касательно неутомляемости рукъ при правильно періодической работѣ (напечатана въ «Physiologiste russe») [1]. Опыты я дѣлалъ на самомъ себѣ, и прежде всего мнѣ пришлось пріучить работающую руку двигаться съ машинальной правильностью (по ударамъ метронома), безъ участія воли, такъ, какъ двигаются по привычкѣ при ходьбѣ ноги. Затѣмъ былъ найденъ наиболѣе выгодный для рабочей руки темпъ движеній и наибольшій грузъ, при которомъ высоты его поднятія оставались въ теченіе часовъ постоянными. Такимъ образомъ мнѣ удалось разъ сдѣлать безъ устали руки въ теченіе непрерывной 4-хчасовой работы 4800 сокращеній. Затѣмъ слѣдовала серія опытовъ съ бóльшими грузами, дающими ясные признаки утомленія (въ видѣ постепеннаго уменьшенія высотъ поднятія груза). Здѣсь были испробованы различные виды отдыховъ отъ утомленія, и между ними, къ немалому моему удивленію, наиболѣе дѣйствительнымъ оказался не временный покой работающей руки, а покой ея, даже болѣе кратковременный, связанный съ работой другой руки. Естественно было предположить, что

---

[1]) Prof. J. Setschenow. Zur Frage nach der Einwirkung sensitiver Reize auf die Muskelarbeit des Menschen. Vol. III, 1903.

въ этомъ вліяніи временно работающей руки на временно покоящуюся играютъ роль чувственные моменты, связанные съ движеніемъ; и это подтвердилось, когда возбуждающія движенія были замѣнены легкой тетанизаціей руки. Повѣрочные опыты съ очень большими грузами, производящими утомленіе до невозможности двигать рукой, дали то же самое. Такимъ образомъ найденные факты пришлось отнести въ категорію издавна извѣстныхъ пособниковъ работы—оживленнаго настроенія, пѣсни, музыки и т. д. Въ частности же найденные факты имѣютъ, можетъ быть, значеніе пособниковъ противъ утомленія при ходьбѣ и всѣхъ вообще работахъ, гдѣ дѣйствуютъ попеременно различные рабочіе органы тѣла.

Писательская дѣятельность за этотъ періодъ времени выразилась тремя книгами: «Физіологіей нервныхъ центровъ», очеркомъ рабочихъ движеній и переводомъ съ нѣмецкаго большого сочиненія Ф. Нордена.

Въ первой изъ нихъ, имѣвшей цѣлью собрать воедино съ критикой все, что было сдѣлано существеннаго въ этой области, новаго было въ сущности лишь введеніе въ трактатъ—общій обзоръ нервныхъ явленій, съ лежащей въ основѣ его мыслью, что въ животномъ тѣлѣ, какъ машинѣ, всѣ вообще нервные аппараты имѣютъ значеніе автоматическихъ регуляторовъ, въ родѣ, напримѣръ, предохранительнаго клапана Уатта въ паровикѣ. Мысль эта была проведена черезъ всю область явленій—отъ рефлексовъ, обезпечивающихъ сохранность отдѣльныхъ органовъ тѣла, до регулированія всѣхъ вообще передвиженій тѣла въ пространствѣ показаніями органовъ чувствъ. При такомъ взглядѣ равнозначность всѣхъ вообще изучаемыхъ физіологіей нервныхъ явленій выступаетъ съ особенной яркостью: оказывается, что животная машина управляется двоякаго рода импульсами: родящимися въ самой машинѣ измѣненіями въ ея ходѣ и импульсами, приходящими извнѣ. Соотвѣтственно этому въ составъ регулятора входитъ аппаратъ, воспринимающій импульсъ и дающій, такъ сказать, сигналъ къ дѣятельности двигательной части, производящей регуляцію. Въ регуляторахъ, дѣйствующихъ по типу рефлексовъ, сигнальныя части снарядовъ отличаются въ сущности лишь тѣмъ, что въ наиболѣе простыхъ снарядахъ сигналы не доходятъ до сознанія, въ болѣе сложныхъ чувствуются сознательно, а въ области высшихъ органовъ чувствъ способны даже къ качественнымъ видоизмѣненіямъ.

Описать рабочія движенія человѣка меня побудило то обстоятельство, что въ физіологическомъ ученіи о дѣятельности мышцъ рабочая сторона мышечныхъ движеній оставляется въ сторонѣ. Соотвѣтственно этому въ этомъ небольшомъ трактатѣ общую часть

составляетъ описаніе элемента рабочей машины, т.-е. костнаго рычага, его осей вращенія, суставныхъ скрѣпъ, тяжей антагонистовъ и заправляющаго движеніемъ нервнаго аппарата. Въ специальной же части, рядомъ съ подробнымъ описаніемъ условій подвижности и устойчивости различныхъ членовъ тѣла, иллюстрированы примѣрами работы, производимыя укороченіями и удлиненіями рукъ и ногъ, сгибаніемъ и разгибаніемъ туловища и проч. Въ этой работѣ есть, по моему мнѣнію, не мало фактовъ, достойныхъ вниманія, особенно со стороны расположенія мышечныхъ тягъ въ рукахъ и ногахъ.

Переводомъ медицинской книги Ф. Ноордена я хотѣлъ выразить нѣкоторымъ образомъ мою благодарность московскому медицинскому факультету, давшему мнѣ пріютъ на старости лѣтъ. Въ этой очень важной для клиницистовъ книгѣ Ф. Ноорденъ имѣлъ великое терпѣніе и большую заслугу выбрать изъ громадной (приведенной имъ) литературы всѣ имѣющіяся налицо данныя касательно изученія обмѣна веществъ на больномъ человѣкѣ. Въ виду того обстоятельства, что *всестороннее* изученіе обмѣна веществъ, составляющее единственный раціональный путь къ научному изученію болѣзненныхъ состояній, возможно лишь для спеціалистовъ по медицинской химіи и совершенно невозможно въ тѣхъ маленькихъ химическихъ кабинетахъ при клиникахъ, гдѣ производится съ грѣхомъ пополамъ изслѣдованіе изверженій больныхъ, я возымѣлъ слѣдующую мысль, изложенную мною въ предисловіи къ переводу: тамъ, гдѣ клиники (какъ въ Москвѣ) скучены въ одномъ мѣстѣ, уничтожить находящіеся при нихъ безполезные химическіе кабинеты и учредить вмѣсто нихъ центральную лабораторію для всѣхъ клиникъ; устроить ее на всестороннее изученіе обмѣна веществъ и поставить во главѣ ея профессора медицинской химіи съ помощниками. Это учрежденіе представляло бы институтъ медицинской химіи съ двумя рабочими отдѣленіями—для практическихъ занятій студентовъ и для химико-клиническихъ изслѣдованій, которыя должны были бы производиться подъ руководствомъ спеціалистовъ ассистентами клиникъ. Вскорѣ по напечатаніи книги мнѣ пришлось ѣхать за границу и я не преминулъ заѣхать во Франкфуртъ-на-М. къ Ноордену посовѣтоваться съ нимъ насчетъ своего плана. Онъ, конечно, одобрилъ его и посовѣтовалъ мнѣ обратиться съ нимъ письменно къ нѣмецкимъ корифеямъ-клиницистамъ, узнать ихъ мнѣніе. Отъ берлинскаго профессора госпитальной клиники я получилъ очень сочувственный отвѣтъ; отъ Лейдена—нѣсколько уклончивый съ неидущимъ къ дѣлу описаніемъ важности бактеріологическаго изслѣдованія, а отъ мюнхенскаго клинициста не получилъ никакого отвѣта. Планъ свой съ отзывомъ Ноордена и обоихъ поименован-

ныхъ клиницистовъ послалъ въ министерство народнаго просвѣщенія и ректору Одесскаго университета, физику Шведову, такъ какъ въ Одессѣ строились въ то время клиники. Отвѣтъ отъ Шведова былъ сочувственный; тѣмъ не менѣе мой планъ канулъ въ воду.

Столь же неудаченъ былъ мой проектъ измѣненія экзаменовъ на степень доктора медицины, представленный въ отвѣтъ на циркулярное предложеніе министерства обсудить этотъ вопросъ въ факультетахъ. Помню, что главные пункты этого проекта были слѣдующіе: аспирантъ на докторство долженъ былъ прежде написать и защитить диссертацію въ свидѣтельство избранной имъ спеціальности и уже затѣмъ держать экзаменъ—общеобразовательный для всѣхъ вообще докторантовъ по физикѣ, химіи, анатоміи, физіологіи и микроскопіи и спеціальный по избранному имъ предмету. Подъ этимъ проектомъ подписался одинъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эрисманнъ; всѣми остальными членами факультета онъ былъ отвергнутъ.

Не могу не вспомнить по этому случаю печальнаго факта удаленія профессора Эрисманна, волею высшаго начальства, изъ Московскаго университета. Человѣкъ этотъ имѣлъ очень большія заслуги передъ нашимъ бѣднымъ отечествомъ. До него гигіена существовала въ Россіи лишь номинально, а въ его рукахъ она стала дѣятельнымъ началомъ противъ многихъ общественныхъ недочетовъ и язвъ. Онъ основалъ *дѣйствительно рабочій* гигіеническій институтъ, служившій не только наукѣ, но и обществу. Для земской медицины онъ сдѣлалъ столько, что въ средѣ земскихъ медиковъ имя его ставится, по заслугамъ, рядомъ съ именемъ С. П. Боткина, и ставится справедливо. Работая не покладая рукъ, онъ былъ прекраснымъ профессоромъ и нашелъ время написать обширный и очень цѣнимый спеціалистами учебникъ гигіены. Причина, изъ-за которой его удалили, осталась неизвѣстной, но конечно въ силу господствующей у насъ по сіе время теоріи неблагонадежности, которая (т.-е. неблагонадежность), по словамъ графа Делянова женѣ Эрисманна (а также извѣстному юристу Дрилю), чувствуется начальствомъ носомъ. Я зналъ Эрисманна болѣе 25 лѣтъ; мы были съ нимъ пріятели; отъ меня онъ не скрывалъ ни своихъ взглядовъ, ни своихъ убѣжденій, и я могу свидѣтельствовать по совѣсти, что онъ не былъ человѣкомъ крайнихъ мнѣній. Насъ, знавшихъ Эрисманна со времени его пріѣзда въ Россію, всего болѣе поражало въ немъ то, что онъ изъ швейцарца превратился въ русскаго, искренно любилъ Россію и отдалъ всѣ лучшіе годы своей жизни на служеніе ей.

Не печально ли, что та же самая рука (г. Делянова), которая удалила заслуженнаго человѣка, сажала на каѳедры ничтожества,

позорящія профессорское имя? Настанетъ ли когда-нибудь конецъ такимъ печальнымъ явленіямъ?

Послѣ этого невольнаго отступленія возвращаюсь къ прерванному мною разсказу о томъ, что было написано мною въ Москвѣ.

Въ заключеніе упомяну объ одной изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Москвѣ и напечатанныхъ затѣмъ въ «Вѣстникѣ Европы» подъ названіемъ «Впечатлѣнія и дѣйствительность». Здѣсь разбирался вопросъ, въ какой мѣрѣ совпадаетъ видимое нами съ дѣйствительностью,—вопросъ, кажущійся съ перваго взгляда празднымъ, такъ какъ между чувствованіемъ и дѣйствительностью лежитъ бездна. Однако къ зрительнымъ чувствованіямъ эта истина не вполнѣ приложима, потому что они объективируются, т.-е. выносятся наружу въ видѣ опредѣленной фигуры, опредѣленной величины, опредѣленнаго отстоянія отъ глаза и съ опредѣленной окраской. Стало быть, въ отношеніи зрительныхъ впечатлѣній вопросъ сводится къ тому, насколько та или другая сторона объективированнаго чувствованія совпадаетъ съ дѣйствительностью. Въ отношеніи плоской фигуры предметовъ, насколько она можетъ быть очерчена линіями, вопросъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ.

Хотя мы получаемъ отъ внѣшнихъ предметовъ лишь чувственные знаки, но ежеминутный опытъ доказываетъ несомнѣннымъ образомъ, что тождеству или сходству чувственныхъ знаковъ всегда соотвѣтствуетъ тождество или сходство произведшихъ ихъ внѣшнихъ вліяній. Если поэтому плоскостная фигура предмета и его образъ на сѣтчаткѣ сходны между собою и образъ на сѣтчаткѣ сходенъ съ соотвѣтственнымъ объективированнымъ чувствованіемъ, то послѣднее сходно съ плоскостной фигурой предмета.

Первое изъ этихъ положеній не требуетъ доказательствъ; сходство же между образами на сѣтчаткѣ и объективированными чувствованіями всего яснѣе доказывается явленіями свѣторазсѣянія въ глазу, гдѣ видимое, *уклоняясь отъ дѣйствительности, совпадаетъ съ тѣмъ, что рисуется на сѣтчаткѣ*. Такъ, внѣшній предметъ кажется намъ съ расплывшимися контурами, если его образъ на сѣтчаткѣ расплывшійся; свѣтящаяся точка видится раздвоенной, въ видѣ треугольника, креста и проч., если поставить передъ глазомъ ширму съ разрѣзами, не заходящими за величину зрачка, въ видѣ двухъ отверстій, треугольника, креста и проч. Это происходитъ тотчасъ же, какъ только глазъ не приспособленъ къ отстоянію свѣтящейся точки; но тогда и на сѣтчаткѣ рисуются разсѣянные образы въ видѣ двухъ точекъ, треугольника, креста и проч. Да и какой смыслъ имѣло бы иначе присутствіе въ глазу человѣка и

множества животныхъ преломляющей среды, дающей плоскостные образы внѣшнихъ предметовъ?

Работу съ условіями неутомляемости и отдыханія я дѣлалъ, находясь уже въ отставкѣ и пользуясь своимъ прежнимъ помѣщеніемъ въ лабораторіи, благодаря истинно-дружескому отношенію ко мнѣ директора оной Л. З. Мороховца. Покончить преподавательскую дѣятельность побудили меня лѣта, сознаніе начавшейся отсталости въ наукѣ и убѣжденіе, что старику не слѣдуетъ дожидаться времени, когда публика будетъ желать его ухода. Моя отставка не вызвала, правда, сожалѣній ни въ начальствѣ, ни въ слушателяхъ; но, съ другой стороны, признаковъ, чтобы мой уходъ былъ желателенъ, тоже не было. Прошеніе объ отставкѣ было подано мною въ началѣ академическаго года и мѣсяца три я ничего не зналъ о его судьбѣ. Думая, что оно застряло на какой-нибудь инстанціи отъ канцеляріи университета до канцеляріи министра, я отправился съ вопросомъ по этому поводу къ ректору и узналъ, къ немалому моему удивленію, что дѣло мое можетъ быть покончено въ нѣсколько дней: по звону колокольчика явился чиновникъ изъ канцеляріи, ректоръ поручилъ ему написать мой формуляръ, и дѣло кончилось безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Но это не былъ еще конецъ моей преподавательской дѣятельности; настоящій конецъ былъ впереди.

Въ Москвѣ при техническомъ обществѣ существуютъ такъ называемые Пречистенскіе курсы для рабочихъ, на которыхъ читаются между прочимъ естественныя науки, а также анатомія и физіологія. Когда я впервые услышалъ объ этомъ учрежденіи, то думалъ, что популяризація научныхъ свѣдѣній доводится на этихъ курсахъ до крайнихъ предѣловъ, и былъ очень удивленъ, что тамъ читается неподдающаяся популяризаціи химія, притомъ такимъ серьезнымъ человѣкомъ, какъ извѣстный московскій химикъ Михаилъ Ивановичъ Коноваловъ (позднѣе профессоръ химіи въ кіевскомъ политехникумѣ). Чтобы разсѣять мои сомнѣнія, я былъ приглашенъ слушателемъ на одну изъ его лекцій. Въ жизнь мою я не слышалъ такого умѣлаго приспособленія серьезнаго чтенія къ умственнымъ средствамъ аудиторіи. Курсъ, очевидно, былъ задуманъ и приводился въ исполненіе такъ, что всякій шагъ впередъ имѣлъ основаніе въ одномъ изъ предшествующихъ ближайшихъ. Дѣлая такой шагъ, лекторъ обращался къ аудиторіи съ вопросомъ, что послужило для этого шага основаніемъ, и изъ аудиторіи каждый разъ раздавался вѣрный отвѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что лекція М. И. нисколько не отличалась по содержанію отъ лекцій, читаемыхъ въ университетахъ студентамъ. Сильное впечатлѣніе по-

лучилось и отъ аудиторіи, слушавшей съ какою-то жадностью простую и ясную рѣчь своего профессора, подкрѣплявшуюся на каждомъ шагу опытомъ. Еще большимъ уваженіемъ я проникся къ этой аудиторіи, когда узналъ, что нѣкоторые рабочіе бѣгутъ на эти лекціи, по окончаніи вечернихъ работъ на фабрикѣ, изъ-за Бутырской заставы; многіе учатся иностраннымъ языкамъ, нѣкоторые даже англійскому. Дай Богъ сохраниться и расширяться этому симпатичному учрежденію—прообразу народнаго университета.

Въ началѣ прошлаго академическаго года меня пригласили читать на Пречистенскихъ курсахъ анатомію и физіологію, и я принялъ предложеніе, думая, что, отсталый для чтенія въ университетѣ, годенъ еще на чтеніе элементарныхъ курсовъ, тѣмъ болѣе что мой вѣрный другъ и сотрудникъ М. Н. Шатерниковъ взялся ассистировать на этихъ лекціяхъ. И моя аудиторія производила на меня очень отрадное впечатлѣніе своимъ вниманіемъ и явнымъ пониманіемъ читаемаго. Съ октября по февраль я успѣлъ прочитать устройство и подвижность скелета съ законами распредѣленія скрѣпъ и тягъ, анатомію и физіологію внѣшнихъ покрововъ, органы пищеваренія, кровообращенія и дыханія; оставалось только прочесть работу мышцъ и общій обзоръ нервныхъ явленій, съ болѣе подробнымъ описаніемъ зрѣнія и слуха. Но лекціи должны были прекратиться вслѣдствіе полученной мною бумаги, которую привожу дословно.

Императорское
РУССКОЕ ТЕХНИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Постоянная комиссія по техническому образованію.

МОСКВА,
1904 г., февраля 9 дня.
№ 523.

Господину Инспектору Пречистенскихъ Классовъ.

Отношеніемъ г. Директора Народныхъ училищъ отъ 5 февраля 1904 года за № 814 профессоръ Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ не утвержденъ въ должности преподавателя Пречистенскихъ классовъ, а посему объ освобожденіи его отъ занятій благоволите меня увѣдомить.

Предсѣдатель К. Мазингъ.

Такъ кончилась моя преподавательская дѣятельность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданія „НАУЧНАГО СЛОВА“.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. 2-ое дополнен. изд. съ портр. автора, рисунками и предислов. **проф. Н. А. Умова.** Цѣна въ папкѣ 2 руб. 50 коп. (съ пересылкой).

И. И. Мечниковъ. Этюды оптимизма. Цѣна 2 руб. (съ пересылкой).

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Цѣна 1 руб. 40 коп. (съ пересылкой).

М. М. Покровскій. Очеркъ по сравнительной исторіи литературы (романъ Дидоны и Энея и его римскіе подражатели). Цѣна 60 коп. (съ пересылкой).

Г. К. Рахмановъ. Основы метеорологіи. Съ климатологическими картами. Цѣна 90 коп.

Д. М. Петрушевскій. Очерки по исторіи средневѣкового общества и государства. Цѣна 1 р. 70 к.

Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ I и II. Цѣна по 1 р. 50 к.

И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки.

Комплектъ журнала „Научное Слово“ сохранился только за 1905 г. Цѣна 4 р. 50 коп. Отдѣльные №№ за другіе годы изданія продаются по 35 коп. каждый.

Книгопродавцамъ обычная скидка. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при покупкѣ у издателя пользуются скидкой 20%; при коллективной выпискѣ имѣютъ ту же скидку, при чемъ стоимость пересылки начисляется.

Складъ всѣхъ книгъ и нумеровъ журнала у издателя: Москва, Нѣмецкая улица, соб. домъ, Георгій Карповичъ Рахмановъ.

Stanford University Libraries
3 6105 008 828 332